

**ЖУЖА
КАНТОР**

УЛИЦА ПРАТЕР

**ЖУЖА
КАНТОР**

УЛИЦА ПРАТЕР

•
ПОВЕСТИ

ПЕРЕВОД
С ВЕНГЕРСКОГО

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1977

И(Венгр)
К 19

Kántor Zsuzsa «Práter utca»
MÓRA FERENC KIADÓ
Budapest, 1957.

Предисловие О. Г р о м о в а

*Перевод с венгерского
Г. Лейбутина и С. Фадеева*

Художник Л. Х а й л о в

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

К $\frac{70802-531}{M101(03)77}$ 387—77

Предисловие

В этом сборнике представлены произведения известной венгерской писательницы для детей и юношества Жужи Кантор.

Жужа Кантор пришла в венгерскую литературу в начале 50-х годов и быстро завоевала сердца, наверное, самых многочисленных, но и, пожалуй, самых требовательных читателей — ребят. Школьный работник — преподаватель, а затем директор одной из будапештских школ, — она черпала сюжеты своих повестей из окружавшей ее повседневной жизни. Подсмотренные Жужой Кантор эпизоды и подлинные истории, случившиеся с ее «подопечными», их радости, заботы и тревоги, конфликты, разыгрывающиеся в их среде, умело переносились на страницы книг и покоряли своей достоверностью. Мальчишки и девчонки, школьники и гимназисты^[1] — главные герои произведений писательницы — воспринимались ее юными читателями как реальные, живые ребята, хорошие знакомые из «нашего» или параллельного класса, из «нашего» дома или двора, с «нашей» улицы... Нельзя не сказать еще об одной отличительной черте повестей Жужи Кантор: все они или, во всяком случае, значительное большинство их пронизаны светлым, радостным юмором; они как бы лучатся заразной веселостью, невинным добрым озорством, и хотя бы уже поэтому чтение их доставляет удовольствие.

Вот, например, «Парад «пингвинов» — одна из трех повестей этого сборника. Вряд ли можно читать без улыбки о проделках Миши, немного ленивого, но хитроумного мальчишки, пытавшегося использовать в собственных интересах хороший почин своих одноклассников — «пингвинов» (венгерских тимуровцев), — помогать больным и старым. Миши хотел провести ребят, а сам оказался в изобретенной им самим ловушке, но «пингвины» не злопамятны, и все кончается хорошо, к всеобщей радости.

Когда повесть была впервые опубликована на русском языке в сборнике «История одного дня»^[2], Жужа Кантор сделала в этой связи следующее любопытное признание: «...Перечитав ее вновь, я подумала, что в ней есть что-то от манеры Носова»^[3].

Жуже Кантор хорошо удаются характеры персонажей, их индивидуальность, их развитие под воздействием происходящих событий, а также в результате благотворного влияния коллектива, чистой и верной ребячьей дружбы.

Это умение подобрать для своих героев сложные и в то же время весьма жизненные перипетии, как бы максимально способствующие проявлению их собственного «я», становлению характера, воспитанию выдержки и смелости, чувства товарищества и ответственности перед коллективом, хорошо прослеживается у Жужи Кантор в ее повести «Красавец Яцولا». Поскольку на русском языке эта повесть не выходила, расскажем коротко о ней.

В 6-м классе мужской школы подросток второгодник Йошка Дурбинч держит в страхе почти всех ребят, подбивает их на недостойные выходки по отношению к учителям, отбирает у одноклассников принадлежащие им вещи. Герой повести Андриш, у которого Дурбинч отобрал только что приобретенные им шахматы, рискнул пожаловаться на него учителю. Дурбинч пообещал за это жестоко отомстить Андришу. Мальчик понимает, что теперь ему придется несладко, и ищет защиты у доброго и сильного, неуклюжего и, как казалось всем, некрасивого парня из их же класса — Яцолы. Для того чтобы установить с ним более близкий контакт, Андриш внушает Яцоле мысль о том, что он вовсе не такой некрасивый, как, возможно, он и сам о себе думает; более того, одна девочка (приятельница Андриша) якобы интересуется им. В классе разворачивается настоящая борьба между Дурбинчем и его друзьями, с одной стороны, и Андришем, Яцолой и их товарищами, хорошим ядром класса, — с другой. В конце концов побеждают Андриш и его друзья. Сам Андриш, найдя в себе мужество один на один побороться с Дурбинчем (из этого поединка он выходит победителем), обретает главное: веру в себя и смелость. Яцола же к концу повествования совершенно преобразается и внутренне и внешне.

Тонким психологизмом и несомненным писательским мастерством отличается и включенная в сборник небольшая повесть «Зáмок в тетради». С большой художественной достоверностью в ней рассказывается история замкнутого, одинокого мальчика Тони. Он нарисовал в своей тетрадке замок, ставший своего рода прибежищем его дум и фантазий, игр и забав и словно отгородивший его от

коллектива класса. Но крепкая дружба с опекающим Тони хорошим учеником — Тошом — помогла ему поверить в себя и в свою сопричастность со всеми остальными ребятами класса, с общими интересами и делами. И замок в тетради становится уже ненужным...

Мы уже говорили, что сильной стороной повестей Жужи Кантор является ее мастерское проникновение в психологию своих юных героев. Пожалуй, наиболее наглядно это проявляется в повести «Улица Пратер», давшей название нашему сборнику и занимающей особое место в творчестве писательницы.

Если подавляющее большинство повестей Жужи Кантор имеет, так сказать, ярко выраженный локальный характер, то есть ограничивается описанием какого-нибудь, в общем-то, небольшого события или событий, факта или цепи фактов из жизни персонажей повествования и замыкается обычно в рамках одного класса, одной школы, то «Улица Пратер», хотя, казалось бы (судя по названию), тоже ограничивается пределами одной будапештской улицы, на деле рассказывает о трагических событиях, происшедших в Венгрии осенью 1956 года. Написанная по их горячим следам, эта повесть Жужи Кантор воспринимается как взволнованный достоверный репортаж.

В повести раскрывается судьба обыкновенного будапештского юноши Йовольта, ничем не выделявшегося из среды своих сверстников. Не случайная, наверное, и данная ему автором фамилия: «Йовольт» означает в буквальном переводе — «он был хорошим (добрым)». Этот хороший, добрый парень, кстати сказать, и вырос в хорошей семье (его давно умерший отец был венгерским красноармейцем 1919 года; овдовевшая мать, скромная, честная труженица, воспитывала его и дочерей в духе уважения к народному строю). Ближайшим другом Андриша, жившим по соседству, был Фери Олах, учившийся в Советском Союзе и гордившийся этим. В мастерской, где Йовольт работал, его наставником был старый кадровый рабочий, коммунист дядюшка Шандор. Но вот Андриш Йовольт оказывается среди тех, кто хотел нанести удар по народному строю в Венгрии.

Мы не будем пересказывать сюжетную канву повести — читатель познакомится с нею. Не станем прослеживать и все сложные перипетии, через которые пришлось пройти ее героям. Но постараемся помочь нашему юному читателю разобраться в том, что же произошло

в братской Венгрии осенью 1956 года и почему часть венгерской молодежи, в том числе и такие парни, как Андриш Йовольт, оказались по ту сторону баррикады. Это представляется тем более необходимым, что в повести не могли быть вскрыты во всей глубине те процессы, которые протекали в Венгрии в то время, не показаны с достаточной полнотой причины событий и их движущие силы.

За одиннадцать лет, минувших со времени освобождения Венгрии от фашизма, там были осуществлены коренные социально-экономические мероприятия, решающим образом изменившие облик страны. Была проведена земельная реформа, сделавшая землю достоянием тех, кто ее обрабатывает, — огромной армии малоимущих сельских тружеников; национализированы крупная промышленность, банки, транспорт, рудники и шахты; была осуществлена культурная революция. Трудящиеся Венгрии набирали темпы по превращению своей родины из аграрно-индустриальной страны с низким уровнем развития экономики в индустриально-аграрную.

Наряду с несомненными достижениями в ходе социалистического строительства в Венгрии были допущены просчеты в области экономики и в государственном строительстве, имели место нарушения социалистической законности; сказывалось отсутствие идейной убежденности и гражданской зрелости у некоторой части населения. В этих условиях международная и внутренняя реакция усилила подрывную деятельность, направленную на отрыв Венгрии от социалистического содружества и на превращение ее в националистическое буржуазное государство. Империалистические государства и их радиостанции начали разнузданную поджигательскую кампанию, стремясь воздействовать в первую очередь на нестойкие элементы, а также на молодежь, которая подвергалась демагогической обработке, замешанной на левацком фразерстве и шовинизме.

Потерявшие ориентацию в этом мутном потоке злобной антисоциалистической пропаганды, люди заученно повторяли с чужого голоса крикливые лозунги о «свободе и равноправии», о необходимости «очистительной грозы», не задумываясь над тем, что о недостатках в собственном доме нужно не истошно кричать, а спокойно исправлять их. Образно сказал по этому поводу старый рабочий дядя Шандор: «Я, если колдобину вижу на дороге, возьму лопату да колдобину ту засыплю, заровняю. А ты выругаешься и назад повернешь».

Западные страны через свои посольства в Венгрии поддерживали и поощряли деятельность подпольных контрреволюционных организаций, делавших ставку на свержение народно-демократического строя. Более того, западные империалисты и, в первую очередь, империалисты США организовывали подготовку и переброску в Венгрию вооруженных воинских групп и диверсионных банд, рекрутированных, по преимуществу, из эмигрантского контрреволюционного охвостья.

Печальную роль в подготовке событий и, в частности, в идеологической дезориентации молодежи сыграл «Кружок имени Петёфи», созданный в 1955 году и превратившийся к лету 1956 года в легальный форум реакции, на собраниях которого ораторы стали открыто требовать разрешения деятельности буржуазных партий, освобождения и реабилитации политических преступников и выхода Венгрии из Организации Варшавского Договора и т. д. (Сборища «Кружка имени Петёфи» посещала и старшая сестра Андриша Йовольта, принося оттуда домой крикливые демагогические лозунги, вызывавшие неосознанный протест у Андриша.)

Как известно, события в Венгрии начались со спровоцированной внешней и внутренней реакцией студенческой демонстрации 23 октября. В повести Жужи Кантор достоверно показано, как эта, казавшаяся многим стихийной, демонстрация переросла в вооруженные выступления реакции, которыми дирижировали опытные провокаторы вроде выведенного в повести с большой обличительной силой вожака группы контрреволюционеров Жабы. Вот такие «жабы», часть которых до этого отсиживалась в глубоком подполье, а немалая часть хлынула в Венгрию по указке своих империалистических хозяев из-за рубежа, явились ударной силой мятежа. Они распаляли толпу провокационными слухами об «убийстве патриотов», призывали к глумлению над красными флагами, пятиконечными звездами и национальным гербом Венгерской Народной Республики, вручали молодым парням оружие и натравливали их против истинных защитников народного строя. Сформированные этими «жабами» отряды так называемой Национальной гвардии грабили, жгли, убивали, расчищая путь реакции и фашизму. Забегая вперед, можно сказать, что, как только дела контрреволюционеров пошли плохо, «жабы» первыми трусливо убрались на Запад, чтобы снова злобно квакать через «Голос

Америки», «Голос «свободной» Европы» и тому подобные «свободные» голоса.

Вместе с несколькими парнями, также одураченными Жабой, занимает, по его указанию, позицию на крыше одного из домов улицы Пратер и Андриш Йовольт...

Динамичная, проникнутая драматизмом повесть Жужи Кантор прослеживает тот тяжелый и сложный путь, который пришлось проделать Андришу, прежде чем для него наступило прозрение, доставшееся ему дорогой ценой.

Свыше двадцати лет прошло после описываемых в понести событий. Здоровые силы венгерской нации, сплотившись вокруг сформированного коммунистами Революционного Рабоче-Крестьянского правительства, при братской поддержке Советского Союза разгромили контрреволюционный мятеж и восстановили законный порядок в стране. Ныне трудовой народ Венгрии под руководством своего боевого авангарда — Венгерской социалистической рабочей партии уверенно и успешно строит развитое социалистическое общество в тесном содружестве с братскими социалистическими странами.

Молодое поколение занимает достойное место в рядах его строителей.

О. Громов

Парад «пингвинов»

В конце ноября с бабушкой случилось несчастье: она поскользнулась на полу в комнате и сломала ногу. Бабушке наложили на ногу тяжеленную гипсовую повязку, и первое время она почти не двигалась, а больше лежала в постели. Вся домашняя работа свалилась на нас с дедушкой. Недовольно ворча, дедушка поделил со мной обязанности.

— Ты, Миши, — сказал он мне, — великий плут, обманщик и бездельник, но на этот раз тебе придется потрудиться. Отныне ты покупаешь хлеб, молоко и все прочее. Обед из столовой тоже будешь носить ты. Уборку, как более тяжелую работу, я беру на себя.

— Ты будешь убираться? — несколько обеспокоенно взглянула на него бабушка.

— Да, я, — выпятил грудь дедушка. — И вот посмотришь, что здесь будет так чисто, как никогда!

— Обед я мог бы готовить дома, — предложил я. — И тогда не нужно ходить в столовую. А что я стряпать не умею, не беда. Тетя Шаки меня научит. Я это дело в два счета освою.

— Твое дело учиться, — взорвался дедушка, — а не обеды готовить! Или, может, ты в повара собрался? Тебе лишь бы только от школы отлынивать!

С дедушкой спорить бесполезно: он сейчас же начинает ругаться, «двойную бухгалтерию» припомнит. Хотя и было это давным-давно. В прошлом году, когда я еще в пятом учился. В то время я действительно имел два дневника. В одном — колы и двойки, для личного пользования. Второй, с пятерками, я давал на подпись бабушке. Потом меня за это чуть из школы не выгнали. Дедушка никак не может забыть эту историю и с тех пор не доверяет мне. А меня злит, как он высокомерно со мной разговаривает. «Ты, — говорит, — будешь только хлеб покупать и обеды носить из столовой...» Как будто это такое простое дело! Или как будто я ни на что другое не гожусь. А вот я возьму и покажу ему, на что я еще способен!

На другой день я заглянул к соседям. Окна у них вечно запотевшие, потому что тетя Шаки всегда что-нибудь стряпает — обед, ужин, — и от кастрюль у нее такие дивные запахи плывут по воздуху!

Семья у них такая, что целый большой митинг организовать хватит. А помимо своих, когда только ни заглянешь к ним, всегда полно гостей. Одним словом, яблоку негде упасть. А тетушка не унывает, кормит всю эту ораву и хохочет. Она очень приветливая.

— Ты садись, Миши, на табуретку, — говорит она мне, — отведай блинчиков!.. Да ты ешь, ешь, не стесняйся. И бабушке отнеси.

Я и не стесняюсь, ем. И думаю, что могу и отнести бабушке, а могу и сам для нее таких же блинов испечь. Надо только получше присмотреться, как это делается. Особенно мне понравилось, как ловко тетя Шаки в воздухе блин переворачивает: подбросит его на сковородке вверх, а обратно на сковородку он уже сам другим боком падает и дальше печется.

Я этот ее прием в тот же день вечером у себя дома попробовал, но у меня почему-то не получилось. Тесто растекалось по всей сковородке и пригорало. Промучился я с этими блинами полчаса, чаду напустил полную кухню, чуть сам не задохнулся. Ну, я струхнул, что скоро дедушка вернется домой из своего клуба пенсионеров, и поспешил вылить тесто в раковину, наспех помыл посуду, прибрал кухню и хорошенько проветрил ее. А потом отправился к бабушке.

Она в это время дремала, но, как только я вошел, повернулась ко мне, улыбнулась и говорит:

— Наконец-то!

В полдень я принес обед, потом отнес термосы обратно в столовую и вернулся в группу продленного дня. Сделали арифметику и русский, поиграли на школьном дворе.

А бабушка-то все лежит целый день одна. Скучно ей, наверное. Попробовал я ее развлечь немного.

— Бабушка, знаешь, как у меня теперь здорово стойка на руках получается! Хочешь, покажу?

— Ладно, показывай!

Я ей раз десять показал. В конце уже не получалось, потому что руки устали. Потом я колесом прошелся, но вижу — ей весь этот цирк уже надоел, не смотрит, я и перестал. А бабушка вздохнула, говорит:

— Долго что-то сегодня дедушка в клубе засиделся. В шахматы, наверное, играет.

Дедушка и прежде в клуб ходил. С утра он работает четыре часа, а потом в клуб идет. Но прежде и у бабушки были по дому свои дела, она

не возражала. А сейчас она лежит, делать ничего не может и очень скучает.

— Так к тебе за весь день никто и не приходил?

— А кто же придет, Мишенька? Все работают. Тетушка Шаки заглянула тут на минутку и скорее обратно к себе. У нее же там внучата.

— Конечно. А у меня, бабушка, новость. Я пятерку получил за практику. И по русскому тоже скоро подтянусь. Теперь у меня уже лучше дело пошло.

Бабушка улыбнулась:

— Ну спасибо, порадовал!

Насчет русского я, конечно, ей приврал, но надо же сделать ей приятнее.

«Буду, — думал я, — что-нибудь рассказывать ей. Неважно что, лишь бы не скучала».

— Теперь у меня в школе все в порядке. Говорят, я теперь куда лучше, чем раньше был. Говорят, меня и в пионеры снова примут. Тогда я к «пингвинам» попаду.

Насчет «пингвинов» бабушке понравилось. Она даже засмеялась.

— «Пингины», говоришь? Какое смешное у них название! Сразу в голову приходят эти странные птицы — черные с белыми брюшками. Они такие милые.

— Наши «пингвинята» тоже ничего. Жужа Хоронская, например, Отто Ташлер, Клавора.

— Ты дружишь с ними?

— В общем-то, да...

— «Пингины», — покачала головой бабушка. — Хотела бы я на них посмотреть. Мне пингины всегда нравились.

— А я им скажу, чтобы они как-нибудь зашли к нам, хорошо?

— Очень хорошо. Пусть зайдут.

На этом мы расстались. Я надеялся, что бабушка забудет наш разговор. Ведь в это время у меня произошла стычка с «пингвинами». И как раз с Худаком. С Миши. Подрались мы с ним прямо у школьных ворот. Катались по земле, я все старался уложить его на лопатки, а тут вдруг вышел учитель из группы продленного дня. Он нас разнял и погрозил, что этим дело для нас не кончится. И сдержал свое обещание. На другой день вся «продленная группа» пошла на прогулку, а мы с Худаком остались в школе. Нас рассадили по разным классам, уроки готовить. Между прочим, в этот день ребята из группы собрались во время прогулки футбольную встречу провести. А рыжий Худак, как известно, душу отдаст за футбол. Он меня убить был готов. Да и другие «пингины» тоже проследовали мимо меня с таким видом, будто именно я был во всем виноват. Хотя виноват был не я, а Худак: зачем он дергал меня за шарф?

Этот шарф пусть лучше никто не трогает. Его мне бабушка подарила. Бабушка — единственный человек, который меня любит. Другим ребятам наверняка много разных подарков покупают. У Дюри Клаворы, например, только и разговоров что об отце: папа и туда ездил, и там был, это привез, то привез. А я не люблю, когда люди то и дело об отцах болтают. Мой папа, например, не слишком мною занимается. Раз-другой за год если зайдет к нам да в кондитерскую сводит или в Нескучный парк, и то хорошо. А маму свою я не помню, потому что я еще маленький был, когда она умерла.

Папа обычно на мой день рождения приходит. Но в этом году почему-то не пришел: наверное, забыл — ни сам не пришел, ни письма не написал. Ну и не надо, обойдусь. Пожалуй, так даже лучше: не станет, по крайней мере, расспрашивать, каким будет мой табель в конце года да как там мои школьные дела. Не люблю я этих разговоров. Пусть я не отличник, но знаменитым я тем не менее еще могу стать. И не беда, что пока я себя не проявил, у меня еще есть время. Другие великие люди тоже не с детских лет начинали! Жаль, конечно, что я не умею так здорово играть в футбол, как этот Худак, и не такой сильный, как Клавора, или умный, как малявка Юдит Гал. И петь я не умею, и рисовать, как Хоронская, и не знаю арифметики, как Золтен Тот. И все же могу я стать великим и стану им, потому что у меня тоже бывают классные идеи. И про себя это я точно знаю, что у меня ума ничуть не меньше, чем у других, а даже больше! А как стану я знаменитым и повсюду начнут обо мне говорить, папа тоже будет хвастаться мною: «А вы знаете, кто этот Михай Модра? Мой сын!»

Тогда он сразу вспомнит обо мне и о моем дне рождения.

Об этом как раз я думал и тогда, в «продленном дне», когда мы с Худаком подрались. Потому что меня вдруг отвечать вызвали, а я словно язык проглотил. Стою и гляжу на учителя, как баран на новые ворота. Ну, посадили меня снова на место, велели еще раз поучить.

Читал я, читал, да все напрасно, потому что мысли мои о другом были. Вдруг кто-то подсовывает мне листок бумаги, а на нем нарисовано, как я стою с глупым видом и смотрю на учителя. И подписано внизу: «Моментальное фото Модра». Я разозлился, потому

что как раз в эту минуту я себя в своих мечтаниях совсем другим видел. Наверняка это Худакова работа, и я ткнул его под ребро кулаком. Худак отпрянул, зашипел:

— Болван! Ну, погоди! После школы поговорим.

— Что ты к нему лезешь? — заметил Таши.

— У тебя опасная стадия поглупения, Модра, — заметил белокурый Тот.

Вот все и случилось. Я думал, Худак до конца занятий забудет, а он дождался, пока я выйду из школы, и не успел я рта раскрыть и объяснить ему насчет рисунка, подскочил да как дернет меня за шарф. Сорвал его с шеи, бросил на землю прямо в грязь — мой красивый пушистый шарф. Тут уж не до объяснений, я даже и забыл, что хотел ему что-то сказать.

Сначала перевес был на его стороне: он так шмякнул меня о железную ограду школы, что ограда загудела. Но потом я вырвался из его захвата, сам обхватил его за пояс, сделал подножку и повалил наземь. Он потянул меня за собой, и гад буду, если я не уложил бы его на лопатки. Но тут подошел учитель из «продленки». Я встал, отряхнул шарф, обмотал им шею. Худака ждали Тот и Клавора. Меня — никто. Один поплелся я домой.

И вот об этих самых «пингвинах» я и сболтнул бабушке. Назвал их «классными ребятами». Кто же думал, что она не забудет о нашем разговоре? Что и завтра, и послезавтра станет меня спрашивать:

«Ну, что там поделывают твои «пингвины»? Когда же они пожалуют к нам?»

«Развеселю я бабушку и без них, — думал я, — нам и одним с ней неплохо. Что-нибудь вслух прочту, анекдоты расскажу. Будет шуму не меньше, чем у тетушки Шаки в доме».

Что-нибудь придумаю, бабушка заслужила того, чтобы поломать голову. А если уж ничего не придумаю, придется и в самом деле просить «пингвинов», чтобы они пришли к нам в гости.

И что ж, попрошу, решил я. Только как и кого? Лучше бы всего обратиться к Йошке Зеке, он самый приветливый, всегда улыбается. На голове у Йошке веселая вязаная шапочка с помпоном, помпон на бегу смешно так подпрыгивает, а Йошка ржет, словно жеребенок, дурачится... Нет, с ним, пожалуй, не стоит говорить: слишком он несерьезный. Можно бы поговорить с Юдит Гал, она самая умная из

«пингвинов» и очки носит с серьезным видом. Но она, наверное, скажет, что ей некогда, заниматься нужно. С Клаворой я не хочу связываться — это он все время своим отцом хвалится. Жужа Хоронская самая приятная из них: личико круглое, короткая стрижка, и шлягеры поет будь здоров. Например, «Восковую куклу». Она наверняка согласится прийти.

И я так долго ломал голову, с кем же из «пингвинов» мне заговорить, пока не остановился на главном своем недруге — на Худаке. Клин клином вышибают! Ради бабушки я и на это пойду. На одной из перемен я, похлопав Худака по плечу, крикнул:

— Эй, Худак, хочу я тебе кое-что сказать...

Но Худак, повернувшись, смерил меня взглядом с ног до головы и процедил:

— Не утруждай себя. Оставь для своей тети. Я из-за тебя прошлый раз важную игру пропустил!

И он удалился, даже не взглянув на меня. Но при этом нечаянно уронил какую-то бумажку прямо мне под ноги... Я поднял ее. На бумажке была схема сбора звена по тревоге. Начиналась цепочка с Таши. Я повертел-повертел ее в руках и сунул к себе в карман. Потому что в этот миг у меня родилась отличнейшая идея. Может быть, оттого, что Худак вел себя так нагло. А может, совершенно случайно. Упала же случайно бумажка мне под ноги именно в этот момент.

В тот же вечер дома я написал свой первый приказ. А назавтра после обеда я поднялся по лестнице в квартиру Таши. Имя Отто стояло первым в сигнальной цепочке звена. А я знал, что в эту пору Таши на уроке музыки. Я сунул записку в дверь, позвонил и убежал.

От волнения я обошел пешком и исколесил на трамвае весь город. И только заявился к себе домой, как в дверь позвонили. Открываю, а на пороге в полном составе «пингвины». Все до единого. И как они только ухитрились так быстро собраться?

Впереди Таши. С букетом цветов в руке.

— Ты откуда здесь? — удивился Худак, увидев меня.

— Похоже, что мы номер дома спутали, — предположила Сиди.

— Ничего не понимаю! — поскреб в затылке Золи Тот.

— Я тоже, — сказал я. — Вам чего?

— Здесь живет некая тетушка Сикора? — спросила Юдит Гал.

— Здесь, конечно. Это моя бабушка.

— Странно! — проговорил Клавора.

Таши показал мне приказ. Они стояли, переминаясь с ноги на ногу. Я пожал плечами.

— Заходите, если хотите, — сказал я и сам пошел вперед. — Бабушка, «пингвины» прибыли.

— Так пусть они поскорее сюда проходят! — обрадовалась бабушка.

Звено нерешительно проследовало в квартиру, и Таши вручил бабушке цветы.

— Как мило, что вы пришли! — не переставала радоваться бабушка. — Я так много слышала о вас.

— От кого? — удивился кривоносый Таши.

— От Миши.

«Пингвины» смутились еще больше.

— Представляю, что он тут наговорил про нас, — заметил Худак.

— Только хорошее, — заверила бабушка. — Да вы садитесь. Чувствуйте себя как дома.

— Сесть мы, конечно, можем, — согласился Таши, — но мы не за тем пришли. У нас есть концертная программа. Мы просим вас

извинить, если она окажется неудачной, но дело в том, что ее наспех составили. Называется она «Парад «пингвинов». Если вы не возражаете, мы с удовольствием покажем ее вам.

— Конечно, не возражаю. Давайте показывайте вашу программу поскорее!

— Ну, тогда начинай ты, Юдит, — сказал Таши.

И начался концерт «пингвинов». Нет, неплохо у них получилось. Вот когда я позабавился вдоволь! А уж бабушка-то! Она прямо расцвела вся — так развеселилась. И про ногу больную свою забыла, даже села в постели, чтобы лучше видеть. И от души смеялась. А «пингвинам» тоже, видно, понравилась затея, они все больше входили в раж, начали походя придумывать все новые и новые шутки! Никак не хотели уходить. А когда в конце концов закрылась за ними дверь, бабушка сказала:

— Ну, Миши, прав был ты: замечательные ребята эти «пингвины!» Особенно тот, что с кривым носом и с челкой на лбу, — он действительно чем-то напоминает пингвинчика. Я его прямо расцеловать готова была, когда он мне букет вручил. А как он стихи читал, ну прямо настоящий комик!

— Это он умеет, — подтвердил я. — Таши в школьном драмкружке состоит и всегда комические роли играет.

— И та очень хорошенькая, у которой глаза, как у татарочки.

— Сиди Чикош.

— Но знаешь, кто мне особенно понравился? Те двое, что голосам животных подражали: собаке, петуху, коню. Конь получился у них самый настоящий, как он скакал и ржал. Йошка его зовут? Ну да, Йошкой Зеке. А ту малышку в очках как звать, которая стихи читала?

— Юдит Гал, наша лучшая ученица. Бабушка, а певица тебе понравилась? «Восковая кукла». Правда, она самая красивая?

— Все они красивые. Трудно даже сказать, кто мне больше по душе пришелся. Наверное, все тот же коренастенький, рыжеволосенький, который фокусы показывал. Я его с первого взгляда полюбила. Он, видно, твой дружок. Как его звать-то?

— Худак, — пробормотал я. — Миши Худак.

— Ты знаешь, я и не припомню, когда я в последний раз так веселилась, — призналась бабушка. — Таких «пингвинов» и в театре

не увидишь. Так что пусть они и в другой раз приходят. Я не против. Придут?

— Конечно, раз тебе так хочется...

Тут бабушка снова расхохоталась, вспомнив выступление Таши.

— Ну до чего же этот их главный «пингвин» хорош! — промолвила она, качая головой.

Одним словом, бабушка осталась довольна. И я. А назавтра, в школе, я понял, что и «пингвины» тоже. Худак сменил гнев на милость и, хлопнув меня по плечу, спросил:

— Ну, как наше выступление перед твоей бабушкой?

— Сойдет, — сказал я. — А сейчас куда это вы собрались?

«Пингвины» как раз строились. Таши скомандовал, и они замаршировали.

— К начальнику штаба, — бросил на ходу Золи, — с рапортом об успешном выполнении его приказа.

С перепугу я едва на ногах удержался.

— А чего ж тут докладывать?

— Как это чего? — возразил Таши. — Сразу видно, какой ты еще незрелый. Положено рапортовать о проделанной работе или нет? Ясно как белый день. Марш! — заключил он, состроил рожу, и «пингвины» удалились.

— Ты чего нервничаешь? — спросил меня сосед по парте. — Пение же будет, а не русский и не история. И что ты там бормочешь? Никак, гаммы про себя повторяешь? Смотри-ка, возвращаются наши «пингвины»!

И в самом деле, «пингвины» чинно, спокойно, насвистывая песенку, вернулись в класс, не обращая на меня ровно никакого внимания.

Зато я, сгорая от любопытства, не вытерпел и сам подскочил к ним:

— Ну, что было?

— Где? — с равнодушным видом переспросил Худак.

— Ну... на рапорте. Что сказал начштаба отряда?

— Как что сказал? А что он мог сказать?

— Я думал...

— Что ты думал?

«Пингвины» остановились, удивленно уставились на меня. Я разозлился, почувствовав, что краснею до корней волос.

— Хватит дурака валять! Просто я хотел узнать, похвалили вас или...

По Сиди сама спросила:

— А вот я хотела бы знать, почему это тебя-то интересует?

— «Почему, почему»! В конце концов, вы у моей бабушки были.

— Случайно, — возразил маленький Тот. — Какая нам разница, чью бабушку посетить? Задание есть задание. Выполнили его, и точка. Не ходить же нам с протянутой рукой, пока нам медаль славы пожалуют.

— Между прочим, — вставил рыжий Худак, — я просто не понимаю, как у растяпы, вроде тебя, может быть такая мировая бабушка.

— Бывает, — сказал я. — Случайно. А вы еще к ней придете?

— Если получим соответствующий приказ...

«Ну хорошо, — подумал я, — если только за этим дело стало, то приказ вы получите».

Больше я ни о чем «пингвинов» расспрашивать не стал. Но по дороге домой я подъехал к Таши. Он самый смирный из них: не ссорится, не дуется, только подначивает. У него мировой характер. Неторопливый. И правильно: тише едешь — дальше будешь. Мне как раз это в нем нравится. Он-то уж наверняка захочет ответить на мои вопросы.

— Может, расскажешь, как прошел ваш рапорт?

Таши шел, доставая жареные тыквенные семечки из кармана, лузгал их и далеко в сторону выплевывал шелуху.

— А как? — охотно пояснил он. — Пришли к начальнику штаба и доложили, что задание выполнено! Сперва он не понял, о чем речь, позвал председателя совета отряда, начал рассказывать ему о нашем рапорте. Ну, тот в это время чем-то занят был, его еще трое ребят ждали. Он послушал, послушал начальника штаба и кивнул одобрительно головой: ладно, мол, хорошо. И начальник штаба за ним следом тоже похвалил нас: «Молодцы, хорошо сделали. Так держать и дальше!» И все. Понял?

— Понял, — кивнул я, — чего ж тут не понять?

И с моего сердца скатился последний булыжник.

Но я действительно все понял и яснее ясного представил себе, что у них там произошло. Начальник штаба подумал, что приказ отдал председатель совета, председатель — что это сделал начальник штаба. Маленькая неувязочка, и я был спасен. Теперь-то уж не выявится, что приказ был ложным. Я еще никогда никем не командовал, но теперь в моей жизни начинается новая эра, отныне в моем распоряжении целое пионерское звено, готовое выполнить любой мой приказ.

Домой я заявился такой веселый, что бабушка сразу же спросила меня:

— Что случилось, Миши? Неужели двойку по русскому исправил?

— Еще нет, — насвистывая, отвечал я. — Но чему быть, того не миновать. Можешь считать, что пятерка уже у меня в дневнике. Кстати, «пингвины» шлют тебе привет!

— Передай и им от меня тоже, — улыбнулась бабушка. — И когда же они пожалуют?

— Чтонибудь дня через два-три...

Примерно столько времени и ушло у меня, чтобы написать новый приказ для «пингвинов» — красивыми печатными буквами, измененным почерком. Про гвоздику я опять упомянул, потому что старый букет успел завянуть. У меня на цветы денег нет, а «пингвинов» много, скинутся по форинту, так на брата суций пустяк получится. Потом я взял и вписал в приказ книжку Рейте-Ховарда о Джимми «По уши»; она мне очень нравится, но я все никак не мог ее достать. Я прямо так и указал: принести книгу и прочитать вслух то место, где Фред Грязный обижается на Джимми «По уши» за то, что Джимми все время его перебивает. Миши я приказал принести с собой флейту, которую ему выдали в музкружке, Жуже — снова исполнить «Восковую куклу». Когда она поет эту песню, у меня аж мурашки по спине пробегают, так что пусть уж она еще раз постарается. Словом, составил я им программочку — на целый новый «пингвинный» парад хватит. Но из хозяйственных дел я им на этот раз предписал только посуду помыть. А чтобы мои «пингвинчики» успели заранее подготовиться, я им дал целый день в запас, на раскачку. Взять, к примеру, рисунки. Каждому поручил сделать по рисунку. Так я

рассчитывал выявить, кто же все-таки из них сделал с меня «моментальное фото». Проклятая карикатура мне все время не давала покоя.

Рассчитал я все правильно, потому что, когда на следующий день я открыл им на звонок дверь, я увидел в руке у Таши конверт с рисунками, а Клавора держал под мышкой заказанную мною книгу. Разумеется, я опять изобразил удивление:

— Как! Снова приказ получили? И выступать будете?

— Если ты не возражаешь, — с важным видом отвечал Худак, — выступим. На этот раз у нас в программе «Парад «пингвинов» номер два.

— Если ты позволишь, — расплылся в улыбке Таши, — вот тут в книге есть отрывок о Джимми «По уши», мы прочитаем его твоей бабушке.

— А это тоже стоит в приказе? — удивленно вытаращил я на него глаза.

— Представь себе, да, — подтвердила Сиди. — Но если тебе неинтересно, можешь не присутствовать.

— Ну, раз уж я здесь, послушаю и я, — дернул я плечом.

Не знаю, понравился ли отрывок о Джимми бабушке, но мне-то уж во всяком случае. Затем Жужа снова спела «Восковую куклу». Йошка и маленький Тот исполнили скетч. Ребята показали пирамиду. Клавора, оказывается, притащил с собой гантели, чтобы продемонстрировать, какой он силач. А бабушке снова больше всех понравился Миши со своей флейтой. Несколько раз она просила его повторить номер. Словом, все повеселились вдосталь, пока не настало время перейти к мытью посуды. Это дело ребятам меньше пришлось по вкусу. А я сидел на табуретке и наблюдал, как идет работа. Сиди была самой ловкой, Юдит — самой спорой. Ну, словом, вместе они быстро перемыли вею грязную посуду, накопившуюся за целую неделю. И тут я возьми и брякни:

— Ключ от подвала на столике.

— А зачем он нам? — удивилась Юдит.

— Дрова кончились...

Тут уж Худак взорвался:

— Ты что же это вообразил?.. Об этом в приказе ничего не было.

— Как это не было? Было!

— Может, ты лучше знаешь? — возмущенно закричала Сиди и сунула мне под нос письмо. — На, посмотри, что здесь написано!

Оказывается, я и в самом деле забыл о дровах, хотя собирался вписать и эту работу в задание. Ну ничего. В следующий раз!

— Что ж, на нет и суда нет. Порядок! — согласился я.

Все было действительно в порядке; бабушка опять повеселилась. Уже давно ушли «пингвины», а она все любовалась их рисунками, хвалила. Я тоже внимательно просмотрел рисунки, но среди них не было ни одной карикатуры, и потому трудно было взять какой-нибудь из них под подозрение. Может быть, только в работе Клаворы мне показались знакомыми кое-какие штрихи. Тем более, что с Клаворой у нас были чаще всего стычки из-за спортивного инвентаря. На школьном дворе стоит деревянный сарайчик со спортивным инвентарем. Так вот, Клавора ответственный за этот склад. А у меня тоже желание порыться там. Но Клавора всякий раз выгонял меня оттуда. Может быть, это он и мое «моментальное фото» царапал? Как знать? Вполне возможно.

Постепенно бабушка стала поправляться. Врач уже разрешил ей вставать. И бабушка начала прохаживаться по квартире. Разумеется, самую малость, всего несколько шагов туда и обратно, как дети, когда они еще только учатся ходить. Но зато и ее запросы возросли. Однажды утром она вдруг принялась охать и ахать, что сколько, мол, пыли, хорошо бы, мол, генеральную уборочку сделать в квартире.

Дедушка сразу вышел из себя:

— Как так? Разве я плохо убираю?

— Увы, плоховато, — вздохнула бабушка. — Убираешь на самом пятачке, мебель тряпочкой слегка протрешь, и все. До поры это, конечно, не страшно, но нужно же когда-нибудь и как следует навести порядок.

— Хорошая же мне благодарность! А я-то стараюсь!

— Да не будь ты ребенком, сказала бабушка. — Или ты ждал похвалы?

— Конечно, — признался дедушка. — Очень даже было бы приятно. Когда стараешься, так хочется услышать доброе слово. Но если моих стараний мало, я могу, конечно, сделать и генеральную уборку. Надрать паркет не побоюсь. Если тебе так угодно, будет сделано! — и удалился, недовольно ворча.

А бабушку стала грызть совесть.

— И зачем я его, бедняжку, обидела? Только бы он и в самом деле не затеял мыть полы. Такую здесь грязь разведет на паркете!

— Не беспокойся, — сказал я ей. — Он уже забыл.

И я оказался прав. Но не забыл я. И в очередном своем приказе «пингвинам» совершенно четко распределил их обязанности: кто приходит с ведром, кто с порошком для мытья и кто конкретно что должен делать. Только Жужа Хоронской не досталось никакой работы. Ее я отрядил развлекать бабушку. Пусть читает ей вслух и поет. Все равно что. Можно «Восковую куклу», например.

Это возмутило «пингинов». Я сам слышал, как они на перемене обсуждали свое новое задание и удивлялись, почему для Жужа сделано исключение. Почему бы ей вместе со всеми не поработать тряпкой или

щеткой? И почему ей все время поручают петь «Восковую куклу»? Ведь и песня-то эта давным-давно вышла из моды.

— Хорошо, я тоже буду работать, — обиделась Жужа.

— Зачем же тебе делать то, что не предписывает приказ? — усмехнувшись, заключил Таши. — Сиди себе, канареечка, и напевай!

А в общем, никто особенно не обижался на работу, все ребята, пожалуй, даже с удовольствием готовились к ней. И в назначенное время все звено, как один, прибыло к нам. Мальчишки — в тренировочных костюмах, девчата — с косынками на голове. Бабушку переместили на кухню, и она оглянуться не успела, как вся мебель была передвинута. Одна группа моет, другая — воду таскает.

С трех до шести кипела работа, после чего квартира наша заблестела, как начищенная медная пуговица. А потом появился дедушка. Но к этому времени «пингвины» уже удалились. Дедушка сначала ничего не заметил. А потом все же разглядел, что пол блестит и говорит:

— А еще жалуются, что я плохо убираю!

Но бабушка была очень благодарна «пингвинам» и мечтала о том, как на свой день рождения она обязательно устроит обед, испечет по этому случаю торт величиной с мельничный жернов и пригласит на праздничный обед всю «пингвинью» компанию.

Я со своей стороны тоже был доволен. Между тем в это время над моей головой уже собирались грозовые тучи. Вскоре после генеральной уборки среди «пингвинов» вспыхнуло недовольство.

— Какое безобразие! — возмущалась Сиди. — Стараешься, спину гнешь, и никто даже замечать этого не хочет! Мне просто непонятно.

— А кому понятно? — подхватил Худак. — Другие даже если половину такой работы сделали бы, уже весь отряд об этом бы только и говорил. А тут хоть разорвись, никто не видит и знать не хочет. Да слыханное ли дело, так обращаться с «пингвинами»?! Этого я так не оставляю!

Сначала они говорили так только между собой, а потом уже и меня стесняться перестали. А я не знал, как их урезонить.

— Вы же сами твердили, — пытался я их уговорить, — что не за похвалу стараетесь. Что пионер не станет протягивать руку и просить: дайте, мол, мне медаль.

— Ты еще будешь нам объяснять, что делает и что не делает пионер! Конечно, мы работаем не ради похвалы. Один раз, второй, третий. Но когда тебе вообще не говорят ни слова! Кивнут одобрительно головой, и все. Порядок. А по-моему, это непорядок!

— У меня тоже есть свое мнение насчет руководства отряда, — горячилась Сиди. — Как-нибудь я им все выскажу.

А я, я не хотел, чтобы она высказывала свое мнение. Выскажет — обратят внимание, обратят внимание — будет скандал. Я посмотрел на Таши, но он ничего не сказал, только усмехнулся. Жужа принялась успокаивать Сиди:

— Откуда тебе известно, почему совет отряда так делает? Может быть, у них есть на то причины.

— Ничего подобного! Обычная волокита. И с меня хватит! Больше мы не выполняем их приказов.

— Смотрите, как бы не было хуже, — испуганно заметил я.

— А твое какое дело? — разозлился теперь уж и Худак.

Что ж мне теперь делать? Я пробродил по улицам весь день после обеда и в конце концов решил послать «пингвинам» благодарность в приказе. Вот как это выглядело: «Пингвины»! Благодарим за вашу благородную деятельность. О награде мы не забыли. Скоро отметим вас грамотой». И дальше следовало новое задание.

Благодарность возымела действие. «Пингвины» явились все, как один, и дали новый концерт. Так мне на время удалось погасить страсти. Но ненадолго. Недовольству достаточно только пустить корни, истребить его потом, как ни бейся, до конца не удастся. Наоборот, чем больше стараешься, тем хуже. Немного погода слышу снова:

— Теперь у нас хоть обещание есть. Это уж вещь!

— Что от него толку! Хуже, чем вообще ничего!

— И на что нам их грамота? Лучше бы передали благодарность по школьному радио. Что ж тут такого, чтобы от всех в тайне держать?

Такие разговоры я просто не мог слышать и потому ушел в другой конец коридора. Ничего себе, хорошенькая компания! И их-то еще так любила моя бабушка!

Больше они не получают от меня никакого приказа. Хватит!

Я твердо решил порвать с «пингвинами» и раз и навсегда покончить с этим моим тайным командованием. Но близился день рождения бабушки, и врач разрешил ей встать и испечь пирог. Она несколько раз спрашивала меня:

— Ты передал своим друзьям, что я приглашаю их на свой день рождения в гости?

— Передал, но не знаю, смогут ли они. Теперь нам так много задают уроков!

— Раньше же они приходили.

На это я уже ничего не ответил. Что я мог ответить? Наступила тишина.

Дедушка допоздна играл в своем клубе в шахматы. Я даже радио не стал включать. К чему? Тускло мерцала лампа. Я подумал о семье

Шаки: там всегдалюдно и всегда шумно и весело. А у нас не так. Я посмотрел на бабушку. Печально опустив голову, она уснула в кресле. А на полу у ее ног — бумажка. Упала с колен. Я поднял ее. На бумажке — список продуктов, нужных для торта.

На следующий день она действительно дала мне денег на покупки.

— Я знаю, Миши, — сказала она, — что ты любишь торт с орехами. Испеку для тебя торт — большой, как мельничный жернов. Так что, если хочешь, пригласи и «пингвинов».

Дул сильный ветер. Но я никогда не мерзну: даром, что ли, на мне шарф, купленный бабушкой? Что бы такое и мне купить ей в подарок на ее день рождения?

Над этим я думал все время, даже на уроках. И на перемене я стоял один и задумчиво глядел в окно, как вдруг ко мне подходит Жужа Хоронская.

— Ну, а ты что стоишь скучаешь?

— Откуда ты взяла, что я скучаю!

— По тебе вижу, вот уже который день. Если у тебя что неладно, расскажи.

— Все у меня ладно, — сказал я и покраснел до ушей.

Так мы и стояли друг против друга, не говоря больше ни слова. И вдруг я вижу, подходят к нам и остальные «пингины». Окружили нас, и Клавора своим басом принялся расспрашивать:

— Над чем голову ломаешь, Мишенька?

— А тебе что за дело?

— А ну, ребята, давайте сами угадаем! — воскликнула Сиди. — Хорошо? Ты, наверное, думаешь о дне рождения твоей бабушки. Не знаешь, что купить ей в подарок?

Я прямо остолбенел. Откуда это они знают?

— Прошлый раз твоя бабушка сама говорила нам, что скоро у нее день рождения.

Верно, вспомнил я, она говорила. И тогда же пригласила всех их в гости. Ну хорошо, тогда спрошу и я их напрямик:

— А вы придете к ней завтра вечером?

— Конечно, — кивнул головой малыш Тот. — Да мы наверняка и приказ об этом получим.

— А если не получите?

— Получим, — захохотал Таши. — Как пить дать!

— Железно, — кивком подтвердил Йошка Зеке. — До сих пор почти всегда ко времени приказы поступали. У нас в этом деле порядок. Это уж точно. Наградами у нас, правда, не швыряются, но порядок есть. Знают, что делают. И уж такой день рождения они никак не могут забыть. А придет приказ, придем и мы.

На этом наша беседа и оборвалась, потому что позвонили на урок.

После занятий я купил все необходимое для торта, а вечером написал очередной приказ для «пингвинов». Что мне еще оставалось делать? Они же сами его ждали. А бабушка ждала их. Еще раз пусть «пингины» придут без всяких грамот. А там конец, больше я приказов не пишу. Скоро ведь и бабушка поправится, сможет выходить на прогулки и не будет больше такой одинокой.

На этот раз я написал очень короткий приказ. Принести только букет гвоздик, и ничего больше. Приветственное слово скажет Жужа Хоронская. Она пусть и цветы вручит. Казалось бы, короткий приказ, а пришлось четырежды переписывать. Все не получалось. Один раз орфографическую ошибку сделал, потом грязно получилось.

«Дурной знак, — подумал я. — Не люблю я такие предзнаменования».

Раньше, бывало, у меня все приказы с первого раза получались.

На другой день я купил в подарок бабушке маленькую коробочку конфет. Узенькая такая коробочка: вишни с ромом. На большее у меня не было денег. И на эту-то покупку сколько пришлось копить. Но бабушка любит ромовые конфеты.

Засунул я коробку в карман и пошел к Таши отдать приказ. А у них на улице как раз чинили тротуар, до половины уже расковыряли. Я два раза споткнулся о вывороченный булыжник.

«Дурной знак, — подумал я. — Чертовски дурной! Того и гляди, растянешься».

Охотнее всего я повернул бы назад. Но ведь дома бабушка ждет «пингвинов».

Таши жил на четвертом этаже. Я поднялся. Не шел — полз, как улитка. Но зато, засунув приказ за дверную решетку и позвонив, я стрелой полетел по коридору к выходу. Наконец-то! Вот и парадное. Успел!

Но как быстро я ни мчался, в конце коридора меня настиг стук распахнувшейся двери и окрик:

— Стой! Наконец-то ты попался! Я тебя видел!

Сердце мое ушло в пятки. Словно в игре в палочку-выручалочку: выходи, застукали. Я летел, не останавливаясь, чуть шее себе не сломал. Вниз по лестнице, потом на улицу, на свободу. Но уже на лестнице я слышал, что за мной гонятся. И не один Таши. Слышался топот многих ног. Что это? Весь свет припустился догонять меня?

На улице мои преследователи немного поотстали. Еще рывок, и я сверну налево. А там спрячусь в чем-нибудь чужом парадном. Врете, не поймаете!

И в тот самый момент, когда я уже собирался юркнуть налево, я споткнулся на перекопанном тротуаре. Потерял равновесие и едва удержался, чтобы не полететь. Все это заняло время. Хотел бежать дальше и вдруг вижу перед собой двух «пингвинов»: Зеке и Тота. Преградив мне путь, они, ухмыляясь, спросили:

— Чего это ты так торопишься?

А я стоял и пыхтел как паровоз. В это время и сзади чей-то голос советует:

— Да ты постой, отдохни немножко.

Оглядываюсь: Клавора и Таши. Тоже ухмыляются. А чуть поотстав, за ними Худак. Важно надувшись, Худак говорит:

— Отныне ты будешь тетушке своей приказывать! И так за око два ока.

А у самого рожа краснее его рыжих волос, вот-вот лопнет от смеха. Это-то меня и возмутило больше всего. Еще и хохочут! Им, видите ли, весело! Я пошарил в кармане: тут ли шоколад? Тут. Ну хорошо. Что дальше?

— Пошли, — сказал мне силач Клавора. — Расквитаемся. Получишь по заслугам. Ну, давай, давай, шагом марш! Прямо в школу.

Это мне было непонятно. Что они хотят? Жаловаться на меня директору? Но спрашивать я не стал, пошел. Они — за мной. Немного погода вижу, подходят и девчонки. А эти откуда? Я на них и не глядел. Особенно на Жужу.

Вошли на школьный двор и сразу же к складу спортивного инвентаря. Клавора достал ключ, отворил дверь.

— Давай заходи, — говорит. — Ты ведь давно хотел сюда заглянуть.

«Здесь будут меня допрашивать, — подумал я. — Хороши гуси! Столько человек против одного! А за меня никого. Даже девчонки против. Сиди, например, будет злее всех. Девчонки в ярости, между прочим, очень опасны. Может, только Жужа сжалится, кто знает?»

Они стояли, окружив меня, и я почувствовал, что должен что-то сказать.

— Понимаете, получилось так, что... Не знаю, с чего начать.

— А ты не начинай, не надо, — остановил меня Клавора. — У нас сейчас нет времени твои рассказы слушать. Увы, у нас дела, мы спешим. А ты чувствуй себя здесь как дома. Отличное местечко!

— Тем более ты не знаешь, с чего начать. Дадим тебе время, может, что и надумаешь. Времени у тебя будет предостаточно, — добавил Тот. — Садись. А можешь и прилечь. Места тут хватит. Немного тесновато, правда, и прохладно, но ты не бойся — не замерзнешь. Салют! Будь здоров!

И они гуськом удалились из сарайчика. Клавора снова достал ключ, щелкнул замок, и я остался один.

В маленьком сарайчике было действительно темно. В щели между досками кое-где проникал свет, но на дворе уже заметно смеркалось. В темноте баскетбольные сетки, табуретки, лопаты, заступы, тачки казались странными, собирающимися прыгнуть на меня чудищами. И тишина стояла мертвая. Я осторожно ощупал стены: нет ли где лазейки? Нет, ничего похожего. И дверь крепкая.

Хорошо бы замок отжать. Я поискал по карманам свой складной нож, но, нервничая, не нашел его. Может быть, я выронил его на бегу? Словом, я нащупал в кармане только шоколад и сразу же подумал: что там, дома? И как мне объяснить все происшедшее «пингвинам»? Тем, что у тетушки Шаки всегда шумно, весело, много народу, а у нас одиноко, безлюдно? Маму свою я и не помню. Бабушка печально дремлет в кресле. Свет от лампы тусклый-тусклый. И тишина, ну точно как в этом складе. Никто не позвонит, никто не зайдет. Медленно тянется время.

Нет, этого «пингвины» не поймут. Я представил их снова сгрудившимися вокруг меня. Кривоносый Таши; огромный Клавора стоит, широко расставив ноги и засунув свои лапищи в карманы; Тот с невинным видом отвернулся в сторону, и Зеке довольно кивает головой, отчего помпон на его вязаной шапочке прыгает из стороны в сторону; Худак с рыжей челкой, опустившейся на самые глаза, весело потирающий руки; Ютка Гал, от смущения принявшаяся вдруг протирать очки. У Сиди глаза сделались еще уже, чем всегда, а на Жужу я сам не гляжу, стесняюсь. Вот Клавора произносит: «Чувствуй себя как дома». Сколько сарказма в его голосе! Десять против одного, что это он и карикатуру на меня нарисовал! Ничего, я еще расквитаюсь с ним, я еще... Но когда? И как мне сейчас-то отсюда выбраться?

Клавору я как-нибудь отделаю под орех. Нелегко, конечно, будет. Он страшно сильный. А Тот по арифметике отличник. Очкарик Гал — настоящий мудрец: лучшая ученица в классе, только я ни в чем не отличился. А впрочем... голова у меня варит, дедушка всегда говорит: хитрец! Вот возьму и переплуну всю эту компанию! Проведу их так, что только ахнут. Сейчас они, понятно, злятся. Ну и пусть! Сейчас моя первейшая забота — выбраться отсюда. Где же этот проклятый ножик?!

А, вот ты где, наконец-то нашелся! Теперь быстрее за замок. Дома торт на столе стоит, меня дожидается. И бабушка ждет. Надо спешить!

Я трудился с таким усердием, что весь взмок. Врезной замок наконец поддался, а про висячий-то я совсем и забыл. Тщетно я упирался плечом в дверь — она не поддавалась. Огорченный, я уселся в углу немного отдохнуть. На улице пошел снег, и отдельные снежинки через дырявую крышу попадали и в сарай.

Когда же «пингвины» вернутся? И вернутся ли вообще? И почему они меня заперли? Ну ладно. Выберусь и без их помощи. Должен! Надо закрыть глаза, немного подумать, и способ будет найден.

Ага, есть! Нужно вырезать в двери дыру, просунуть через дверь руку и камнем сбить замок. Но где взять камень? Надо поискать в инвентаре...

Я долго рылся впотьмах, как вдруг снаружи до меня донесся какой-то звук, словно кто-то тронул замок. Я приподнялся, затаив дыхание. Нет, ничего не слышно. Показалось. Но на всякий случай я подошел к двери, нажал на нее плечом, и вдруг она совсем легко поддалась. Висячий замок куда-то исчез. Я был свободен. И никого нигде. Что это, колдовство? Я осмотрел весь двор, пристально вглядывался в каждый уголок. Двор был пустынен. Бесшумно сыпал снег, успев слегка припорошить землю, и я обнаружил на нем следы — маленькие, едва различимые. Кто-то бежал на цыпочках. Сюда, до сарайчика, и обратно. Кто-то, пришедший выпустить меня на свободу. Один из «пингинов». Кто же? Жужа? И мне стало вдруг тепло, хотя еще миг назад я буквально коченел от холода. Я стоял в раздумье. Но тут я вдруг вспомнил о бабушке, о торте на столе. Я нащупал в кармане шоколад и стремглав помчался домой.

На бегу я уже прикидывал, что сказать бабушке, почему я так долго пропадал. Наверное, сердится на меня. Как мне ее умаслить? Ромовой вишне она, конечно, обрадуется. А вот, «Парад «пингинов» не состоится — это уже точно. Но ничего, сам развеселю ее. Дам концерт своими силами. Буду ей рассказывать... Словом, развлеку. И торт сам съем — один за всех. Я теперь такой голодный!..

Пока я добрался до дома, уже совсем стемнело. Робко повернул я ключ в замке, с минутку постоял в кухне, чтобы прийти в себя и с веселым видом ворваться к бабушке, с порога крикнуть:

«Поздравляю с днем рождения!»

Только бы ее не очень огорчило мое опоздание! Я одернул пальто и вошел. Но слова приветствия застряли у меня в горле. Посередине стола в большой банке из-под компота красовался огромный букет цветов. Рядом с ним — остатки орехового торта и большое настенное украшение из дерева с изображением настоящего пингвина. Бабушка только руками развела:

— Как жаль, что тебя не было дома, Миши! Если бы ты знал, как мы тебя ждали! И где ты пропадал так долго? А тут твои друзья приходили. Они тоже сожалели, что тебя нет. Подождали немного, а потом этот весельчак Худак сел и написал тебе целое послание. Остальные тоже всё вертелись вокруг него, пока он писал, советовали, шептали, хихикали, а под конец попросили у меня конверт. Хорошо, что нашелся у меня один. Запечатали и сказали, что письмо секретное, только лично для тебя. Вот оно, бери. Не думай, я не вскрывала, я соблюдаю тайну переписки. Что ж это ты мне принес? Шоколад? Ромовые вишни! Ну, Миши, спасибо, ты молодец!

Руки у меня дрожали, когда я вручал бабушке шоколад, а как письмо начал вскрывать — и того больше. Первый раз пробежал прямо как был — стоя, в пальто, с шарфом на шее. Потом принялся сбрасывать с себя все: так мне вдруг жарко стало. А под конец я рухнул на диван: у меня подогнулись колени.

Потому что в письме было сказано следующее:

Наш дорогой бывший «командир»! Провалился ты сегодня у Таши, как ты, вероятно, соблаговолил заметить. Только не заметил ты, о хитроумнейший, что мы-то уже давным-давно заметили твое обманное «командирство». Не сегодня, а уже с самого первого дня и с той поры водили тебя за нос и разыгрывали. В самом начале, когда мы доложили начальнику штаба отряда, что выполнили его приказ, выяснилось, что ни он, ни кто-нибудь другой такого приказа не отдавал. После небольшого расследования мы распознали твой измененный почерк.

Мы отлично повеселились. Ты думал, что ты надуваешь нас, а на самом деле ты надул самого себя. Да так, как еще никто на свете. Мы решили: пусть потешится, а сами тем временем еще больше потешались над тобой. Забавно было, когда ты заказал Джимми «По уши» для бабушки, а еще забавнее — глядеть на тебя, когда мы разыграли, будто идем на доклад к председателю отряда. В конце концов ты так попался на крючок с этой грамотой, что нам даже жалко стало тебя. Мы попытались помочь тебе, подсылали к тебе Хоронскую, чтобы она добилась у тебя чистосердечного признания, но ты и ей ничего не сказал, хотя ты к ней хорошо относишься: это видно хотя бы из того, что в своих приказах ты постоянно поручал ей петь «Восковую куклу», но ведь эта песня ни твою бабушку, ни кого-либо другого не интересует, исключая тебя, и то только когда поет именно Жужа. Так вот, даже ей ты не сказал правды, и у нас не было другого выхода, как поймать тебя с поличным, что сегодня наконец-то нам и удалось сделать. И это хорошо, в основном, для тебя же самого, потому что ты совершенно запутался в этом своем «командирстве». Мы бы могли и дальше продолжать игру, больно уж хороша была потеха, но мы видели, что ты уже потерял самообладание. Поэтому мы прибудем к бабушке и

без твоего приказа, но на этот раз и без «Восковой куклы», и мытья посуды: «пингвины» сами составляют для себя программу, это ты увидишь, если однажды мы примем тебя к себе в звено. Желаем тебе хорошего аппетита, хотя мы перестарались и от торта осталась для тебя только самая малость. А вообще докладываем, что твой последний приказ мы перевыполнили. Дощечку для гравюры мы сделали сообща, пингвина на ней выжигала Сиди. Правда ведь, хорошо получилось? И мы ждем, разумеется, за это похвалы! Или ее тоже не будет? Тогда — за око два ока! Кстати, и за то, что ты никогда не участвовал в мытье посуды, а приходил на кухню, садился на табуретку и читал Джимми «По уши». Нам отмщение, и мы воздадим! Именем всех «пингвинов».

Худак

Я читал письмо, и каждое его слово ошарашивало меня все больше и больше. Уже и во второй раз я прочел его, а все не мог прийти в себя, будто оглушенный. Наконец бабушка поинтересовалась:

— Ну, что там написали тебе твои дружки? Не оставили и тебя без сюрприза?

— Да что-то в этом роде, — пробормотал я. — Но мне сейчас на минутку нужно забежать к одному из них. Ты не обидишься, бабушка? Я мигом обратно...

Сунув на ходу кусок торта в рот и чуть не подавившись им, я пулей вылетел из дома. Через несколько минут я уже стоял перед дверью квартиры Хоронских. Дверь открыла Жужа. И тут я вдруг совершенно лишился голоса.

— Жужа, — едва смог выдать я из себя, — я пришел, чтобы узнать... кто открыл склад спортивного инвентаря? Замок кто снял? Скажи, это ты?

— Я, — засмеялась Жужа, — меня послали. Потому что мы хотели тебя запереть только на время выполнения приказа. И чтобы спокойно написать тебе письмо. Теперь ты понимаешь? И еще я должна признаться: моментальное фото сделала я. Я тебе давно об этом хотела сказать, да ребята не разрешали, говорили: успеешь. Только я никак не пойму: чего ты так взбеленился? Карикатуры рисовали даже на знаменитых людей. По-моему, вполне хорошая карикатура. Ты взгляни

получше на рисунок. Ничего в нем нет оскорбительного. Ну что ты? Все же обиделся? И зря ты бежишь!

А во мне целый мир рухнул в тартарары. Так это была она? Именно она? Говорит еще — хорошая карикатура. Вот до чего договорилась!

Но дома я все же первым делом отыскал этот злополучный листок бумаги. Разглядывал я его долго — издали и поближе. Карикатура? Гм!.. Что на знаменитых людей такие штуки рисуют — это точно. И неплохая действительно. Есть в ней юмор. Зря я психовал. Даже наоборот. Если бы я знал, что это она...

Вернулся домой дедушка. Он тоже не забыл о бабушкином дне рождения. Он смущенно извлек из кармана букет оранжерейных фиалок.

— Это тебе, — сказал он бабушке. — Мне казалось, ты любишь их. А я только и делаю, что думаю о вас: о тебе и об этом вот хитреце...

И он поцеловал бабушку, а мне по-дружески дал тумака.

С этого времени прошло уже больше полугода. Теперь и я хожу в «пингвинах». Я стал летописцем звена, и Таши поручил мне написать историю этой ловушки, которую я расставил для них, а угодил в нее сам.

Как меня взяли обратно в отряд? Об этом я в самое ближайшее время напишу. Это уже тема другой хроники.

Замок в тетради

В квартире женщины по прозвищу «Дези — гусиные лапки», иногда за глаза ее называли «Угорь», раздался продолжительный звонок, Дверь распахнулась.

— Это ты, Тони?

— Конечно, я, — ответил Тони и вежливо поздоровался: — Добрый день, тетя Дези! Я пришел к вам насчет металлолома. Накопилось еще что-нибудь? Вообще-то можно и макулатуру, тряпье тоже подойдет.

Продолговатое лицо тети Дези растянулось в улыбке.

— Входи, входи! Кое-что есть. В основном — бумага. Я набрала тут для тебя книжек, старых газет и прочего разного клама.

— Хлама... — поправил ее Тони. — Нужно говорить: хлам.

Тетя Дези радостно захохотала, сверкнув длинными лошадиными зубами.

— Ххлаам — вот здорово! Красивое слово, не правда ли? Очень красивое. Ну, проходи, проходи!

В углу чулана возвышалась большая грудa бумаги. Книги, газеты, тетради, иллюстрированные журналы.

— Вот это да! — воскликнул Тони.

— Ну что, ты есть довольный?

— Доволен, — поправил Тони, который уже привык к тому, что все время исправляет тетю Дези, хотя познакомились они совсем недавно. Ее адрес дал Тони дворник из соседнего дома, Тихамир.

Тетя Дези еще сорок лет назад вышла замуж за венгра, приехала в Будапешт, но до сих пор так странно говорит по-венгерски. Сколько же ей теперь? Этого Тони не знал. Для него стариком был каждый, кому за сорок, а тем более — пятьдесят. Что же касается шестидесятилетних, то о них и говорить нечего. Хотя вообще-то старость не всегда зависит от возраста.

«Когда человек правильный, — думал Тони, — так он и под старость молодым остается».

А тетя Дези человек что надо, долговязая хохотушка.

— Дааволен, давоолен, — произносила на все лады тетя Дези, пока Тони запихивал в мешок старые газеты. Они заключили между собой

небольшую сделку: тетя Дези оставляет металлолом и макулатуру для Тони, а он за это учит ее правильно говорить. — Все эти ваши «о», «е» — это так трудно. И сколько лет я живу здесь. А мне всio ищио надо учиться. А тебе нравится учиться, Тони?

Мешок был уже наполовину заполнен, а грудa бумаги в углу почти не уменьшалась. Надо было, конечно, захватить мешок побольше, хотя можно прийти и еще раз. Тони никак не думал, что здесь окажется столько рваных книг и старых журналов, а главное — что все это попадет к нему в руки.

— Учиться? — Он вздохнул. — Если честно говорить, нет.

Тони был порядочным человеком и врал только тогда, когда это было абсолютно необходимо. А зачем ему врать тете Дези?

— Вернее, очень даже не нравится, — признался он. — Но в то же время было бы неплохо, например, научиться говорить по-английски, читать английские книжки. Это, к примеру, что такое? — И Тони начал листать попавший ему на глаза старый английский журнал.

Картинки в журнале успели выцвести и слегка пожелтеть, но и в таком виде журнал показался ему очень интересным. Тетя Дези опять расхохоталась. Тони сидел на полу, и она тоже присела рядом с ним на старый бидон.

— Это? Один старый, стаарый иллюстрированный джёрнал. Он тебе нравится?

Теперь они рассматривали журнал вместе. На картинках были изображены элегантные мужчины во фраках, цилиндрах, с зонтиками и женщины в плиссированных платьях и в широкополых шляпах, настоящих птичьих гнездах. Тетя Дези, как бы оправдываясь, сказала:

— Я же тебе говорила, Тони, это стаарая-престаарая мода. Но она еще вернется. Вот увидишь. Длинные платья, плиссировка...

Тони вдруг охватила жажда знаний. Ходит же Лазар из их класса на курсы французского и прямо не расстаётся со словарем. Он у него вечно из кармана торчит.

— Как сказать по-английски «мужчина»?

— «Мистер» — так обычно говорят, — ответила тетя Дези.

Ну, это-то Тони уже слышал, это совсем просто.

— А вот о таком элегантном как говорят?

— Такого, к примеру, можно назвать «сэр» или «лорд».

Ага, теперь все в порядке. Звучит здорово и действительно по-английски.

А тетя Дези уже объясняла, что к женщинам нужно обращаться «леди» или «миссис» и что на картинке изображены настоящие аристократы на фоне их чудесных замков, садов и особняков. Вот, например, этот замок — на нем так и написано: «Принадлежит сэру Ричеру».

Ричер? Что это за имя?

Выяснилось, что по-венгерски это Ричард.

Сэр Ричард выглядел на картинке довольно прилично: высокий мужчина в цилиндре и фраке, со спокойным и немного мечтательным лицом. Интересно, чем он занимается? Что делает? Такие типы обычно только и заняты тем, что жизнь прожигают. А этот стоит и глядит вдаль, будто ждет кого-то. Замок у него, конечно, красивый, даже не замок, а целая крепость, с настоящими крепостными стенами и островерхими башнями.

Тони смотрел, широко раскрыв глаза. Он больше не листал журнал. И в конце концов совсем отложил его в сторону.

— Да, это вещь!

— Как это?

— Классно. Здорово.

Тетя Дези засмеялась.

— Ха, ха. Ол-райт. А это ты не возьмишь?

— Потом, в другой раз.

Странно, но Тони было жаль отдавать это в утиль. Мешок и без того был набит. Тони бросил прощальный взгляд на сэра Ричарда и на его замок и, поднявшись, прошел вместе с тетей Дези в комнату. Тетя Дези никогда не отпускала Тони просто так, не угостив чем-нибудь вкусненьким. Сегодня это было анисовое пирожное, которое Тони принялся уплетать за обе щеки.

— Скажите, пожалуйста, а как будет по-английски мое имя.

— Энтони.

Энтони. Отлично. Стоит запомнить. А главное, легко запоминается. Тони было любопытно узнать, что сказала бы об этом Гизи. Ее имя наверняка не звучит по-английски так здорово, но на всякий случай он спросил. И удивился: Джизель? Вот это да! Странно. Ладно, ей он этого все равно не скажет, ведь он с ней не разговаривает.

И с Длинным, и с Андрашем Чонтом тоже. Тони порвал с ними, ему и без них хорошо.

— Очень вкусное пирожное. Большое спасибо, тетя Дези.

— По-английски говорят «сенькью». Когда приходят — «хаудуюду», а когда уходят — «сиюэгейн». Вот видишь, сколько нового сегодня ты узнал. Но ты не отвлекайся, ешь!

Тони ел до тех пор, пока на подносе не осталось ни крошки. Лучи послеполуденного солнца проникли в комнату. Ее стены были оклеены обоями в цветочках, а в углу, на диване, лежало пушистое покрывало апельсинового цвета. Солнечные лучи легли двумя длинными полосами на стену, потом соскользнули на диван, запутались в покрывале и вдруг исчезли. И тогда стало заметно, что обои и покрывало на диване уже не новые.

— Ой, как поздно! — вскочил Тони. — Я мчусь.

Он схватил мешок и начал прощаться, спросив еще раз:

— А как это сказать по-английски?

Спускаясь по лестнице, он повторял: сенькьюмиссисдези, сиюэгейн. Уже после того как Тони сдал в утиль содержимое мешка и направлялся домой, до его ушей донесся грохот приближающейся тачки. Тони спрятался за угол дома. Конечно, это были они и, как всегда, шумели и кричали. Тони услышал, как что-то свалилось с тележки, наверное, какая-нибудь старая кастрюля, и узнал сердитый голос Длинного.

— Ты что, не можешь поосторожнее? Не видишь, что ли?

И тут поднялся такой крик, что Тони не смог разобрать больше ни слова. Понял только, что спорили Герцог, Длинный и Чонт. Значит, Лазар тоже не пришел. Ну что же, он, Тони, не пойдет и в следующий раз.

Тони скорчил презрительную мину и побрел дальше.

К трем часам у школьных ворот собралось почти все звено. Андраш Чонт разлегся на тележке, задрав ноги на старую корзинку.

— Вы повезете меня, — заявил он, — сам я не двинусь с места.

Длинный стоял, прислонившись к дереву. С мешком, переброшенным через плечо, он выглядел заправским старьевщиком. Герцог, как всегда, был элегантен, будто собрался на прогулку по острову Маргит^[4]. Подошел Лазар, которого дразнили «Верзила-младенец», потому что, несмотря на высокий рост, у него было детское личико с толстыми щечками, маленьким ртом и мечтательными голубыми глазками. Из кармана у Лазара торчал словарь.

— К сожалению, я не смогу пойти с вами, — начал оправдываться он, — тороплюсь на курсы французского.

Длинный присвистнул.

— Ну конечно, Проф, — произнес он насмешливо.

— Конечно, Проф, — повторили все хором.

Что, собственно, они еще могли сказать? Лазар — лучший ученик в классе, но этого ему, видно, мало. Он без конца что-то учит, в школе, дома, на курсах.

— Я действительно не могу, — сказал Лазар. — Я пришел предупредить, чтобы меня не ждали.

Длинный засвистел как паровоз.

— Очень мило с твоей стороны, — выпалил он между двух свистков.

Лазар пожал плечами.

— У меня абсолютно нет времени...

Все засмеялись. Уж этот Профессор! Вечно вставляет иностранные слова, к месту и не к месту.

— Абсолютно катись отсюда. Сматывайся, и побыстрее! — скомандовал Длинный.

Лазар опять пожал плечами, потом подошел к Панни.

— Ты меня поняла, да?

— Конечно, — ответила та, — иди спокойно.

И Лазар пошел, не торопясь, вперевалочку. Раза два он обернулся и помахал на прощание рукой, а потом совсем скрылся из виду.

Дул колючий февральский ветерок. Панни поправила шарф. Обидно все-таки. Если кому-то действительно некогда, так он вообще не придет. В конце концов, все прекрасно знают, что надо собирать лом и бумагу, что их класс здорово отстает от других, даже у пятиклашек дела обстоят лучше. Когда захотим поехать на экскурсию, то на какие деньги? Небось поехать на экскурсию никто не откажется, а в кассу деньги собирать не упросишь.

В четверть четвертого явилась Гизи. Ей, как видно, ж в голову не пришло, что она опоздала. С самым безмятежным видом она подошла к тачке и сразу спросила:

— Пошли?

На ней были брюки и полосатое пальто. А на голове ничего. Только копна черных волос. Она подняла голубые глаза на Панни:

— Кого мы ждем?

Никто не сказал ей ни слова упрека. Главное, что она уже здесь. Актрисе все можно. Гизи — «звезда» драмкружка, игравшая множество ролей. Ходит она величаво, плавно, с высоко поднятой головой. Нижняя губка у нее слегка выпячена. Гизи знает, что она красавица, более того, считает себя центром Вселенной.

— Ну, тронулись!

Панни согнала Андраша Чонта с тележки, Длинный поплевал на ладони и ухватился за дышло. Остальные стали подталкивать тележку сзади. Ветер все усиливался, и ребята вдруг побежали, помчались наперегонки с ним. Корзина металась в тележке, грозя вот-вот слететь. Длинный залихватски свистел.

— Не зверей, Длинный!

А что, неплохо вот так разок! Всей ватагой неслись они прямо на прохожих. Тележка вдруг накренилась, корзинка все-таки слетела, и ветер погнал ее по мостовой. Ничего, когда будет полной, не свалится!

Прошло немало времени, пока они наполнили тележку разными железяками, а корзинку — старыми газетами и оберточной бумагой. За это время они успели обойти три больших дома и два магазина и здорово устали, но настроение у всех было хорошее. Теперь они двигались медленно и не галдели. Тележка скрипела, железо на ней дребезжало. Коренником был по-прежнему Длинный. Одна кастрюля вдруг упала, Длинный обернулся.

— Вы что, не можете повнимательней? Пошевеливайтесь, я стоять долго не собираюсь.

Рядом с тележкой, засунув руки в карманы, стоял Герцог и спокойно смотрел на свалившуюся кастрюлю.

— Ну что ты бесишься? Сейчас кто-нибудь поднимет. Чонт или Гизи. Да ты и сам можешь поднять, — не торопясь проговорил он.

— И ты, между прочим, тоже! — заорал вконец обозленный Длинный.

— Вот еще, он же Герцог, — засмеялась Гизи и откинула назад прядь черных волос. — Он боится испачкать свои великолепные джинсы!

— Оставьте в покое мои джинсы! Что плохого, если я не люблю ходить грязным?

Длинный даже покраснел от гнева.

— Не мели языком! Поднимай живее кастрюлю!

Герцог внимательно рассматривал свои ногти.

— Ну вот, так и знал. Ноготь на среднем пальце сломался...

— Перевязать? — И Длинный с угрозой двинулся в его сторону.

Панни торопливо подняла кастрюлю. Не хватало еще драки! Водрузив ее поверх металлического хлама, отчего загремела вся куча, Панни сказала:

— Можем трогаться!

Но никто не шелохнулся. Никто.

— Ничего, — проговорил Герцог, — успеем. Давайте передохнем. Я здорово устал.

Гизи неожиданно поддержала его:

— А что, мы и так достаточно поработали! Лазар вон сидит себе на курсах.

Она сказала таким тоном, будто это только сейчас пришло ей в голову, и уселась на перила, отгораживающие тротуар от мостовой.

— Мог бы и на другой день перенести, — заявил Чонт, — или пропустить. Я тоже три раза в неделю хожу в секцию, а все-таки пришел.

— Ему каждый день надо что-нибудь учить, — вступилась за Лазара Панни, хотя и была зла на него. — Он там загружен по горло. Потому и не пришел.

Чонт потянулся, разминая уставшие ноги.

— А Кочиш? Почему он не пришел?

Наступила тишина. Длинный, усмехнувшись, объяснил:

— Он обиделся. На меня и на Гизи. Может, еще на кого-нибудь. Это его дело. Я из-за него сегодня единицу по истории схватил, так он мне подсказывал.

— И он же еще и обиделся?

— Да. А с нами решил не знаться, собирает в одиночку.

Длинный тоже пристроился на перилах.

— Ха-ха-ха, — сказал насмешливо Герцог, — дайте мне платочек поплакать! — Он присел на край тележки.

Андраш Чонт прислонился к афишной тумбе и, сняв ботинки, вытряхивал из них песок.

— Кочиш и на меня зол, — вставил он, — потому что на днях я ему пару раз врезал.

— Ничего удивительного, — размышлял вслух Длинный. — Тони первый полез. Он вечно лезет на рожон.

Герцог сосал больной палец.

— Тони всегда лезет в драку, — пробормотал он, — и всегда получает. Так ему и надо. Лопоухий воображала...

Гизи засмеялась.

— Лопоухий?

— Да, лопоухий. — Герцог устроился поудобнее.

— Твои уши, конечно, бесподобны! — Панни не на шутку рассердилась. — Все-таки это безобразие: Тони каждый день возвращается домой с синяками. И о чем только думают его родители?

Длинный пожал плечами.

— О чем думают? Да ни о чем. Матери у него нет, а отец все время за границей. Он с теткой живет, а она, по-моему, совсем древняя.

— Все равно безобразие, — сказала Панни.

Длинный пренебрежительно махнул рукой.

— Был я у них. Там своих забот хватает. Им вместе приблизительно двести сорок лет...

— Что ты болтаешь? Как это двести сорок лет?

Длинный вытянул ноги. Он был таким долговязым, что казалось, состоял из одних рук и ног. Задумчиво запрокинув голову, он проговорил:

— Возможно, даже больше, кто знает. У тетки Кочиша вечно сидят в гостях еще две старухи. Смехота. Три старые девы. Пьют чай и языки чешут. А Кочиш что хочет, то и делает. Они на него ноль внимания.

Герцог вытащил изо рта больной палец.

— Пьют чай, — произнес он задумчиво, — это хорошо. Чай с ромом, хлеб с маслом...

Все почувствовали, что проголодались и основательно замерзли. Ветер утих, но заметно похолодало. Стало темно. Панни посмотрела на часы.

— Понеслись, — сказала она, — а то приемный пункт закроется, прежде чем мы добежим!

Длинный прыгнул с ограды, поплевал на ладони и впрягся в тележку. Андраш Чонт стал подталкивать сзади.

— Включай мотор, зажигание, четвертая скорость — 120 километров! «Ягуар», «форд», «мустанг»!.. — закричал Герцог.

— Ты, нахал, сейчас схлопочешь!

Они снова кричали, смеялись, ржавые железки дребезжали на катящейся со скрипом тележке. Их вопли слышались издалека, и грохот, который они создавали, еще долго висел в воздухе после того, как они скрылись из виду. Потом слышался только свист Длинного, наконец исчез и он. Стало тихо, на узенькие улочки опустился вечер.

Со стены изящной дугой свисали канделябры: над сдвоенными, зеленого цвета, витыми свечами возвышалась еще одна, маленькая, а над каждой из них, как крохотная шляпка, — абажур из тонкого шелка. Под шляпками — электрические лампочки. Мягкий свет падает на стол, в чашках золотится чай.

— Еще чашечку, Милика?

— Благодарю... если можно, совсем немного. Аромат у твоего чая просто великолепен, больше никто так не умеет заваривать.

Тетя Мили — маленькая, толстененькая и очень добрая. Она с признательностью смотрит на руку тети Вали, держащую чайник. Тетя Вали, вероятно, когда-то была красивой. У нее тонкие черты лица,

изогнутые брови, седые волосы. Сейчас, при электрическом свете, они совсем серебряные.

— Еще чашечку, Вирика?

— Пожалуй, можно. Но последнюю, потому что мне пора идти. Мерседес вот уже несколько часов сидит дома одна!

У тети Вири хриплый голос, который часто срывается, строгое выражение лица. Возможно, это впечатление создается из-за того, что подбородок у нее выдается вперед, а губы узкие.

— Но Мерседес такая умница, — успокаивает ее тетя Мили, — она всегда хорошо себя ведет.

Когда речь заходит о кошке, которую зовут Мерседес, тетя Вири сразу же смягчается. Она очень любит, когда Мерседес хвалят.

— Умная-то, умная. И не гуляка. — Но тут ее скверный характер дает себя знать, голос срывается: — Не то что Тони!

Тетя Мили в ужасе: Вири опять за свое. А уж если она начнет, ее не остановить. Хотя как сказать, иногда она бывает права. Но стоит ли говорить об этом сейчас? И Вали наверняка огорчится. Поэтому тетя Мили решительно вмешивается:

— Ах, оставь его в покое, дорогая!

Но этим только подливает масла в огонь.

— Почему я должна его оставить? Это самый простой выход — оставить. Так мы ничего не добьемся. Ребенок никогда не бывает дома после обеда. Он никогда не занимается. А почему он не занимается? Потому что ему неинтересно. Ему, видите ли, все неинтересно! Нет, толку из него не будет, это точно!

— Ну, пожалуйста, моя дорогая, перестань!

Напрасно, теперь Вири не скоро остановится. Она хочет только хорошего и будет говорить до тех пор, пока Вали не расплачется. Тетя Вали держится, но голос ее уже дрожит. Она все принимает очень близко к сердцу.

— Я знаю, что недостаточно строга с Тони, — признается она, — но на то есть своя причина, в самом деле, есть причина.

Когда она подвигает чашку, заметно, как трясутся у нее руки.

Однако тетя Вири неумолима. Она отпивает несколько глотков, а потом, поставив на стол чашку, высказывается со всей определенностью:

— Ты с ним недостаточно последовательна! Вот я с Мерседес...

— Ах, — вздыхает тетя Мили, — оставь в покое Мерседес, дорогая!

— Почему я должна ее оставить? Еще дольку лимона передай, пожалуйста. И немного рому можно тоже. Права я или нет? Тони недостает системы в воспитании. И в этом виновата ты, Вали.

— Мне жалко, — произносит та.

— Что ты жалеешь, можешь мне сказать?

— Не что, а его. Если бы ты знала, какой усталый Тони возвращается домой. Он такой худой и слабенький, что любой пятиклассник сильнее его. А ведь он уже в седьмом. И я должна его журить, заставлять делать уроки?

Тетя Мили в знак одобрения и полного согласия ударяет обеими ладошками по столу, проявив таким образом свое волнение.

— И не думай сразу заставлять! Пусть отдохнет, поест. Он действительно тощий.

Тетя Вали вздохнула.

— Он всегда в синяках и ссадинах. То сам упадет, то на него кто-нибудь нечаянно налетит.

Тетя Вири насмешливо хихикнула:

— Сам упадет или на него кто-нибудь налетит! Это кто же тебе такое сказал?

— Тони.

— И ты веришь?

— А почему я должна не верить?

Тетя Мили повторяет за ней, словно эхо:

— А почему она не должна верить?

Тетя Вири только саркастически усмехнулась. Она допила чай, проглотила несколько ломтиков пирога, а затем заявила, что мальчишка грубиян и что он наверняка дерется. И ему, разумеется, тоже достается. Потому-то он и ходит в синяках.

— Понятно? — спросила она. И сама себе ответила: — Абсолютно!

И хотя то, что она сказала, выглядело вполне правдоподобно, собеседницы с ней не согласились. Она прямо-таки обидела их. Это Тони-то достается? Чушь какая! Во-первых, Тони ни от кого не может достаться; во-вторых, он не грубиян. Бывает, конечно, что он не поздоровается, а только что-то пробормочет, когда входит в комнату.

Иногда и вовсе молча бросит портфель в угол, но это еще ничего не значит. Он очень устает, вот и все.

Спор разгорался. Казалось, в нем принимают участие даже портреты на стенах. Как видно, оттого, что тетя Вали осталась одна, она любила видеть вокруг себя портреты родственников, близких и дальних. Среди них выделялся портрет дяди Оскара, который сейчас выглядел особенно обиженным. Он смотрел прямо на тетю Вири, и весь вид его говорил, что он не согласен с ней. Свет настольной лампы выделял его строгий профиль, уши торчком и мощные бицепсы. Дядя Оскар был боксером, у него не только кулак, но и взгляд стальной. И этот взгляд словно ободрил тетю Вали.

— Неправда, что Тони ничем не интересуется! — воскликнула она. — Тони многим интересуется. Например, марками, драмкружком, настольным футболом. Да, он ходит на занятия драмкружка. И это еще не все. Он учит иностранный язык. Только вчера он мне об этом рассказывал. Он занимается английским. На соседней улице живет одна пожилая дама. Англичанка, которая когда-то вышла замуж за венгра...

Не успела она договорить, как тетя Вири воскликнула:

— Дези — гусиные лапки!

— Почему гусиные лапки?

— Потому что она такая длинная, худая, одни жилы... Многие так ее называют. За глаза, разумеется. Я ее хорошо знаю по рассказам зеленщика и мясника. Она покупает только дешевое мясо. И только говядину. А еще растительное масло. А растительное масло — это такая гадость!

Тетя Мили обрадовалась, что спор затих. Она положила руку на плечо своей старой приятельницы.

— Ты неподражаема, Вири! Ты всех знаешь, дорогая...

В течение короткого времени разговор велся вокруг посетителей гастронома и всевозможных покупок. Но радость Мили оказалась преждевременной. Скоро тетя Вири, забыв о капусте, сельдерее, кольраби и вырезке для ростбифа, вновь вернулась к Тони:

— Значит, Дези — гусиные лапки... учит его. Воображаю!

— Да, так сказал Тони.

— Могу себе представить... — И все вновь слышали ее ехидный смешок.

Силы тети Вали были уже на исходе, но она охрипшим голосом продолжала отстаивать справедливость:

— Я же вижу по вечерам, как он что-то все время пишет в тетради. Что он еще может делать, как не учить уроки?

Тетя Вири подвинула к себе поднос с пирогом, который был просто объедение: мягкий, пышный, с приятным запахом рома. Съев несколько кусочков, тетя Вири изрекла:

— Учит уроки... хм... пишет... хм... — Тут у нее снова сорвался голос: — Да ведь это он рисует, Вали, рисует! Знаю я таких. Говорю тебе как близкая подруга: ты должна смотреть за ним в оба!

Еле заметным движением руки тетя Вали отодвинула от нее поднос. Она любила как следует угостить подруг, однако сегодня они съели достаточно. Надо, чтобы и Тони осталось. Она вздохнула.

— Хорошо, я так и сделаю, Вири.

Так тетя Вали и сделала, а вернее, решила, что будет смотреть за мальчиком «в оба». В конце концов, вся ответственность за ребенка падает на нее, и просто любить кого-нибудь — этого мало. Любить надо с умом. Но с другой стороны, нельзя быть и бесцеремонной с ребенком. Подросток тоже человек. Его нельзя обижать. Пусть Тони после возвращения из школы отдохнет, поест, немного послушает радио или посмотрит телевизор, ему тоже необходимо развлечься. И, пожалуй, будет неплохо, если он еще что-нибудь съест.

— Не хочешь ли яблочного пирога?

В ответ Тони бормочет:

— Я сыт им по горло... — Он встает, потягиваясь. Фильм кончился. — Лучше я немного поучу уроки.

Как хорошо, что он сам это сказал, что его не надо заставлять! Тем не менее тетя Вали решила поговорить с Тони. И хотя она обстоятельно обдумала, о чем и как будет с ним говорить, все вышло иначе. Она сумела лишь сказать:

— Хорошо. Очень хорошо. Как раз вовремя. Уже поздно. Очень хорошо. Потому что если в дневнике у тебя плохие отметки...

Тони всегда раздражало, когда его наставляли. А сегодня, когда у него и так забот полон рот, было бы совсем неплохо, если бы его оставили в покое...

— Черт с ним, с дневником, — ворчит он, — мне наплевать.

— Как ты выражаешься, Тоник! Тетя Вири говорит, что ее кошка куда вежливее тебя.

Он неторопливо раскладывает учебники на столе. Вытаскивает черновую тетрадь.

— Это Мерседес, что ли?

— Именно. И гораздо вежливее.

— А мне и на Мерседес наплевать. Я ей когда-нибудь такого пинка дам!

Тетя Вали приходит в ужас. Кошмар! Как ребенок выражается! К ее волнению примешивается явная тревога.

— Тони, если ты будешь себя так вести, то отец заберет тебя с собой в следующий раз.

— Отец уже полгода не был дома... — говорит Тони, и в его голосе звучит обида. — «Отец»! Он мной не интересуется.

Тетя Вали тут же становится на защиту:

— Он не может часто приезжать из-за границы. Он же строитель, а ты знаешь — это очень важная работа...

Во время разговора она внимательно следит за Тони. У того все готово к занятиям, свет настольной лампы падает прямо на тетрадь; сам Тони уже что-то пишет. Пишет или рисует? Надо посмотреть, чем он занимается. Недаром Вири советовала ей понаблюдать за ребенком.

Тетя Вали приближается к столу. Она делает вид, что хочет навести здесь порядок. Возится с подставкой для фикуса и потихоньку смотрит. Конечно, это неприлично, но с другой стороны, если Тони не занимается — тоже скверно. Тогда отец заберет его, а это просто невозможно, она всем сердцем привязалась к мальчику. Ничего плохого не случится, если она заглянет к нему в тетрадь.

— Что это такое, Тони?

— Как что? Черновая тетрадь.

— Ну, а этот рисунок?

Тони не любит, когда ему мешают. Поэтому отвечает с явной неохотой:

— Замок. Крепость.

Тетя Вали с удивлением взирает на рисунок. Ну и ну!

— А этот длинный человек... в цилиндре?

— Это сэр Ричард.

Тетя Вали едва смогла промолвить от удивления:

— Что, что?

— Оставьте меня в покое! Это англичанин. Задали по английскому.

Уф, гора с плеч! А она уже начала думать, что Вири была права, мальчик сидит и рисует, а время идет. А на самом деле — вот пожалуйста, он занимается английским.

Тетя Вали вздохнула:

— Учи, учи, Тоник! Ты молодец... Этот господин в цилиндре, возле дома, ну прямо как живой, только не говорит!

И скрылась в кухне. Тони включил радиоприемник. Под тихую, приятную музыку дело пошло куда веселей. В руке у сэра Ричарда появился зонтик, а на небе — облака.

Он как раз отделял ворота замка, когда сэр Ричард вдруг шевельнулся и, улыбнувшись, сказал:

— Хаудуюду, Энтони!

— Что?

— Хаудуюду. Позволь представиться: сэр Ричард. Ты меня не узнаешь? — Он шагнул вперед. И вдруг все вокруг ожило, стало настоящим: облака, гонимые легким ветерком, поплыли по небу, зашелестели деревья в парке замка. — Я знал, что ты придешь к нам, — сказал сэр Ричард, — и ждал тебя.

— Меня?

— Конечно. Целый день я стоял здесь и ждал, когда ты придешь. Кстати, разреши познакомить тебя с моей сестрой.

И тогда рядом с ним возникла девушка. Сделав книксен, она произнесла:

— Мисс Джизель.

— Очень рад, Энтони.

Джизель выглядела чрезвычайно привлекательно. Ее черные волосы красивыми волнами падали на плечи. Голубые глаза, высокий лоб, правильный нос. Нижняя губка чуточку выдавалась вперед, обнаруживая своенравный характер. Об этом же говорила ее осанка, высоко поднятая голова. Правда, девушка из старинного замка была одета в брюки и короткое клетчатое пальто, но эта одежда была удивительно ей к лицу. Она сказала приятным голосом:

— Быть может, пройдем в замок?

— С удовольствием. У вас великолепный парк, мисс Джизель, сэр Ричард.

Сэр Ричард произнес сочным, низким голосом:

— Что верно, то верно. Красивый. Этот парк старый-престарый. Здесь почти каждому деревцу за сто лет. Собственно говоря, для краткости меня можно звать просто Рик. Хорошо, Энтони?

— Ол-райт! Да-а, вот это парк!

— Ничего, только немного скучный, — сказала Джизель. — Мы все время сидим здесь и никуда не выходим. Знаешь, я рада, что мы познакомились, Энтони!

— Я тоже. У нас в школе есть девочка по имени Джизель, точнее, Гизи. Но она не такая приятная.

Глаза Джизель загорелись от любопытства.

— А какая она?

— О, она такая... вечно нос задирает. Считает себя очень красивой.

— Она красивее меня?

— Нет. Ты гораздо красивее.

Так разговаривая, они пересекли парк.

Трава в парке была ярко-зеленой и от ветерка переливалась, как шелк. Башни крепости вблизи казались высокими до небес. Они вошли в замок, миновали холл, гостиную и оказались в зале для фехтования. Двое высоких мускулистых мужчин как раз вели там ожесточенный бой. Увидев вошедших, они прекратили сражаться и сняли маски.

— Лорд Филипп и лорд Джон, — произнес сэр Ричард, — мои друзья.

Тони представился. Потом сказал, что у него тоже есть друзья: Андраш Чонт и Длинный. Они любят и уважают его за то, что он отличный спортсмен. Возможно, он станет боксером, как его дядя Оскар. Дядя уже умер, и Тони лично не был знаком с ним, но очень много о нем слышал. Дома у него висит дядин портрет, и Тони, разглядывая его, всегда думает, что станет боксером или борцом.

Тони посмотрел на лордов.

— Но, возможно, я стану и фехтовальщиком.

Джизель удивленно воскликнула:

— Ты умеешь фехтовать, Энтони?

— Конечно, хоть сейчас могу продемонстрировать.

Не успел он снять куртку, как ему тут же принесли великолепный фехтовальный костюм и шпагу. И начался поединок с лордами. С Джоном Тони покончил быстро, а лорд Филипп продержался довольно долго. На скрещивающиеся клинки сквозь цветные стекла окон падали лучи солнца, их блики скользили по мраморным плитам пола. Тони внезапно упал на одно колено и попытался нанести удар снизу. Однако Филипп вовремя заметил это обманное движение. Тогда Тони перешел к защитной тактике, а затем, когда противник на мгновение ослабил внимание, ринулся в вихревую контратаку. Клинок Тони отбил шпагу соперника, проскочил вперед — укол. Сэр Ричард закричал:

— Поздравляю, Энтони!

А Джизель сказала просто:

— Я надеюсь, мы станем друзьями. Ты придешь к нам завтра? Если захочешь, вместе поужинаем, а потом устроим фехтовальный турнир или покатаемся на лошадях...

— Возможно, я приду, — сказал Тони. — Даже наверняка. Ну, а пока сенькью, Джизель, Рик, сиюэгейн!

Они стояли в воротах замка и махали на прощание:

— Сиюэгейн, Энтони, ждем, Энтони!..

Как раз в этот момент тетя Вали вошла в комнату, и свет лампы упал на ее лицо. Оно было милым и кротким, а волосы казались совсем серебряными.

— Уже поздно, — сказала она, — ты закончил, Тони?

— Да, только что, — ответил он, закрыл тетрадь и отодвинул от себя книгу.

Его грызла совесть, но когда он лег в постель, то быстро заснул.

На другой день классный руководитель господин Гал проверял успеваемость за неделю. И вот тут разразился скандал.

— Кочиш, — медленно проговорил учитель, — что это такое?

Он сдвинул на лоб очки и посмотрел на Тони.

— Пять единиц. И никаких других оценок. Пять единиц! — повторил он.

В классе засмеялись.

— В сумме это как раз пятерка.

— Не остри, Герцог! — прикрикнул учитель Гал.

— А он все время острит, — рассерженно произнес Тони. — Герцог-красавчик!

— Почему это Герцог-красавчик?

— Потому что он трясется за свои чудо-джинсы.

Длинный пробормотал:

— Это верно, не любит он работать. Вчера, когда металлолом собирали... — И тут он проговорил, подражая голосу Герцога: — «Фи, ржавчина»!

— Эй, что ты ко мне привязался! — крикнул Герцог. — Ты сам всегда в грязь садишься? И потом, я-то пришел собирать. А некоторые вообще не пришли. Кочиш, например.

«Вот они какие, — думал про себя Тони. — Предатели несчастные. Герцог не может забыть, что когда-то я дал ему подножку. В тот день он в первый раз появился в своих чудо-джинсах. И так дурацки растянулся, что чуть не разорвал их. В полу был какой-то гвоздь. Но кто виноват, что он на него напоролся? Герцог этого забыть не может...»

— Почему ты не пришел, Кочиш?

Ну и погода сегодня! Облака на небе — громадины.

— Я жду, — заметил господин учитель Гал, — жду твоего ответа.

И тогда у Тони вырвалось:

— Я не хочу ходить с ними, господин учитель, они мне не друзья! У меня есть свои места, я собираю в одиночку.

Он выпалил все это на одном дыхании и даже покраснелся от волнения. «И зачем я это сказал? Кому это нужно?» Стало очень тихо.

Учитель Гал тоже молчал. Он опустил, потом вновь поднял на лоб очки:

— Что такое?

Тони чувствовал, что его снова заносит.

— У меня нет друзей! Ни одного! — отрезал он гордо.

Герцог не удержался:

— Зато есть колы. Целых пять.

— Вот они какие, — с горечью произнес Тони.

Учитель Гал довольно резко оборвал Герцога:

— Над теми, кто попал в беду, не смеются, им помогают. Русский, математика — сплошные единицы. Кто поможет Кочишу повторить материал?

Обычно, когда заходила речь о помощи, сразу же поднимался целый лес рук. Но сейчас все неподвижно и тихо сидели на своих местах. Тишина все тянулась и тянулась. Тони растерянно улыбался, но к горлу у него подступила тошнота. К счастью, никто не мог этого заметить. А учитель Гал все еще спрашивал:

— Ну, кто возьмется? Андраш Чонт? Лазар? Что же, никто?

В конце концов Длинный проговорил:

— Господин учитель, извините, но он сам не будет заниматься с нами. Мы уже пробовали.

— А кто попробует еще? В последний раз? Никто?

Он задавал вопрос снова и снова:

— Никто?.. Никто?.. Никто?..

Это слово звенело у Тони в ушах все громче, и, хотя давно говорили о другом, он все слышал: «Никто? Никто? Никто?»

А ведь они правы, он не стал бы с ними заниматься. Если ему захочется, он сам будет учить. Только как?

Когда Тони вернулся домой — правда, домой он пришел только к ужину, — он сразу положил перед собой тетрадь. И пододвинул транзистор. Без радио какая учеба? Если играет музыка, воображаешь не в пример быстрее. Лучше всего танцевальная музыка, джаз, хотя можно любую, даже сюиту. Так что у нас завтра? География, физика...

Как назло, тетрадь раскрылась именно на той странице, где красовался замок. И сразу ожила листва на деревьях в парке, заколебалась под дуновением ветерка трава на лужайке, такая свежая и зеленая даже при свете луны.

— Мы ждали тебя, Энтони! — проговорил Рик.

Джизель протянула Тони руку. Вдруг он заметил лорда Джона, который стоял в стороне и как-то искоса поглядывал на него. Может быть, просто показалось? Нет, он все-таки не ошибся: лорд Джон смотрел на него с явной неприязнью.

А вот и лорд Филипп! Он тоже здесь, только с другой стороны, и тоже смотрит мрачно. В чем дело?

Вскоре, однако, Тони забыл о них.

Стол был накрыт в охотничьем зале. Подавали разные деликатесы, вино разливали в кубки. В старинных серебряных подсвечниках колебалось пламя свечей. Тени скользили по стенам, на которых были развешаны сабли, кинжалы и старинное оружие, отливающее бронзой. Ну и, конечно, портреты предков. Один из них странно напоминал дядю Оскара, хотя одет, понятно, был иначе.

После ужина все пошли в парк, и конюх привел верховых лошадей. Тони досталась огненно-рыжая кобыла, сильная, стройная, с маленькой головой. Рик предупредил, что ее недавно приручили и что она еще дикая. Но Тони небрежно махнул рукой, забросил уздечку и вскочил на неоседланную лошадь. Она вздрогнула, рванулась вперед и понеслась.

В несколько минут он обогнал остальных. За спиной остался замок с красивыми башнями. Лошадь неслась галопом по полю, а над Тони раскинулось необъятное, холодное, чистое небо. Птицы летели наперегонки с ним в сторону синеющих вдали сквозь белую дымку горных вершин. Туман ли окутал их? А может, это спустились кудрявые облачка?

Тони остановился, зачарованный чудесным видом.

Первым к нему подскакал Рик.

— За всю свою жизнь, — сказал он, протянув руку, — я впервые вижу такого наездника!

— Сенькью, сэр, — ответил Тони и в знак благодарности устало кивнул головой.

На склоне холма появились лорд Джон и лорд Филипп. Вид у них был угрюмый, особенно у лорда Филиппа, который все время дергал головой влево и косил.

Рик поскакал дальше.

В это время к Тони подъехала Джизель, и дальше их лошади пошли рядом. Джизель выглядела грустной.

— Остерегайся лорда Филиппа, — прошептала она. — Он на тебя зол за то, что ты мне нравишься. И сейчас сердится, что мы вместе. Он хочет, чтобы я вышла за него замуж. А я — ни за что! Он такой

скучный. Иногда мне кажется, что он не человек, а только фрак, цилиндр и имя: лорд Филипп.

Тони кивнул.

— Мне кажется, что ты здесь вообще скучаешь.

— Ты даже не представляешь себе! — вздохнула Джизель. — Ведь ты сейчас самое больное место задел. Тут все сплошь сэры, лорды, замки. И у вас тоже так?

— Замки встречаются. А лорды и сэры нет. Да и к чему они?

— Действительно, к чему? Ты такой умный, Энтони! И такой милый, совсем не похож на лорда Филиппа!

Широкое, до самого горизонта, поле вдруг задрожало. Небо над ним съежилось, сжалось в небольшую точку, а потом и совсем исчезло, и с ним Рик, Джизель, Филипп... Так рвется и исчезает паутина, когда на нее вдруг падает камень. Этим камнем оказался голос тети Вали.

— Ты занимаешься, Тоник?

Ужасно! Всегда ей надо вмешаться. И всегда некстати. Он взрывается:

— Дддаа, тетя Вали!

— А чем?

— «Чем... чем»!.. Историей!

— Скверно, — сказала тетя Вали, — тебе надо учить русский язык или математику.

Тони разозлился еще больше: откуда она это узнала? Теперь прожужжит ему все уши.

Тетя Вали как будто прочитала его мысли:

— Конечно, сама бы я не догадалась, чем ты занимаешься. Сегодня после обеда сюда приходил господин учитель Гал, твой классный руководитель.

У Тони рот открылся от удивления. Он сидел оглушенный.

— Он был здесь?

— Да, был.

Тони тяжело вздохнул, и у него невольно вырвалось:

— Это плохо.

— Да, не очень хорошо, — сказала тетя Вали.

Тетя Вали сидела на диване, не отрывая глаз от вязания, и, казалось, была занята только своими спицами.

— По математике, русскому языку ты получишь единицы.

Установилась такая глубокая тишина, что стал слышен бой стенных часов в соседней квартире. Медленно и торжественно они пробили девять.

— Да, — сказала тетя Вали, — заходил к тебе один мальчик, кажется Парди... если я правильно расслышала имя.

Тони ничего не ответил. Он сидел и медленно листал книгу. Возможно, учебник по математике или по русскому языку. Листал его Тони так небрежно, что даже тетя Вали поняла: это что угодно, только не учеба. Что поделаешь, он честно пытался учить, но мысли его были далеко.

На следующий день Тони на большой перемене опять чуть не подрался с Герцогом. Правда, он сам был здорово взвинчен, потому что перед этим к ним забежал один шестиклассник и передал Тони, что тот должен явиться к учителю Галу. Тут Герцог и говорит:

— Не хотел бы я оказаться на твоём месте.

— А я на твоём, глупая башка!

— Хватит языком чесать, катись отсюда!

— Ты мне не приказывай, сам отвали!

Они стояли друг против друга, готовые к драке. Тони, в общем-то, не хотел с ним связываться, но выносить издевательский тон Герцога, в конце концов, просто невозможно.

— Думаешь, я тебя боюсь? Это тебя-то?

Однако было заметно, что Герцог трусит. Опасается за свои чудожинсы, которые однажды чуть не разорвал. Достаточно было Тони шагнуть к нему, как тот сразу заговорил по-другому:

— Не толкайся! Ну, чего разошелся? Отстань от меня.

Тони как раз дотащил его до стены, когда быстро подошел Длинный и сказал:

— Атас, дежурный по этажу идет...

Герцогу повезло.

Тони вскоре забыл о происшествии. Он сидел в приемной в ожидании учителя и размышлял, зачем его вызвали так срочно и зачем он вообще понадобился. Тони перебрал в уме свои прегрешения, и на мгновение в памяти возникла стычка с Тошм. Потом он стал думать о том, что мог обсуждать господин учитель Гал с тетей Вали, когда его не было дома.

В окна проникли лучи мартовского солнца. Оно светило неярко, но грело даже через стекло. И от этого стала как-то приветливее приемная с двумя креслами, столом, покрытым скатертью и украшенным вазой. Обычно здесь ждут учителей родители.

Немного подумав, Тони уселся в кресло, но тут же вскочил, потому что дверь учительской отворилась.

— Сиди, сиди, — сказал учитель Гал и сел напротив.

Тони казалось странным вот так запросто разговаривать с ним, сидя за столом, как мужчина с женщиной. Учитель выглядел озабоченным. Он закурил сигарету, и Тони заметил, что пепел он стряхивал в пустую вазу.

— Где ты был вчера днем, Кочиш?

— Так, в нескольких местах. Было у меня одно дело.

— В каких местах?

Когда разговариваешь с глазу на глаз, нет другого выхода, кроме как говорить правду.

— Собирал металлолом. Я ведь собираю не так, как другие: один денек, и все. У меня есть свои места. Я хожу туда, где и бумагу, и лом отдают только мне. Например, бумагу мне дает тетя Дези, а лом — дядя Копас и дворник по имени Тихамир. Я вчера был в мастерской у дяди Копаса. Он делает детали по заказу одной фабрики, а я ему помогаю. Ну, а за это он дает мне металлолом. Он на пенсии и ко мне очень хорошо относится...

Учитель Гал перебил его:

— А что, тебя никто не спрашивает, как твои дела с учебой? И где ты пропадаешь?

Как это не спрашивают? Конечно, спрашивают. Но Тони в таких случаях отвечает: все в порядке. Об этом тоже пришлось рассказать. В защиту дяди Копаса он сказал, что был не только у него, но и в других местах. Стояла отличная погодка: свежая, ветреная, и он забежал на набережную Дуная.

— И что же ты там делал?

Что делал? Что он мог там делать? Тони пожал плечами, теребя край скатерти.

— У меня там местечко любимое. Внизу, у самой воды. Такой большой камень. Я сижу на нем, смотрю на Дунай. В глубине вода зеленая, у берега она рябит от ветра. Льдины уже растаяли, а еще недавно плавали по реке. Над Дунаем много чаек. Иногда они садятся на воду, как будто купаются.

Учитель покачал головой:

— Красиво рассказываешь... Значит, смотришь, размышляешь. И о чем же?

— Да так, ни о чем, — медленно произнес Тони.

— Вот, вот, сейчас-то ты тихоней выглядишь. Но иногда ведь бываешь и другим. Например, вчера вечером, там, на углу.

Дело понемногу проясняется, и Тони встревоженно смотрит на учителя.

— На углу?

— Да.

— Когда возвращался домой?

Теперь Тони прекрасно знал, о чем идет речь, хотя и пытался оттянуть время. Учитель только пожал плечами. Он хотел все услышать от Тони.

— Подумай хорошенько. Тебя, кажется, кто-то окликнул? Неужели забыл? Вспомни-ка...

И вспоминать нечего. Тощий, кто же еще может быть. Именно его навязал Тони учитель Гал. Тощий вчера днем разыскал его в школе и предложил вместе заниматься математикой. Тони сразу сказал ему, что не имеет ни малейшего желания заниматься с ним и пусть тот оставит его в покое. А когда вечером Тони возвращался домой, то столкнулся с Тощим на углу улицы.

— Я уже два раза заходил к тебе домой...

— Ходи, пожалуйста, — сказал Тони, — раз у тебя так много времени. У меня его, к сожалению, мало. И заруби себе на носу: ты мне не импонируешь.

Тони сказал это, подражая Лазару, от которого услышал это выражение. Он ждал, что Тощий тут же смоемся, но не тут-то было. У него хватило наглости говорить дальше. Ему, видите ли, поручил господин учитель Гал, а если уж он, Тощий, что-нибудь пообещает, то слово свое сдержит. А кстати, почему это Тони не хочет с ним учить уроки?

Тони не нашел другого, как заявить:

— Потому что ты учишься в «Б».

Тощий не понял:

— Не все ли равно: 7«А», 7«Б». — И он посмотрел на Тони так, что тому кровь ударила в голову.

— Знаешь, — сказал Тони, — чеши-ка ты отсюда. Плевать я на тебя хотел!

На это Тощий ответил:

— Зачем же подличать?.. Глупо...

— Кто тут подличает, интересно? Ты еще и оскорбляешь? Иди-иди, ябедничай. Скажи, что получил по шее...

Вот так все и случилось. Еще минуту назад он не хотел бить Тощего и все-таки ударил. Подумаешь, одна оплеуха ничего не значит!

— Ну что, Кочиш, вспомнил? — спросил учитель Гал.

— Да. — Тони кивнул. — Вчера на углу я встретился с Парди из 7-го «Б» по прозвищу Тощий. Значит, — с презрением сказал Тони, — Тощий вам накапал?

Учитель помолчал, стряхнул пепел, потом сказал:

— Ты не только скверно выражаешься, но, что еще хуже, плохо думаешь о других. Парди мне ничего не говорил. Он совсем не такой парень.

Тони удивленно посмотрел на учителя:

— Откуда же вы знаете?

А вдруг учитель своими глазами видел всю их стычку? Например, с другой стороны улицы.

— Что ты собираешься делать?

Тони вначале даже не понял. Вроде все уже решено. Тощий получил и смылся. На самом-то деле было немного по-другому: смылся не Тощий, а Тони, и так быстро, что тот просто не успел дать ему сдачи. По взгляду учителя Тони понял, что тот видел все, и покраснел до ушей. Ему стало так жарко, что он даже расстегнул ворот рубашки. Что же теперь делать? Внезапно у него вырвалось:

— Господин учитель... я этого Тощего... не перевариваю. Совершенно! Уж лучше я один буду заниматься, только не с ним!

Прозвенел звонок. Учитель Гал поднялся. Он не сердился, но лицо его было суровым. Снял, потом опять надел очки и, не глядя на Тони, бросил:

— Ты не очень красиво вел себя вчера...

Он повернулся спиной, и вот уже за ним захлопнулась дверь учительской.

Еще некоторое время Тони стоял неподвижно, переминаясь с ноги на ногу. Солнце скрылось за тучами, и приемная, еще недавно выглядевшая так приветливо, стала холодной и неудобной. Тони поежился, втянул голову в плечи, засунул руки в карманы.

— Надо бы надеть куртку, сынок, — сказала ему преподавательница младших классов, проходя мимо. — Одевайся на переменах обязательно. Ну, беги. По школьному радио объявили, что коридоры не отапливаются, поэтому здесь так холодно.

Но он не побежал, а поплелся как старик. У него было отвратительное настроение.

— Привет, Энтони! — произнесла Джизель радостно. — Я тебя заждалась. Знаешь, что я придумала? Давай устроим бал! Позовем гостей, много-много.

— Конечно, — проворчал Тони, — сплошных сэров и лордов. У нас в классе один-единственный Герцог, и то я его терпеть не могу. Он все время ехидничает, правда, я его тут же отшиваю.

— Здорово ты выражаешься, Энтони, — захихикала Джизель.

— Я с любым справлюсь. Андраша Чонта уложу на лопатки и Длинному как следует врежу. Я никого не боюсь, даже учителей. Недавно я Длинному подсказал по истории. Я ему всегда подсказываю и не боюсь этого делать. Даже Тихамир дает мне ключ от подвала, чтобы я брал оттуда лом. А уж там — крошечная тьма!

Джизель вздрогнула:

— И ты ходишь туда один?

— А с кем мне ходить?

— Ты всегда один?

— Мне так даже лучше. Из драмкружка я ушел. Они надо мной смеялись, особенно Гизи, по-английски она тоже Джизель. Но ты в сто раз лучше ее. И в сто раз красивее. И лучше Панни тоже. Она, правда, неплохая девчонка, но уж слишком правильная. Пифф-паффф: всех бы перестрелял. И Тощего тоже. Это один парень из 7-го «Б». Он все хочет заниматься со мной, но мне он не нужен. Такой же зануда, как наш Герцог-красавчик, только он скорее Герцог-уродец, потому что лопоухий. Еще других зубрить заставляет! Я сначала скрывался от него, а сегодня днем решил сам его ждать: пусть приходит, раз уж ему так хочется. Я ждал-ждал, а он взял и не явился, побоялся, наверное, свою физиономию показать.

— Да брось, Тони. Не обращай на них внимания. У тебя же есть мы, Рик и я. Мы тебя очень любим. Скажу тебе по секрету: Рик считает тебя моим женихом. Проблемы с жильем у нас не будет. В замке 15 залов, да еще комнаты в башнях, чуланы и, конечно, большой парк, огромные поля и синие горы. Ты хочешь поселиться у нас?

— А почему бы и нет? С удовольствием. Мне надоело дома, там у меня нет никого. Спасибо, Джизель.

— Мы красиво расставим твои любимые вещи, которые ты перенесешь к нам, и, если захочешь, семейные портреты. Мы их повесим в охотничьем зале, где висят наши предки. Среди них есть один по имени Ричард Львиное Сердце.

— Отлично, а я притащу с собой портрет дяди Оскара. Его тоже звали Львиное Сердце. Я люблю смотреть на него, потому что у нас с ним явное сходство. Я хочу быть таким же, как он.

— А когда ты навсегда переберешься к нам, Энтони?

— Немного погодя. Мне еще кое-что надо проверить. Хотя бы эту историю с Тощим. Я был с ним все-таки не совсем прав. Пожалуй, совсем не прав.

— Но ты же не будешь перед ним унижаться, Энтони?

— Я? Перед Тощим? Да что ты, Джизель...

— Энтони, не уходи... Энтони!..

— Куда ты направляешься, Тони? — спросила его тетя Вали.

Он ничего не ответил. Закрыв тетрадь, что-то невнятно пробормотал и выскочил на лестницу.

Он сам не знал, зачем вышел на улицу. Скорее всего, просто так — погулять. Но гулял Тони недолго и не заметил, как очутился перед домом, в котором живет Тощий. Вошел в подъезд, потоптался около доски с фамилиями жильцов, посмотрел, есть ли там Парди. Конечно, есть: второй этаж, квартира номер четыре. А что, если дверь откроет его мать? У Тощего она, конечно, есть. Вечером возвращается с работы отец, вся семья садится ужинать. Болтают о том о сем, рассказывают о случившемся за день. Тони даже головой замотал, отгоняя это видение.

Долго ли подняться на второй этаж! Правда, все зависит от того, как быстро человек идет. Тони двигался так, словно на каждой ступеньке собирался повернуть обратно. И зачем он только идет? Глупо! Но он уже перед дверью квартиры, рука на кнопке звонка. С какой бы радостью он убежал! И все-таки Тони нажимает кнопку. Потом стоит и шепчет про себя:

— Только бы их не было дома... никого...

Дверь открывается, и перед ним возникает Тощий. Тони не здоровается, Тощий тоже. Войти он не предлагает, но и не гонит. В конце концов Тони произносит:

— Ты, наверное, думаешь, что я пришел, потому...

Тощий стоит прямо перед ним, на лоб ему упали волосы. Нос широкий, рот тоже. Вокруг носа у него веснушки. А волосы падают прямо на глаза.

— Ни о чем я не думаю, Кочиш! — произносит он. — Что тебе нужно?

— Слушай, Тощий, слушай... дело в... — Тони гневно смотрит на него, смахивает тоже упавшие на лоб волосы.

Хорошая комната у Парди, солнечная. У окна — небольшой ковер. Они уже в квартире, но по-прежнему не знают, что сказать друг другу. Тони рассматривает ковер и, так как ничего другого не приходит ему в голову, говорит:

— Красивый ковер, как борцовый.

— Правда? — переспросил Тощий и тоже начал рассматривать ковер с таким видом, будто видел его впервые. Потом пожал плечами и сказал: — Вполне возможно. Давай посмотрим поближе. Теперь я знаю, зачем ты пришел, Кочиш!

— Ну, зачем? — спросил Тони.

И вот, когда они уже стояли на коврикe, неожиданно и молниеносно последовал удар. Это была та самая оплеуха, которую Тощий задолжал Тони. Тони схватил Тощего за плечи, а тот боднул Тони в грудь и высвободил руку. Тогда Тони дал ему подножку, и оба повалились на «борцовый ковер». Вначале Тощий оказался снизу, но потом ловким движением вывернулся, навалился на Тони и зажал ему голову. Лицо Тощего, покрасневшее от усилий, было совсем близко.

— Ты, лопаухий, — прошипел Тони.

— Сам ты... — просипел в ответ Тощий и неожиданно усмехнулся.

У Тони тоже совершенно неожиданно вырвался смешок. Тощий вдруг засмеялся и отпустил его. Они сидели на ковре, смотрели друг на друга, красные, растрепанные, и заливались смехом.

— Здорово получилось, — сказал Тони.

— Неплохо, — произнес Тощий.

— Можно когда-нибудь еще разок попробовать.

— Хороший коврик, а?! — воскликнул Тощий.

Уже потом, когда они сидели за столом и рассматривали альбом с марками, Тощий спросил:

— Собственно говоря, почему ты не хотел заниматься вместе со мной?

Тони ответил, нимало не смущаясь:

— Потому что ты ужасно тощий, — и засмеялся.

— Такой же, как и ты.

— Ага.

— А это плохо? — задал вопрос Тощий.

— Конечно, — ответил Тони, — тебя любой побьет, если захочет.

— Ну, тебя может защитить кто-нибудь. У тебя есть приятель?

— Приятель? Нет, у меня нет друзей, ни одного.

Тони листал альбом с марками. Марки были классные, в основном спортивные и исторические, и среди них несколько таких, которые подошли бы к его собственным неполным сериям. Но внимание Тони лишь наполовину было занято марками. С горечью он произнес:

— Нет у меня друзей. Я уже пробовал дружить с Длинным, бутерброды ему покупал с ветчиной и чертежную бумагу. И подсказывал ему, как машина, без передышки... Он уже привык к тому, что я ему подсказываю, и совсем ничего не учил. Кочиш подскажет! И я подсказывал. А он вместо пол-Трансильвании — полк Трансильвании, вместо свержения короля — свершения короля, вместо король Кютень — король Кёпень... Сам не слышит, а еще возмущается: «Из-за тебя я схватил единицу! Ты меня сбил!» Мне никто не нужен, — продолжает Тони. — Вот я смотрю на чаек, которые кружат над Дунаем. Они взлетают — и фью, нет их. И никогда не возвращаются на прежнее место...

Тощий тоже рассматривал марки, но видно было, что они его почти не занимают. Немного помолчав, он сказал:

— Дома тебя, наверное, бабушка заждалась?

— Тетя. Ты с ней не разговаривал?

— Да. Она сказала, что ты очень хороший, очень ей помогаешь и что даже сам готовишь.

— Я?!

— Угу.

Смех, да и только! Вот уж неправда! Один-единственный раз по просьбе тети Вали он вскипятит молоко, и то оно убежало.

— Она еще сказала, что ты — ее единственная опора в жизни.

Тут уж не до смеха. От изумления Тони едва смог вымолвить:

— Опора? Я? Она так сказала?

По дороге домой он все еще размышлял над этим. И что это тетя Вали выдумала? Смешно! Даже не смешно, а досадно.

Они сидели и пили чай, когда Тони вошел в комнату. В центре — толстая тетя Мили, которая во весь голос разглагольствовала. И

говорили наверняка о нем. Иначе почему они так сразу замолчали? А тетя Вири глядела так, будто своими глазами видела, как он однажды дал пинка Мерседес.

Тони хотел, как видно, швырнуть портфель, но отчего-то передумал и вежливо поздоровался, осторожно поставил его на письменный стол, а пальто повесил на вешалку.

— Тоник, — спросила его тетя Вали, — не хочешь ли выпить с нами чашку чая?

— Почему бы и нет? С удовольствием. Я немного продрог.

Он чинно уселся и, обращаясь к тете Вири, спросил:

— Как поживает Мерседес? Все ли в порядке?

Она немного помолчала, словно взвешивая, стоит ли отвечать. Может, Тони над ней просто издевается? Но вид у него был такой невинный, что тетя Вири ответила:

— Спасибо, все нормально.

— Ну вот, пожалуйста, — произнесла тетя Мили. — Вот, пожалуйста... — И она повернулась сначала налево, а потом направо, как фокусник в цирке, удачно продемонстрировавший номер.

Тетя Вали сидела на диване и вязала. У нее всегда было какое-нибудь вязание. Свяжет что-нибудь новое, тут же распускает старое и снова за работу. И так все время, да еще успевает читать, слушать музыку по радио и даже, Оторвавшись на минуту, спросить: «Ты готовишь уроки, Тони?»

Вопрос явно лишний, так как в течение целой недели Тони прилежно занимался, и потому вызывает такое раздражение. Особенно тон вопроса и то, что тетя Вали задает его именно тогда, когда он мучается с задачкой по математике. Правда, теперь ему стало легче решать, чем раньше, но все же один пример никак не получается: «х» в сплошном тумане, ответ не сходится. Тони сидел, перелистывая тетрадь, и вот перед ним снова возник замок, и грустный голос произнес:

— Как давно ты не был у нас, Энтони! Мы не видели тебя целую неделю!

— Неужели неделю?.. Я был очень занят, Джизель.

— А не сыграть ли нам партию в шахматы, — предложил Рик. — Как тебе нравится эта шахматная доска?

Тони посмотрел на роскошную шахматную доску.

— У нас с Тощим самая обыкновенная.

У Джизель дрогнули ресницы.

— Ты играешь с Тощим? Но ты же говорил, что он зануда.

— Да нет, он оказался хорошим парнем. Я ошибался, и здорово.

Они расставили фигуры. Выяснилось, что Рик — опасный соперник. Вначале конь Тони, а потом ферзь попали под угрозу, и Тони пришлось внимательно следить за игрой. Джизель тем временем задавала все новые вопросы:

— Где ты был позавчера и вчера? Теперь ты, конечно, все время проводишь с этим Тощим?..

— Да, мы часто бываем вместе, — сказал Тони, — знаешь, он тоже собирает марки, как и я. У нас в классе никто больше не собирает, и мы с ним можем меняться. Еще мы вместе ходили к дядюшке Копасу и на берег Дуная, бросали камни, у кого дольше над водой продержится. А потом перебрались на валун, который торчит из воды.

За разговором он чуть было не прозевал собственного ферзя, и Рик воскликнул, обращаясь к сестре:

— Не мешай, пожалуйста, Джизель!

— Не буду, — произнесла та с готовностью, но спустя минуту вновь спросила: — Значит, ты теперь все время ходишь с ним, с этим Тоцим?

Тони и сам удивился: а ведь верно, теперь они всюду бывают вместе.

— Да, — проговорил он, — мы подружились, знаешь...

Глаза Джизель потемнели.

— Но как же так? До этого с тобой никто не дружил, а сейчас вот так, вдруг?

— Да, — ответил Тони, — именно вдруг.

В огромном гулком зале слова долго носились в воздухе. Они пробудили в Тони смелость, уверенность, он быстрее стал рассчитывать ходы, положение на шахматной доске сразу изменилось.

— Ну и ну, — воскликнул Рик, — ты зажал меня в клещи!

Тони сосредоточил на игре все свое внимание. Еще несколько ходов — и противник получил мат.

Рик покачал головой и улыбнулся. Он не сердился, наоборот, с радостью поздравил своего соперника:

— Тони, ты на все руки мастер. Ол-райт! — Рик встал. — Сейчас мне надо покинуть вас. Я должен подготовиться к ужину, почистить фрак. Ты поужинаешь вместе с нами? Знаешь, что будет на ужин? Повар готовит индейку и сладкий шоколадный пудинг.

Однако Тони не остался. Он объяснил, что его очень ждут дома, и вежливо поблагодарил хозяев за приглашение.

Джизель пошла проводить его до ворот.

Было темно, луна скрылась за тучами, от ветра качались и скрипели деревья в парке.

— Я боюсь, — прошептала Джизель. — Лорд Филипп затаил злобу против тебя. А вдруг сейчас он подстерегает нас? В такую безлунную ночь он может затаиться за каждым кустом.

— А я его не боюсь, — сказал Тони.

— А если он вдруг нападет на тебя?

— Я его поколочу. Если надо будет бороться — захват, бросок, и он летит через меня...

Джизель смотрела на Тони во все глаза, полные восторга и восхищения.

— Энтони, ты никогда не боишься?..

Тетя Вали встала с дивана, включила телевизор. Показывали фильм, детектив.

Надо посмотреть, а математику завтра утром объяснит Тощий. Он все расскажет за несколько секунд. Они теперь с полуслова понимают друг друга, о чем бы ни шла речь. И то дело с подвалом Тощий тоже понял, хотя не очень-то просто было объяснить.

До чего же отвратительное место подвал! Такая темень, и все время кажется, что там кто-то шевелится, а ведь знаешь, что просто навален всякий хлам: железяки, бутылки, старые кастрюли, тазы, кафельные плитки. Трижды Тони открывал эту проклятую дверь, но тут же захлопывал ее, закрывал на ключ и убегал сломя голову — так ему становилось не по себе.

Он даже вспотел, пока рассказал это Тощему.

Ну и что ты так переживаешь? — спросил его Тощий. — Это с каждым случается. В прошлую весну я никак не мог перепрыгнуть через канаву. Она и не такой уж широкой была. Все ребята перепрыгнули, а я стоял и все думал: сейчас, ну сейчас... В конце концов с большим трудом... Но и до этого! Ужасно было. Когда мы пойдем в подвал Тихамира?

Тони почесал затылок.

— А что, если там опять кто-нибудь шевелится?

— Пусть шевелится. Мы же будем вдвоем!

— Вдвоем — это, конечно, совсем другое дело!

Детектив шел своим чередом, тетя Вали периодически вздрагивала, чувствовалось, что она переживает. А история между тем была весьма простая, да еще режиссер убирал все препятствия на пути героя. Фильм есть фильм! Вот подвал — это действительность. И железная дверь так странно скрипит.

Она устрашающе скрипела и тогда, когда они открывали ее вдвоем с Тощим. Потом установилась тишина, такая глубокая, и вдруг прозвучал страшный скрежет. Будто внезапно ударили по струнам — и снова тишина. Потом спять: чирр-черр... Они направили туда свет фонарика — ничего, одни бутылки.

— Ты что смеешься? — спросила тетя Вали удивленно. — В этом детективе нет ничего смешного.

В этом нет. Но в подвале было над чем посмеяться. Кто бы мог подумать, что это Мерседес пряталась там среди бутылок! Замечательная кошка тети Вири, которая никогда не бродяжничает. Хитра, что и говорить! Здорово сумела спрятаться. Очень не скоро луч фонарика осветил ее полосатую шкурку. Она фырчала, изогнув спину, на старой печке в самом дальнем углу подвала. Если бы она не вспрыгнула туда на одно мгновение, возможно, они бы никогда ее не нашли. Оттуда она через щель хотела улизнуть наружу...

А печурка была неплохая, с трубой, и такая тяжеленная, что вдвоем они едва могли сдвинуть ее. Потом они обследовали подвал вдоль и поперек, но самой крупной их добычей была все-таки печка.

— Вот видишь, — сказал Тощий, — не зря мы сюда пришли!

Карман у него был набит квитанциями: бумага, медь, тряпки, бутылки. Раньше он не сдавал то, что собирал, ждал повода. Пусть они скиснут и удивятся: вот это да, ай да Тони...

На следующий день во время большой перемены он поднялся на третий этаж, в Уголок. Когда-то здесь был склад, и такой маленький, что, войди три человека, — яблоку негде упасть. Но ребята из их класса, когда что-нибудь надо было обсудить, влезали туда все. Он уже давно не бывал там и сейчас особенно ясно представил себе, как они сидят на старых ящиках, подоконниках и кричат, потому что спор обычно бывает ожесточенным.

Действительно, он не успел еще подойти к двери, как услышал их крики. Рука была уже на дверной ручке, но ноги вдруг будто приросли к полу: он услышал, что говорят о нем. Кто, кроме Герцога, может так гнусавить:

— Он частник! А пионер не может быть частником!

Раздалось бормотание Длинного:

— Пионер — частник? Хм!

И снова Герцог:

— Раз частник, пусть не будет пионером! Давайте голосовать.

Тут начался такой шум, что больше он не смог разобрать ни слова. Ребята смеялись, кричали, кто-то даже свистел. Наверное, Длинный, он здорово свистит. Потом прозвучал голос Панни:

— Давайте тише! Вначале объявляют выговор, а не исключают, но до этого с ним надо поговорить.

Теперь засвистел Чонт, тихо, как бегущий где-то далеко паровоз. Между двух коротких свистков он сказал:

— На сборе звена поговорить не удастся: он уже три раза отсутствовал.

Рука сама потянула дверную ручку, дверь открылась, и Тони ввалился внутрь. Он не упал только потому, что упасть там было просто некуда. У самой двери сидели Панни, Чонт Андраш и Длинный. Гизи и Герцог — на ящике. Младенец Лазар — на подоконнике. Он свисал оттуда, как воздушный шарик.

— А вот и я, — объявил Тони.

Гизи толкнула Герцога в бок:

— Смотри, легок на помине...

— Мы как раз разговаривали о тебе, — сказала Панни.

Тони закрыл за собой дверь и прислонился к стене.

— Тогда было бы неплохо, если бы вы позвали меня.

Длинный усмехнулся.

— Зачем? Ты же сказал, что с тебя хватит и что ты с нами порвал.

После того как Тони втиснулся в Уголок, Чонт стал искать себе новое место. В углу комнатки стоял большой футляр из-под карт, на него-то он и взгромоздился. И сразу стал похож на гигантскую птицу.

— Мы как раз говорили о том, — произнес он, — что ты первый в Венгрии пионер-частник.

Раздался оглушительный хохот, от которого Уголок чуть не обвалился. Тони сам готов был вместе с ними вот так же корчиться от смеха. Хорошее это место — Уголок, симпатичное. Жалко только, что смеются над ним.

— Ну и что? — сказал Тони, когда они немного утихли. — Что ж тут такого?

Лазар встал со своего подоконника.

— Это в принципе невозможно, — произнес он, подняв указательный палец.

Все опять расхохотались, теперь уже над Лазаром.

— Ай да Профессор, здорово излагает!

— Вы, вероятно, не поняли. Ведь это значит, что его надо исключить из пионеров. Это же позор!

— Позор? — переспросил Тони.

— Да, — произнес Герцог и поднял руку, чтобы объяснить дальше, но попал Длинному прямо в нос. Тот ударил его по спине. Герцог опустился на ящик и съежился. Да, места явно было маловато.

— Собственно говоря, почему ты собираешь в одиночку? — спросила Панни. — Мы тебе не нужны?

Панни такая милая, она смотрит на тебя своими теплыми карими глазами и словно говорит: я тебя хорошо понимаю, но все-таки объясни свое поведение, это нужно в первую очередь для тебя самого.

«Хорошо, — подумал Тони, — попробую».

Он начал не торопясь.

— Можно сказать и так, — произнес он, — но можно иначе: я никому из вас не нужен. Один раз спросили, кто из вас хочет мне помочь. И оказалось — никто. НИКТО!!!

Наступила гробовая тишина. Такая, как тогда, в классе. И Тони воспользовался ею. Он спросил:

— На ком можно всегда сорвать свою злость, на ком?

— Ты обычно сам начинал, — проворчал Длинный. — Хомяк!

Тони, однако, не смутился.

— А кого из драмкружка выкинули? У меня была роль, всего пять слов. Пять слов...

Гизи откинула голову назад, пожала плечами.

— Потому что ты все время дурачился, Тони.

А ему тогда просто было обидно. Это случилось давно, но ему и сейчас больно вспоминать.

— Что ж, исключайте меня, если я все время только дурачусь и дерусь.

Это было длиннее, чем роль из пяти слов, и сказал он это здорово. Тони почувствовал, как все поражены. В Уголке стояла такая тишина, что в ушах звенело.

Тони стало жалко самого себя. Почему он все время дрался? Потому что понимал: он ничего для них не значит, ноль, даже меньше, и хотел, чтобы его наконец заметили. В кружке филателистов места для него не нашлось, в шахматной секции: ах, оставьте, это же Кочиш!

А в драмкружке ему дали роль — эти дурацких несколько слов: «Ну вот, Дори попала в таз с известью!» Как он мог продемонстрировать с помощью этих слов, на что он способен? Вот он и дурачился, чтобы рассмешить Гизи, но она тогда только сказала, выпятив губку: «Я же говорила, что Кочиш не подойдет!»

Все молчали, лишь слова Панни нарушили тишину:

— Мне кажется, что Тони сильно изменился. Не знаю, заметили ли вы? Он стал совсем другим, не дерется...

Ребята продолжали молчать. Последнее время никто из них с Тони не сталкивался. Если говорить честно, они не очень-то интересовались. Два раза он неплохо ответил на уроках, пятерок, правда, не получал, но и единиц тоже. Это уже было интересно. Что вдруг произошло?

Панни снова спросила:

— Тебе кто-нибудь помогает в учебе?

— Никто, — ответил он. — Никто... из вас. — А потом добавил, как бы между прочим: — Один парень из 7-го «Б». Ну что же вы, исключайте меня, ведь вы тут все отличные пионеры.

Нет, серьезно, это было его самое удачное выступление.

И тут Герцог высказал свое мнение:

— Ага, теперь выходит, что он во всем прав! Гляньте, он еще и прав! — Но потом милостиво добавил: — Ладно, я со своей стороны против исключения. Со своей стороны... достаточно будет выговора...

— Спасибо, — насмешливо произнес Тони, — спасибо, Герцог. Ты ужасно правильный человек!

— А что? В чем дело? Я выполняю общественную работу. Пишу хронику, сделал уже две красивые записи.

— А что слышно о том пенсионере, — спросила Панни, — которого ты должен был позвать на сбор?

Герцог пожал плечами.

— Я его искал, но не нашел.

Длинный пробормотал:

— Посмотрел в ящиках стола, на книжных полках и под шкафом.

Раздался дружный смех, который разрядил наконец атмосферу. Они уже давно не смеялись. Теперь в центре внимания оказался Герцог. Он сбивчиво оправдывался:

— Он переехал. По тому адресу, который я получил, его уже нет. Ласло Сабо, бывший рабочий завода Ланг. Куда, никто не знает. Он переехал из Уй-Пешта.

Прозвенел звонок, Андраш Чонт спрыгнул с футляра, и Панни замычала от боли, потому что он приземлился ей прямо на ногу.

— Да он даже не ходил туда, — проворчал Длинный. — Уй-Пешт! Это для него далеко!

Длинный открыл дверь, намереваясь выйти, и тут раздался голос Тони:

— Нет, он говорит правду. Этот старик действительно жил там.

Он произнес эти слова очень тихо. Но их услышали все. Это в самом деле был его день!

— Что? Что ты говоришь? Эй, слушайте! Тони...

— А ты откуда знаешь? — спросил Герцог. Он был поражен: Тони вдруг встал на его защиту. Они же друг с другом как кошка с собакой! Очень благородно с его стороны. А то, что он сказал дальше, совсем удивительно.

— Я знаком с ним, зовут его дядей Копасом, потому что он лысый. Просто не думал, что он такой старый, потому что с ним здорово интересно. По-моему, если человек хороший, он никогда не будет старый. Я знал, что он на пенсии, но совсем забыл про это. Мы с ним настоящие друзья, он рассказывал мне про Уй-Пешт и как работал на заводе Ланг и вместе с другими организовывал профсоюз. Если мы его пригласим, то он наверняка придет и будет здорово, потому что он так умеет рассказывать, что человеку кажется, будто он все видит собственными глазами.

В марте пришла наконец весна. Они долго бродили по набережной Дуная, потом уселись на гранитные ступени загорать.

— Ну, а дальше... Что дальше было? — спросил Тощий.

— Дальше? Я рассказал ребятам про печку в погребе у Тихамира и как я не мог ее вытащить, ведь она весит, по крайней мере, пятьдесят килограмм. Это было как раз вовремя, потому что нужны были деньги на экскурсию.

Сняв пальто, ребята перепрыгнули на валун, торчащий из воды, и стали тренироваться в прыжках в длину. У Тощего здорово получалось, он был хоть и маленький, но прыгал далеко. Между прыжками он снова задал Тони вопрос:

— Значит, тебя не исключили?

— Что ты, даже о выговоре забыли!

Со стороны острова Маргит показался большой пароход. Перед мостом на нем сложили трубы, пароход прогудел, потом еще раз. Звук был глухой и тягучий, от него дрогнул теплый весенний воздух. Тони моргал от яркого солнечного света. Все было хорошо: солнце, воздух и то, что его не исключили тогда. Что ни говори, а Уголок — отличное местечко.

— Ты завтра свободен, Тощий? Мы идем в подвал Тихамира.

— И я тоже?

— Я без тебя не пойду! И на экскурсию тоже. В воскресенье мы едем на экскурсию, на неделю.

Тощий опять спросил:

— И я тоже?

И Тони ответил:

— Говорю же, без тебя не поеду!

Он подвинул к себе портфель, достал оттуда атлас, полистал.

— Смотри. Вот здесь Хювашвольд, за ним Черные горы, а недалеко оттуда Сорренто. Здорово будет, правда?

— А на ребят ты больше не сердишься?

Тони задумался:

— Нет. Я с ними уже помирился. Знаешь, они вообще-то не такие уж плохие, даже, можно сказать, хорошие, сам увидишь. И Герцог

ничего, только чересчур уж много думает о своих джинсах и свитере... да ладно! — Оба засмеялись, Тони захлопнул атлас. — Слышал бы ты Гизи! Подходит ко мне после уроков и говорит: «Возвращайся к нам в драмкружок, Тоник!» «ТОНИК!» — так и сказала...

Он опять вспомнил об этом вечере, когда раскладывал на столе учебники. «ТОНИК» — и это после всего, что случилось! Все-таки Гизи — настоящая обезьяна. Если другие против, и она: «Уходи отсюда, Кочиш, ну и человек же ты...»

А чуть ветер подул в другую сторону, она сразу: «Тоник!»

И тут вдруг он услышал другой голос, тихий-тихий, который звал его. Тетрадь лежала прямо перед ним, он полистал ее и открыл на странице, где гордо возвышался замок с красивыми башнями.

— Энтони! Наконец-то, ты совсем забыл нас. Давно пустует фехтовальный зал, мы ни разу не катались на лошадях. Мы все время вспоминаем тебя, готовим для тебя чудесные ужины.

— Мою сестру, — сказал Рик, — торопит лорд Филипп. Пока она не хотела говорить «да», хоть он и настоящий лорд. Правда, Джизель?

— Да, настоящий, — призналась Джизель и вздохнула. Тень грусти лежала на ее лице. Наступила тишина. Затем она тихо спросила с горечью в голосе: — Мы чем-нибудь обидели тебя, Энтони?

Сердце Тони было полно раскаяния и благодарности.

— Что ты, ни единым словом, Джизель, ты всегда была такой дружелюбной и милой. Особенно когда мне было плохо. Я никогда не забуду тебя. Но сейчас, знаешь, у меня ни капельки нет свободного времени. Я загляну к вам когда-нибудь еще, это обязательно, но — как бы тебе сказать... — вы не очень рассчитывайте на меня, ведь ничего определенного я не могу обещать. Пойми меня и не обижайся, пожалуйста!

Над парком светила луна, легкий ветерок играл густой зеленой травой, шелестели деревья, серебряные звезды отражались в разноцветных стеклах замка.

— Я никогда не смогу на тебя обидеться, — сказала Джизель. — Никогда. Не забывай, что мы с радостью ждем тебя. И если когда-нибудь ты захочешь прийти, все будет так, как сейчас: твоя лошадь в конюшне, мраморный пол в зале для фехтования и красивые мозаичные окна в стенах замка. И сам замок с красивыми башнями, а над ним голубые облака.

— Джизель, я хочу сказать...

— Ты учишь уроки, Тоник?

Как будто камень бросили в воду, и зеркальная гладь разбилась вдребезги.

Вот он и забыл, что хотел сказать и каков ответ. Неужели тетя Вали никогда не сможет отвыкнуть от этой привычки! Всегда она вмешивается в самое неподходящее время.

Тетя Вали сидела на диване и распускала старый свитер. По радио звучала музыка. Интересно, говорила ли она что-нибудь до этого? Тони не знал, потому что минуту назад он слышал только стрекот кузнечиков в парке, далеко-далеко отсюда.

Ну ладно, что будет завтра? Математика, русский, география. Схема водоемов нашей родины. Меры длины. И план экскурсии, который ему поручили подготовить и написать. Тетрадь исписана, ее вообще можно выбросить.

Эту тетрадь?

Нет. Он ее не выбросит. По крайней мере, сейчас. А может, вообще никогда. Даже если она затеряется, он все равно когда-нибудь вспомнит о ней...

Тони открыл один из ящичков письменного стола и запихнул тетрадь под альбом с марками и старые книги. Потом захлопнул ящик и взял чистую тетрадь. Теперь она будет служить ему черновиком.

Тетрадь была чистой, холодной и чужой. Тони написал на первой странице: «Строение треугольника».

Спицы тихо позвякивали, очередной свитер рос как по волшебству. Но взгляд тети Вали все время останавливался на Тони. Она ждала ответа на свой вопрос, занимается ли он. В свете лампы волосы у тети Вали были совсем серебряные.

Стоит ли обижаться? Теперь Тони не хотел ее обманывать. Это время прошло. Он вздохнул и сказал:

— Сейчас начинаю, тетя Вали!

Улица Пратер Предисловие

Однажды вечером, в воскресенье, у кинотеатра «Бастион» я встретил Денеша. Он, будто хищная рыба в поисках добычи, проворно шнырял в толпе перед кинотеатром. При виде его я застыл от изумления. Как тогда, в октябре прошлого года, на улице Пратер, когда он открыл мне дверь в квартиру Кубичеков.

Денеш ничуть не изменился, может, только слегка похудел. Лишь нос его казался от этого еще больше, а в остальном он был таким же, как и тогда: рубашка в клеточку, улыбка. Даже голос тот же.

А он, заметив меня, бросился ко мне как ни в чем не бывало, хлопнул по плечу и закричал:

— Неужто ты, Ежик? Каким ветром тебя сюда занесло?

Это тоже похоже на него. Он еще и удивляется, каким ветром меня сюда занесло, что вообще это я, а не кто-нибудь другой. Разумеется, он и сейчас назвал меня Ежиком, как когда-то меня дразнили на заводе за мои жесткие волосы торчком. Схватив меня за руку, он крепко тряхнул ее. Потом вдруг сдвинул вверх обшлаг рукава, чтобы мне лучше были видны золотые часы, ослепительно блестящие у него на руке.

— Там добыл?

— Нет, здесь! — подмигнув, сказал он. — Блеск! Что, ты тоже не отказался бы? Это мне одна девчонка подарила. Посмотрел бы ты, какая красотка! Ладно, я тебе когда-нибудь расскажу! Знаешь что? Ты погоди чуток. У меня сейчас самый час «пик»!

Он нырнул в толпу и стал пробираться к какому-то толстяку, в нерешительности стоявшему посреди людской толчеи. Нюх не обманул Денеша: у толстяка — «клиента» обрадованно блеснули глаза, и вот он уже полез в карман за бумажником, а Денеш элегантно жестом фокусника протягивал ему синие билеты. Все это заняло буквально несколько мгновений, и вот уже мой долговязый приятель поплыл через толпу назад, ко мне.

— Хороший бизнес — эта торговля с рук, — небрежно бросил он. — Когда наловчишься, можно здорово зарабатывать. Но не думай, что все так просто. Черта с два! Ловкость нужна. И талант. Спорим, что ты ни одного билета не смог бы толкнуть?

«Работал» он действительно ловко. Пока мы говорили, вернее, пока он говорил, взгляд его беспрестанно обшаривал толпу. И вдруг Денеш, на полуслове оборвав нашу беседу, как сквозь землю провалился. И так же неожиданно возвращался и как ни в чем не бывало продолжал разговор с того самого слова, на котором он его минуту назад прервал.

— ...здорово все было, Ежик. Честно говорю — здорово. Я не жалею. Побывал в Париже, в Риме, в Афинах. Повидал белый свет. Какие города, дружище, какие автомобили! А что за женщины там у них! Мы же полные нули в сравнении с ними. Пустое место. Деревня, жалкая деревня — этот наш Будапешт. Ты только взгляни на заграничные денежки! Захватил я с собой несколько монет — тут показать.

Он позвякал мелочью в кармане, потом положил мне на ладонь.

— Это — итальянские, это — из Греции. А вот это маленькая, медная — французское су.

Я смотрю на монетки, и мною овладевает тоска по дальним странам. В мыслях я уже парю над синими морями. Но во мне уже зарождается возмущение, и оно тотчас же вырывается наружу, едва я начинаю говорить.

— Если все было так здорово, чего же ты, Денеш, сюда вернулся?

— Там, оказывается, тоже вкалывать надо. А это мне как-то не по нутру. Знаешь, я уже и здесь две профессии испробовал: ну не лежит у меня душа к постоянному месту. Люблю независимость. Когда ты сам себе хозяин.

Говорит он громко, с веселым бахвальством, но в его голосе мне все время чудится какой-то совсем не веселый тон, и от этого слова Денеша кажутся странными, неестественными. Охватившая меня на миг зависть проходит, и дальше я уже совершенно спокойно слушаю восторженные рассказы Денеша. Может, когда-нибудь и я увидаю те места, где бывал он. Но сейчас я жду не дождусь, когда он замолчит, чтобы спросить о том, что волнует меня больше всего.

— Как там Йошка? — говорю наконец я. — Ни слуху ни духу. Что с ним — не знаешь?

Денеш бросает на меня смущенный взгляд.

— Йошка? — повторяет он. — Н-да-а!

Он говорит это, словно припоминая, кто такой Йошка, и еще раз повторяет:

— Ах да, Йошка...

Тут он принимается разглядывать свои ногти, потом бросает взгляд на часы, подносит их к уху. Словно ожидает, что часы подскажут ему нужные для ответа слова.

— Наш Йошка, — непринужденно начинает он, — заболел в лагере. В Вене. Действительно, трудноват для него оказался путь, наверное, ему не стоило на это решаться. Тяжелейшее воспаление легких. А я в этот самый момент разрешение на въезд получил. В Африку. Не мог я ждать. Но ты не думай: я его одному своему знакомому перепоручил. Да и вообще там за ним присматривают... Там люди не такие, чтобы кого-нибудь в беде бросить. Но сам я о нем больше ничего не слыхал. Я ведь домой уже совсем с другого конца света возвращался...

Я слушаю Денеша и не могу произнести ни слова, будто мне кто-то сдавил горло рукой. Боже, ну как можно быть таким бессердечным? Теплый вечер, а меня начинает бить озноб. Как ушатом ледяной воды окатил меня Денеш. И сам как ни в чем не бывало долдонит свое, позвякивает иноземными медяками и даже предлагает их мне. На память. Потом он зовет меня с собой в танцевальную школу Геренчеров, где, как он говорит, у него много дружков и красивых девчонок.

— На заводе мы все равно больше не увидимся, — говорит он. — Меня туда не возьмут. Дядя Шандор и раньше-то меня недолго любил. Да я, между прочим, теперь и зарабатываю побольше прежнего и сам себе шеф. Пошли, там поговорим. Расскажу тебе о своих похождениях такое — рот разинешь.

— Нет, Денеш, некогда мне. Домой пора.

— Всегда говорил тебе: тюфяк, — фыркнул он. — Ничем-то ты не интересуешься!

У меня заныло под ложечкой.

— Почему же ничем? — взглянув на него, возразил я. — Интересуюсь, к примеру: вернется к нам в страстной четверг Жаба или всем нам так и загорать на крыше дома, на улице Пратер? Волнующее дельце. Я от нетерпения все ногти обкусал.

Я хочу видеть Денешевы глаза. Может, они хоть на миг потеплеют. И он сбросит с себя проклятое бахвальство, скажет хоть слово правды. Но Денеш уставился на меня, будто не понимая: о чем это я? Потом махнул рукой, посмотрел на свои золотые, сказал:

— Ладно, мне пора. Ждут. Тут все равно больше делать нечего. Последний сеанс начался.

Толпа вокруг нас действительно поредела. Площадь перед кинотеатром затихла. Мы тоже пошли. До угла шли вместе. Потом, попрощавшись за руку, разошлись. Денеш напомнил:

— Каждую субботу и воскресенье вечером я — в школе танцев. Загляни как-нибудь.

— Ладно, — сказал я. — Может, загляну. Как-нибудь.

Денеш скрылся в уличной толчее, а я поплелся домой, всю дорогу думая: «Неужели Денеш в самом деле все на свете забыл? Неужели он уже не помнит того страстного четверга?» Невероятно, что он даже не вспоминал: ведь с того времени прошло всего несколько месяцев! Этого я никак не могу понять. Мне все это иногда даже снится.

Так и в этот вечер. Только закрыл глаза и вижу, будто я лежу на крыше того дома, на улице Пратер. Рядом со мной Йошка Лампа, Дюла Кочиш, цыганенок Павиач и Денеш. У каждого в руке винтовка, и все мы целимся в одну точку: в красный огонек, мерцающий внизу, в густом тумане, где, как мы думали, у костра греются солдаты, наши враги. Наши винтовки нацелены на костер, где шевелится, раскачивается чья-то тень. Вдруг раздается выстрел, и сердце мое принимается биться сильнее, как всякий раз, когда в плечо меня толкает приклад. И почти одновременно с выстрелом в глухой ночи раздается душераздирающий крик Жабы, а потом из тумана возникает и он сам — с перекошенным лицом, в залитой кровью гимнастерке.

«Проклятые щенки! — орет он. — Что вы наделали?»

Йошка Лампа дрожит и прячется за мою спину. А Дюла Кочиш смотрит на Жабу и говорит своим тихим, бесстрастным голосом:

«Так и надо! Не бойся, Йошка, ничего не случилось».

От злости лицо Жабы искажается еще сильнее. Он бросается на Дюлу. Тот не двигается с места. Жаба хватается Дюлу за плечо, пытается сбить с ног, но рука его захватывает пустоту, хотя Дюла по-прежнему стоит перед ним. И тут у Жабы подкашиваются ноги, и он, будто тряпичный, валится вниз, а Дюла смотрит на меня и улыбается. Я

удивлен: ведь Дюла никогда не улыбался, всегда был какой-то печальный. Я впервые вижу его улыбку и удивлен, какой он, оказывается, славный и красивый малый. Мы просто никогда этого не замечали. Между прочим, мы никогда не верили ему, что ему всего лишь шестнадцать. А сейчас он выглядел еще моложе, даже моложе меня. Милый, славный парень, я в эту минуту почувствовал, что мы — я и он, — наверное, подружались бы, если бы...

Во сне я не могу понять: что значит это «если бы» и почему мы не могли и в самом деле с ним подружиться. Я шагнул к Дюле, но он стал куда-то отплывать от меня. А у меня вдруг заныло сердце и так сдавило грудь, что я не мог дышать. Я судорожно стал хватать ртом воздух, ушиб себе руку о край кровати и проснулся.

Я провел рукой по лицу, оно все было мокрым от слез. Я удивился: Дюла, сколько я его знал, никогда не улыбался — это верно, но ведь и я тоже никогда не плакал! Проснувшись, я уже знал, почему я не смог подружиться с Дюлой. Но я был рад — пусть хоть во сне — еще раз снова увидеть его. И я подумал: «Хорошо, что я не забыл недавнее прошлое так скоро, как этот Денеш».

Да я и не хочу забывать, что произошло со мной в ту осень!

И я решил сесть и записать все, как было. Все до самых мелочей. Это как бы мой долг перед Дюлой Кочишем. Недаром же он стоял и смотрел на меня во сне так, что у меня сердце защемило...

В школе нас учили: сочинение состоит из трех частей — введение, основное содержание и заключение. Введение я никогда не любил. Но думаю, что до того, как рассказать о самих событиях, надо хотя бы коротенько сказать о себе.

Наверное, у каждого человека есть свои планы на жизнь, желания, мечты. Так и моя старшая сестрица, Хенни, например, в прошлом году, в октябре, мечтала выйти замуж за Ферко, черноусого студента из Политехнического, с которым она проводила все дни. Он-то и забивал ей голову всякой ерундой. Может, потому Хенни тогда и начала относиться ко мне все хуже и хуже. Впрочем, я никогда не был для нее предметом гордости, а тут она вообще стала посматривать на меня свысока. Другую свою сестру, Агнешку, я любил больше, хотя и она не выказывала особого почтения к моей персоне. Но у нее хоть были родственные чувства ко мне, а я со своей стороны тоже хотел, чтобы когда-нибудь она заняла наконец первое место на соревнованиях по настольному теннису. Проворная, ловкая девчонка наша Агнеш, пусть и не такая стройная и хорошенькая, как Хенни, которую усатый Ферко сравнивал с Дианой — греческой богиней охоты. Словом, Агнеш была мне по душе — в ней больше от жизни и меньше от статуи. С ней и поговорить можно, хоть и не часто мы разговаривали. Мама, наша тихая, робкая и немногословная мама, тоже мечтала о своем: поменять квартиру, чтобы иметь хотя бы одну комнату с окнами на улицу. Вместо этой двухкомнатной, смотрящей во двор-колодец. Мы иногда даже днем сидим со светом. А у мамы очень плохое зрение, поэтому понятно, что она больше нас всех мечтала о светлой комнате с окнами на улицу.

У меня своя страсть: шахматы. В то время и случилось, что как-то за очередной партией после смены дядя Шандор сдвинул на лоб очки и пристально посмотрел на меня. Дядя Шандор — человек молчаливый, на похвалу скупой. Но тут я сразу понял: этот его взгляд неспроста.

Дядя Шандор не только хороший столяр, он еще и заводской чемпион по шахматам. Мы каждый день играли с ним в шахматы, и в душе я надеялся, что скоро одолею его. Желание победить было так велико, что я даже готов был считать тот день поворотным в моей жизни. Сейчас все это кажется таким смешным, а тогда я думал: с того

самого часа сразу все для меня переменится. Ведь это будет мой первый успех!

Трудно быть единственным мужчиной в семье. Отец умер в войну. Хенни уже двадцать, Аги — восемнадцать, мне — семнадцать. Но вместо того чтобы боготворить меня, единственного в доме мужчину, сестрицы то и дело давали мне понять, что я просто дурак. Потому что я два года просидел в одном классе! Иногда мама заступалась за меня и объясняла, что в детстве я перенес менингит, оттого я такой медлительный и замкнутый. Но это со временем пройдет, а вернее — уже прошло. Только впустую все это мама объясняла моим очень уж умным и самоуверенным сестрицам. Агнеш в следующем году получала аттестат, Хенни — уже студентка, будущий филолог. Нет, наука, видно, не мой удел. И мало-помалу и мама смирилась с мыслью, что я недотепа и лучше уж мне ничего не поручать: обязательно все испорчу. Бедная мама: мои сестрицы не только меня, а и ее не очень слушали. Слабый у нее характер.

Вот так и обстояли дела с нашими мечтами и желаниями в ту дивную, солнечную осень. Погода стояла замечательная, еще вовсю припекало солнце, и я был счастлив, когда в памятный день двадцать третьего октября меня послали в «местную командировку». На заводской склад, за одной деталью. Дело в том, что в нашем небольшом цеху, изготавливали пробные отливки. Я сделал все дела, на обратном пути купил себе булочку, брынзы и на какой-то площади присел в кафе закусить. Вот когда Денеш, тоже ученик дяди Шандора, позавидовал бы, увидев меня здесь. Он частенько ворчит, что меня старик балует, а его, наоборот, недолюбливает. Но это все вранье. Дядя Шандор ко всем одинаков, он ото всех требует честной работы. Просто когда надо кого-то послать, посылают меня, как самого молодого. Иногда это даже хорошо, что ты самый молодой.

Сижу я на площади, ем брынзу с булкой, греюсь на солнышке, и так мне хорошо. Ладно, говорю я себе, не я буду Андриш Йовольт, если я сегодня не обыграю дядю Шандора. Я вчера чуть было не победил. А сегодня я обязательно уложу его на обе лопатки. И тогда откроется передо мной путь к серьезным шахматным матчам и большим победам! Обыграть старика — дело нелегкое. Потому победа над ним много значит.

Сейчас мне, конечно, смешны мои великие планы о крупных шахматных матчах. Но тогда я только об этом и мечтал.

Сижу я и вдруг с удивлением замечаю: площадь народом наполняется. Возбужденные парни и девчонки бегут по Большому Кольцевому проспекту, и то там, то сям собираются кучки людей, читают какие-то листовки. Я, наверное, тоже прочитал бы одну, да уж больно велика собралась передо мной толпа. Тут я вспомнил, что еще утром наш Бенкё каждому на ухо шептал: демонстрация состоится днем. Да только не такая, как обычно. Денеш сразу головой закивал: придем, мол. Ну, Денеш, он на все согласен, только бы не работать. Потому он и в свои восемнадцать все никак не получит разряда даже для работы подручным. А по мне, скучное занятие. Мне бы лучше в шахматы с ним сыграть. Так что я не очень обращал внимание на происходящее. Сижу на солнышке, брынзу ем.

Ну, о том, что шахматный матч у нас в тот день не состоялся, и говорить нечего. Вернулся я на завод, там тоже шушукаются. Но старик ни одного из нас не отпустил. До тех пор, пока мы детали до конца не доделали. Мы тогда новые роликовые транспортеры собирали. На Бенкё, когда тот принялся нас торопить, он так глянул, что Бенкё сразу не по себе стало. Но зато как только мы последний вал отшлифовали, Бенкё первым помчался в душевую, а за ним следом, будто бычки на веревочке, Денеш и верзила Балигач. Меня они тоже с собой взяли, но я нарочно застрял в раздевалке. Я хотел уйти последним, вместе с дядей Шандором. Он же, пока мы все мылись, переодевались, ни слова не сказал. Так что я больше и не надеялся, что он подмигнет мне, как обычно, и скажет: «Ну как, Андриш, сразимся?»

Я-то его молчание и серьезный вид по-своему понимал. Все же несколько слов он сказал на прощание:

— Знаю, парень, отца у тебя нет. Так что ты давай сам за собой следи. Не впутайся, гляди, в какую-нибудь историю! — и ушел.

А я остался со своими рухнувшими надеждами. На первый успех рассчитывал — пришлось отложить. И не на день, не на два, а на неопределенное время.

Вышел я за проходную и сразу же угодил в людской водоворот.

После работы побродил по улицам. Домой добрался только поздно вечером. В демонстрации я не участвовал, плыл просто так вместе с толпой, по течению. А потом вообще остановились все трамваи, все автобусы. Домой пришлось пешком добираться. Часов в девять только появился. Смотрю: мать у стола на кухне сидит, плачет.

Мама у нас тихая, забитая, тоненькая, как тростинка. А плакать начнет — у меня сердце разрывается. Обнял я ее, глажу по голове. А она подняла на меня глаза, полные отчаяния, и пуще прежнего в слезы.

— На улице бог знает что творится. Люди по углам всякое шепчут. Я сегодня с работы рано ушла. Голова разболелась. А вы все где-то слоняетесь. Ни Хенни, ни Агнешки нет до сих пор. А больше всего я за тебя волновалась. Ты-то ведь у меня всегда с работы вовремя приходишь!

— Сейчас и они вернутся, — принялся успокаивать я ее. — Транспорт весь не работает, вот они и опаздывают. Не переживай!

Но мама, видно, так переволновалась, что даже ужин забыла приготовить. Я себе хороший ломоть хлеба отрезал и смальцем его потолще намазал. Тут к нам заглянула соседка, тетя Паткай. Тоже в слезах: мужа ее до сих пор все нет с работы. Теперь они вдвоем с матерью принялись у меня допытываться: что да как там, на улице? А я так устал, что и говорить не было сил.

Тут кто-то в дверь позвонил. Мы все выскочили: думали, сестры пришли. Но оказывается, это Тушек. Старый холостяк, другой наш сосед по лестнице. Он к нам частенько заходит, беседы по целым вечерам с матерью ведет. А если точнее: он говорит и говорит, а мать сидит, слушает его.

Тушек заметил, видно, огорчение у нас на лицах и даже не присел. А тетушка Паткай снова принялась меня мучить: расскажи да расскажи, что там, на улице, творится. Неохота мне было, но что делать?

— Студенты вели себя прилично. Шли честь честью. А потом вдруг началась кутерьма. Слишком много народу собралось, все кричат, ничего не разберешь. У здания парламента Имре Надь хотел было речь сказать, но все ему мешали, орали, выкрикивали. А потом уличные фонари отключили. Темно стало на площади...

Мама была настолько озабочена отсутствием девочек, что толком и не слушала, о чем там болтал сосед. Я попытался успокоить маму:

— Мама, давай я схожу поищу сестер? Я примерно представляю, куда они могли пойти. Наверное, к Дому радио. Многие шли туда. А может, в городской парк направились.

— Ты сиди, — испуганно замахала на меня руками мама. — Не хватало, чтобы еще ты потерялся. Нет, нет, сиди со мной!

Позднее мы пошли к Бергерам, у которых был самый лучший в доме радиоприемник: может, что узнаем поточнее?

У Бергеров царило уныние. Тетушка Паткаи пыталась поймать заграницу. А хозяйка Бергер то и дело повторяла: «Вот увидите, что бы там ни случилось, а нам, евреям, опять достанется».

Тушек сочувственно покивал головой.

Мне вдруг стали почему-то противны и толстая Бергерша, и этот Тушек, и эта соседка Паткаи, беспрестанно крутящая ручки радиоприемника. Даже мама с ее испуганно-растерянным взглядом раздражала меня. И зачем было нам сюда приходить? Лучше бы мы пошли к Олам. Старший Ола, когда я с ним встречаюсь на лестнице, обязательно заговорит со мной, спросит о работе. Не свысока, как многие взрослые с детьми, а с истинным интересом. И сын его Фери. Совсем не чета усатому Ферко! Учится в Советском Союзе на инженера, государственный стипендиат. Всегда приветливый, прямой, с ним я люблю побеседовать. Он как раз дома, на каникулах. Он — не Тушек. Он-то уж не скажет, что, мол, я — маленький человек, мое дело сторона. Мол, я — не из первых рядов. И его сестренка Жужа не скажет. Между прочим, она мне немножко нравится, эта Жужа, смуглая, с косым разрезом глаз, слегка смахивающая на кореянку. А тут сиди у этих Бергеров, слушай, как они все ноют. Вскоре мне так надоело их ныть, что я, улучив подходящую минуту, выскользнул незаметненько за дверь бергеровского рая. «Пусть, — думаю, — пока мама сидит здесь, радио слушает, с соседями беседует, я лучше сестер поищу. Может, даже домой их приведу».

По правде говоря, я и сам не знал, где я их буду искать. Просто такое тщеславное желание у меня было, ну и еще мысль одна все в голове вертелась: все же я мужчина в доме, надо что-то делать, не сидеть же сложа руки?

А на Большом Кольцевом проспекте жизнь кипела ключом. Если сравнивать с человеческой температурой — градусов на сорок с лишним. Сбивались в кучки, что-то обсуждали, спорили, толпились у воззваний на стенах. Продавцы газет выкрикивали со всех сторон: «Иродалми уйшаг»!^[5] Экстренный выпуск!»

Но прохожие большей частью не понимали, что происходит, и выжидали, что же будет дальше. На проспекте Ракоци молодые ребята вроде меня слушали громкоголосых ораторов, окружив их тесным кольцом. Я подошел к одной кучке, прислушался, что там выкрикивал выступавший. Это был слегка лысеющий мужчина лет сорока — среднего роста, но плечистый, в клетчатой рубашке, сером пиджаке и хромовых кавалерийских сапогах. Говорить он, видно, умел: слушали его внимательно, густо облепив со всех сторон, словно мухи кусок меда.

— Вы имеете право требовать, — часто повторял он, и его резко выступавшая вперед нижняя челюсть как бы отщелкивала фразу за фразой.

И снова, будто припев к песне, повторяющиеся слова: «Вы имеете право на то... вы имеете право на это...» Снова щелкает его челюсть, как почтовый штемпель, гасящий марки на письмах, выбрасывает одну и ту же фразу: «Вы имеете право...» Но у его слов какой-то опьяняющий захватывающий ритм, и вот уже загораются глаза у стоящего рядом мальчишки, другой разевает рот от удивления. И я, Андриш Йовольт, узкоплечий парнишка с прической «под ежа», вдруг чувствую, как я поднимаюсь над самим собой...

Правильно говорит этот плечистый дядя в клетчатой рубашке: разве порядок, когда в цеху мною все только командуют! А старик, дядя Шандор, он уже сколько раз ругал меня за всякую испорченную деталишку. Ругал меня, у которого, оказывается, вон сколько разных прав!

Я слушал, упиваясь его словами, а в голове моей уже шумело и кружилось, как после стакана вина.

«Значит, зря я считал себя до сих пор сопливым мальчишкой, — думал я. — Никем и ничем! А кто в этом виноват?»

Вокруг меня галдели, выкрикивали каждый свое.

Вдруг по толпе будто вихрь пронесся. По Большому Кольцевому проспекту промчалась машина «скорой помощи». В толпе заговорили: «У Дома радио стреляют». Я почему-то подумал, что сестры мои тоже там, и кинулся к радиостудии. Чтобы пробиться сквозь толпу, мне то и дело приходилось пускать в ход локти. Но перед глазами у меня неотступно стояло печальное лицо матери. Нет, не могу я вернуться домой без Хенни и Агнеш.

Каким-то чудом мне удалось пробраться в узкий переулок и там, извиваясь, я все же проталкивался вперед. И теперь я уже понимал, что все мои попытки найти сестер напрасны: тут же яблоку негде упасть. И вообще все это людское скопище — настоящий ревуший, кричащий ад. Да еще где-то время от времени возобновлялась стрельба. Я уже рад бы выбраться назад, но было поздно: людская масса тащила меня вперед, за собой.

Толпа здесь состояла не из молодых ребят, а из таких же типов, что на площади Ракоци разъясняли нам наши права. Откуда же у них

оружие?

Я уже был недалеко от Дома радио, когда меня чуть не ранило. Пуля прошла штанину и, как мне сразу показалось, впилась в ногу. Я от страха чуть сознание не потерял. Не знаю уж как, но я вдруг очутился на какой-то сравнительно тихой улочке. Там я, едва держась на ногах, попробовал выбраться из толпы. По лицу, по шее и спине у меня ручьями лился холодный пот. Здорово я перепугался. Все, что творилось на улице, доходило до моего сознания через какую-то пелену, а сам я уже больше не думал ни о маме, ни о сестренках и вообще ни о чем и ни о ком.

«Как бы поскорее добраться до дому», — стучало в голове.

Шатаясь, плелся я домой. Мне было теперь не до того, чтобы глазеть по сторонам. Но даже издали я увидел, как кое-кто из толпы грозил кулаками.

Меня от одного их вида мутить начало. Я почему-то вспомнил своего отца, красногвардейца девятнадцатого года.

«Что бы сказал он обо всем творящемся сейчас?» — спросил я себя.

Уже близилась полночь, когда я наконец добрался до дому. К счастью, Агнеш к тому времени тоже вернулась. Но мама все равно сидела на кровати вся заплаканная, потому что о Хенни не было по-прежнему ни слуху ни духу. До двух часов ночи прождали мы ее и, так и не дождавшись, стали укладываться спать. Но я был так возбужден, что сразу уснуть все равно не смог. Подойдя к Агиной кровати, я шепотом спросил сестренку:

— Как ты думаешь, что теперь будет?

— Будет лучше.

Я стоял, прислонившись к стене, и пробовал привести в порядок свои мысли.

— Вот уж не знал, что тебе до сих пор плохо было! — сказал я.

— Будущее мое — совершенно неясное. Еще неизвестно, примут ли меня в университет. У меня не пролетарское происхождение. Ведь наш с тобой отец был учителем! Интеллигентом!

— Да, — повторил я, — да, наш отец...

У меня снова заныло сердце, и я пристально посмотрел на круглолицую Аги, на ее курчавые волосы, карие глаза. Потому что говорили, что она изо всех нас больше других лицом походила на отца.

— Как ты думаешь, что сказал бы он сейчас, будь жив? — нерешительно произнес я. — Как ты думаешь?

Аги ответила не сразу, а я, не дожидаясь ее ответа, выпалил полные тревоги и отчаяния слова:

— Думаешь, он сейчас сидел бы у приемника и ловил «Голос Америки»? Чтобы узнать от них, как нам поступить? Или посоветовал бы нам взяться за оружие и разрушить, сжечь в огне все, что мы сами, своими руками, построили? Думаешь, он назвал бы своими друзьями тех, кто еще вчера были нашими врагами, а вчерашние друзья сегодня стали бы его врагами? Думаю, ему повезло: не довелось ему дожить до этого позорного дня!

У Агнешки из глаз полились слезы, она зажала руками уши и истошным голосом закричала:

— Перестань! Сейчас же перестань! Слушать тебя противно! Неужели ты ничего не видишь? Глаза-то у тебя есть? Мы только против ошибок. Можешь ты это понять, Андриш?

— Да, — отвечал я, — наверное, все так и есть. Только странно как-то все у вас получается.

Я еще постоял некоторое время, подпирая спиной стенку, но ничего умного в голову мне не пришло. Я вернулся к себе в комнату и лег спать.

Есть у нас старые стенные часы, мелодично отбивающие каждые полчаса. До трех утра слышал я их бой. Вертелся с боку на бок, весь был в испарине.

«Хорошо Агнешке, — сказал я себе. — Получит аттестат, а там бог весть что у нее в голове. Хенни — та у нас вообще «специалист по классической филологии». Честно говоря, я и не знаю, что это такое. А мне, разве мне разобраться в происходящем с моими восемью классами? Подручному из столярной мастерской. Лучше уж не ломать понапрасну голову».

Так в полудреме промучился я до рассвета и только под утро забылся во сне. Будто в яму провалился. А проснувшись, долго не мог понять, где был сон, где — мое воображение, а где — явь. Одно я сообразил сразу: то, что началось в городе вчера, продолжается и сегодня. Выглянув в окно из квартиры соседей, я заметил, что улица наша пустынна. Гражданским запретили выходить из домов, по мостовой с грохотом проносились только военные грузовики да оглушительно лязгали гусеницами танки.

Я глазел из окна, бегал слушать радио. В конце концов объявили: премьер-министром назначили Имре Надя. Я уже решил: ну вот теперь все успокоится. Но по-прежнему в городе было тревожно. На соседних улицах, с каждой минутой все усиливаясь, снова загремели выстрелы.

А Хенни домой так и не вернулась. Мама, правда, больше не плакала и казалась нам даже слишком спокойной, словно прошедшая ночь закалила ее. Она все время ходила за нами с Агнешкой по пятам, и когда, услышав по радио об отмене комендантского часа, я схватился было за пальто, она преградила мне путь:

— Ни шагу из дому! Ни ты, ни Аги! А не послушаетесь, запру на замок. Мужа потеряла, дочь старшая бог весть где! Хватит с меня. Пока будет длиться эта кутерьма, объявляю вам всем домашний арест.

Она была так взволнована, что я даже и не посмел спорить с нею. Агнеш тоже. Повернулись мы с ней от порога, уселись читать, слушать радио. Но ничего не лезло в голову.

Я слушал сразу все: радио, перестрелку на улице, забежавших сообщить последние новости соседей и какую-то трескотню, по временам доносившуюся с крыши над нашими головами. И мало-помалу меня начало мутить от этого шума и гама.

...Денег у нас в семье немного. Сначала я подумал, может, в этом и есть причина всех бед? Но потом прикинул: на заводе многие зарабатывают вполне достаточно. И все равно лысый Бенкё, например, вечно недоволен:

— Не хватает денег даже на жизнь.

— И не хватит, если пропивать, — возражает ему дядя Шани. Он прав: лысый Бенкё любит это дело.

— Что, уж и от вина мне отказаться?

И начинается перепалка. Дядя Шандор не любит этих разговоров. Он говорит Бенкё, что при Хорти он сам, например, больше половины своей жизни был безработным. Хотя и тогда уже считался неплохим рабочим. Специалистом. А перед начальством, бывало, навытяжку стояли! Шапку с головы еще в передней снимай, если в кабинет вызовут.

— На Западе рабочий в собственной машине разъезжает. У каждого трехкомнатная квартира. Да ты дай мне машину, квартиру, так я и сам, без напоминания, шапку сниму.

— Откуда ты знаешь? — Дядя Шани пронзает спорщика уничтожающим взглядом, и тот умолкает.

Гигант Балигач тоже прилежнее принимается за работу, словно бы и не слушал их спора. Но вообще-то Балигач всегда за того, за кем последнее слово. Человек он невзыскательный: ему все хорошо — и как было и как будет. Ему бы только вволю поесть да выпить как следует.

Один раз дядя Шани Лысому так и отрезал:

— Запомни, твоей правды я не признаю. Разная она у нас с тобой правда. Я, если колдобину вижу на дороге, возьму лопату да колдобину ту засыплю, заровняю. А ты выругаешься и назад повернешь. Не захочешь идти по ухабистой дороге, тебе подавай хорошо укатанную, гладенькую, неважно, что она только до ближайшего курятника ведет.

— Чушь какую-то говоришь, старик, — бормочет Бенкё и загадочно улыбается: знаю, мол, я кое-что, да не скажу. Политический спор их на этом прекращается.

По радио объявили о предании военно-полевому трибуналу за незаконное хранение оружия. Соседи приходили сообщить маме все новые слухи. Скучающий сосед Тушек весь день проторчал у нас на кухне: все долдонил Агнешке про исчезновение идей.

— Ах, оставьте вы! — сердито фыркала Агнеш. — Разве то, за что мы сейчас боремся, не идеи?

— Разумеется! Идеи, ведущие к отмене всех идей, — усмехался Тушек. — Вам нужны только деньги. Много денег и сытое довольство. Какие уж тут идеи! Сытость! Вот за что вы боретесь. Я-то уж знаю. Я — старый неверующий...

И Тушек с кислой миной принимался протирать свои очки.

А я чувствовал себя все хуже и беспокойнее. Надо выбираться отсюда, не понимаю я ничего. На волю, на улицу! Там я быстрее во всем разберусь. У меня даже какой-то зуд появился в руках и ногах, и каждая частичка моей души просилась на свободу. А на радио будто кончился запас пластинок. Уныло повторяли одну и ту же музыку. ...А что, если верх возьмут те, кто примется убивать подряд всех коммунистов?

Вдруг и нашей семье тоже припомнят, что отец был участником пролетарской революции в 1919 году?!

Проклятое радио! От его заунывной музыки с ума можно сойти: все кажется таким неопределенным и угрожающим. Надо где-то раздобыть оружие. Во что бы то ни стало. Без оружия в такие времена никак нельзя! Кто знает, что еще нам предстоит и как я тогда буду защищать маму и Агнешку. Голыми руками?

Вот что чувствует человек, запертый в четырех стенах. А мы и в самом деле сидели будто под домашним арестом, и тюремщиком к нам была приставлена наша же мама. Говорить с нами она и не пыталась. Да и что могла сказать о всем происходящем она, всегда такая робкая и нерешительная. Но глаз она с нас не спускала. И с двери тоже. Так просидели мы взаперти более полутора суток, пока в доме не кончились запасы продовольствия: ведь их у нас всегда только-только, в обрез. Кончился и сахар и картошка тоже.

Мама долго колеблется, кого из нас послать в магазин. В конце концов мы отправляемся все вместе, втроем, и я облегченно вздыхаю, вновь очутившись в водовороте улицы.

В продуктовом пришлось встать в очередь, потому что все покупали про запас, корзинами. Мама, стоявшая за хлебом, прошла уже в магазин, а моя очередь была длиннее и змеилась еще у входа. Вдруг на улице появилась толпа людей. У одного парня на голове белая повязка, один хромотал, и его вели под руки товарищи. Парень с завязанной головой почему-то показался мне знакомым. У него было приветливое лицо и горящий взгляд.

Но вскоре я потерял его из виду. Я неуверенно плелся дальше и вдруг вспомнил, что ведь мне нужно было покупать жиры и что мама, наверное, ждет меня. Я вернулся в продуктовый, но ни там, ни в соседних магазинах не нашел ни мамы, ни сестры Агнешки. Что же делать?! Надо было идти домой. Но такого желания я не испытывал, и, вопреки всему, зашагал совсем в другом направлении. Ноги сами несли меня, не подчиняясь больше моей воле.

Постепенно начало темнеть, и людская толпа на улице растаяла. Скоро комендантский час. В конце концов я тоже решил вернуться домой. Я уже почти перешел проспект, как вдруг рядом со мной притормозила автомашина и высунувшийся из ее окна мужчина спросил:

— Парень, оружие нужно?

Будто огромный колокол ударил вдруг у меня в груди. А в ушах отозвался его отголосок: «Оружие нужно? Оружие!!»

В первое мгновение мне показалось, что это мое собственное желание обрело вдруг голос. Оружие? Конечно! Оно-то как раз мне и нужно! Потом я подумал, что это вовсе не ко мне и обратились-то. Ферко, во всяком случае, мне не предложил бы оружия, не счел бы меня достойным. Он считает меня трусом. И он прав, потому что во вторник вечером возле Дома радио я действительно струхнул.

— Ну что, парень? Хочешь оружие или нет? — снова прозвучал вопрос.

Автомашина остановилась рядом со мной, а дверь ее распахнулась. Не отвернешься, не убежишь. Да я и не хотел убегать. Пусть я мало знал о своем отце, но он трусом не был — это точно.

— Хочу! — сказал я и сел в машину.

Не скажу, что я был очень счастлив, когда автомашина двинулась с места. Какое-то совсем иное чувство овладело мною — скорее, что-то просто вроде удовлетворения. Прошло волнение, исчезла неприятная до тошноты встревоженность, мучившие меня все время, пока я сидел дома, в четырех стенах. Будто сама судьба хотела так, и не было от нее спасения.

Я сидел в машине, ни о чем не думая и не спрашивая ни о чем. Хотя меня уже подмывало спросить, где же обещанное оружие и отпустят ли они меня, дав его мне? Но я уже сказал, что я не любитель долгих разговоров. Другой пять раз спросит, пока я единожды. Мне вот даже написать легче, чем на словах об этом рассказать. Мой сосед тоже ничего не говорил: молча, с каменным лицом крутил баранку, устремив взгляд вперед. Может, я с другими ребятами, ехавшими с нами в машине, и заговорил бы, но слишком коротка была дорога: мы ехали не более пяти минут, виляя между стоявшими на улице танками и грудями вывороченного из мостовой булыжника.

На углу улицы Пратер машина вдруг остановилась. Водитель вышел, я тоже. С мгновение мы стояли друг против друга, и я успел хорошо разглядеть его. Он был среднего роста, с крючковатым носом, костлявым лицом и твердым взглядом и мог бы сойти за вполне симпатичного мужчину, если бы не его непомерно большой жабий рот — от уха до уха. Во взгляде его тоже было что-то напряженно-холодное, может, даже страшноватое. Но теперь я уже был ко всему безразличен. Одет он был безупречно и как-то подчеркнуто солидно: сапоги хромовые, кожаная куртка.

Положив мне на плечо руку, он спросил меня неожиданным для его сурового вида мягким, приятным голосом:

— Как тебя звать-то, парень?

Я назвал. Больше он расспрашивать меня не стал, а, подняв вверх руку, показал на четвертый от угла дом и сказал:

— Иди, Андриш, вон туда. Войдешь в дом, там — под арку, поднимешься на шестой этаж, позвонишь в квартиру с табличкой на двери: «Кубичек». Позвонишь три раза. Тебе откроет дверь один парень, спросит: «Вам кого?» Ты ответишь: «Меня прислал «шеф». Он впустит тебя в квартиру. Остальное узнаешь на месте. А там и я

появлюсь — если не сегодня, то завтра или послезавтра. Оружие получишь там. Повтори: в какую квартиру пойдешь?

— В восьмую. Кубичек.

— Сколько раз звонить?

— Три. «Прислал «шеф»».

Я старался все получше запомнить, как будто от этого зависела моя жизнь. А «шеф» кивнул головой и убрал с моего плеча руку. Иди — означал его кивок. Он дождался, пока я дойду до ворот. Потом сел в машину и включил мотор. Видно, он и не думал, что я могу улигнуть. Впрочем, и у меня в голове тоже не было таких мыслей.

Я поднялся на шестой этаж и трижды нажал звонок на двери кубичековской квартиры. За дверью послышалась какая-то возня, потом спокойные шаги. Немного погодя отворили дверь, и я увидел перед собой Денеша!

Я чуть с ног не свалился от удивления. Мой дружок — долговязый, длинноносый, лохматый Денеш — тоже развел руками и окаменел.

— Ежик? — проговорил он наконец. — Ах ты голова твоя в иголках! Так это ты?!

Он не спросил, кто меня прислал. Я тоже не произнес условного пароля. Мы только стояли и удивленно смотрели друг на друга. А потом Денеш захохотал и смеялся так сильно, что у него слезы на глаза навернулись. Но к этому времени он уже впихнул меня в квартиру и запер дверь.

— Смеяться будем потом, без свидетелей, — сказал он.

Я огляделся вокруг, все еще ничего не понимая. Квартирка обставлена будь здоров, три комнаты. Вокруг всё мягкие кресла, сверкающие полировкой столы, в углу — трюмо до пола. И в другой комнате — книги, этажерка с цветами, радио и музыкальный комбайн. Окна на улицу смотрят, не то что наши.

Денеш усадил меня на диван и принялся допытываться, как я сюда попал. Но только я собрался рассказывать, как из другой комнаты заявляются какие-то три типа. Идут, ухмыляются!

— Новенький? Только что прибыл? Ну, приветик!

— Мои соседи по квартире! — представил их Денеш. — По-братски делим с ними кров. Там, на крыше, у нас тоже неплохое местечко, — подмигнул он ребятам. — Свежим ветерком продувает. Простор. Но иногда, правда, немного шумновато.

Тут уже и я начал смекать, что он имеет в виду: оружие, которое пообещал «шеф», там, на крыше.

Но Денеш и не собирался ничего объяснять. Вместо этого он сказал мне, как зовут ребят, и все. Один из них — добродушно ухмылявшийся плечистый великан, небрежно засунувший руки в карманы, — Йошка Лампа. Маленький носик и кроткие голубые глазки совсем затерялись среди крутых холмов его жирных щек. Фери Павиач — по-видимому, цыган, плутоватый, черноглазый и чернокожий. Он тонкий, как нитка, и проворный, как белка. А то, что он плут, видно с первого взгляда. Зато Лаци Тимко — сама серьезность. Худой, будто тростинка, лицо бледное и продолговатое, под глазами — густые синие круги. Рот у него красивый, четко очерчен, как у девушки, нос тоже узкий, благородный. Он самый симпатичный и самый невозмутимый из всех троих.

Начинают говорить сразу все, кроме нас с Лацко.

— Ну, как тебе наша хата? Нравится? — густым басом спрашивает толстяк Йошка.

— Жратвы тут — ешь не хочу, — подмигивая, утешает меня цыганенок Ферко.

— Здесь, Ежик, как в пансионе для пай-мальчиков, — смеется Денеш. — Только в этом пансионе мы все сами себе начальники.

Они говорят, перебивая друг друга, и, видно, ничего не понимают в происходящем. А между тем дела вокруг весьма запутанные, не мешало бы разузнать что-нибудь поточнее. В конце концов ребята успокаиваются и отправляются «поосмотреться» в кладовке; а самый тихий из всех, голубоглазый Лаци Тимко, берется мне объяснять все по порядку. Я усаживаюсь поудобнее в кресле, облокотившись на стол и подперев подбородок ладонями.

— Инженер Кубичек сейчас в заграничной командировке. В Париже. А жена его — она тоже с ним уехала — родственница нашего «шефа». Пока хозяев нет, «шеф» здесь живет. Ребята случайно с ним повстречались. Еще во вторник вечером. Он им оружие дал. А я только вчера прибыл. Он и меня сюда направил. В спальне, в потолке, люк есть. Через него прямо на чердак и дальше, на крышу, можно попасть. Раньше к этому люку по деревянной винтовой лестнице поднимались. Но мы ее на дрова изрубили и в печке сожгли. Жалко: красивая лестница была. Резная. Теперь мы стол поставили и с него друг друга

наверх подсаживаем, когда надо до люка добраться. Но в квартире кто-нибудь всегда остается. Стол убирается, и тогда снизу и не заметишь, что в потолке лаз имеется на крышу. Крыша дома удобная, плоская. С нее все далеко-далеко видно. Прямо как на ладони. И наша улица, и Большой Кольцевой проспект, и Юллёйский проспект, и Килиановская казарма. Там, между прочим, идут бои. С участием танков. Танки возвращаются сюда, к нам, — пополнять боезапас, менять экипажи, дать им отдохнуть. А наша задача — время от времени беспокоить их. Есть у нас удобные позиции — за трубой и в нише чердачного окна. А уж если по нас начинают лупить так, что не вмоготу, тогда мы стучим в крышку люка — и через миг мы в укрытии.

Лаци умолк и чуть заметно улыбнулся.

— Хочешь ликера? — спросил он, наклонив набок голову. — Или, может, водки желаете или коньяку?

Он сидел, расставив ноги в высоком кресле, почти утонув в нем, и курил, стараясь и жестами и мимикой показать, что он это делает, как заправский, взрослый курильщик.

— В свободное время мы тут великие пиршества устраиваем. В баре у хозяев кое-что из спиртного осталось. А Денешу, тому и коньяк под силу. Да и Павиачу тоже. Вчера Йошка совсем упился. Мы даже перепугались: а вдруг заявится «шеф» и увидит его в таком виде? Но Денеш его быстренько спать уложил. Денеш самый старший из нас. Ему ведь почти восемнадцать. Он у «шефа» в заместителях. Если сюда кто-то забредет ненароком, мы прячемся или, еще проще, лезем на крышу. А Денеш остается в квартире, потому что соседи знают его как племянника нашего «шефа». А вообще он смелый малый. Когда доходит до дела, он кричит: «Давай!» — и прет напролом. Его мы так и зовем «Давай-Денеш».

«Племянник» «шефа» спросил:

— «Шеф» тебя еще не приводил к присяге?

— Нет. Мы вообще с ним только парой слов перемолвились.

— Ну да, — кивнул он. — Ему некогда, это точно. А может, поодиночке он ни у кого и не принимает присягу. Нас он сразу заставил, как только мы узнали, что нам делать, какая у нас задача.

Я слушал его молча и думал о том, что мне следовало бы над всем этим хорошенько подумать да разобраться. Что-то меня неприятно задело во всем этом. Но обдумывать было некогда: ребята уже

разыскали какую-то снедь в кладовке, и с кухни вкусно запахло. Миг спустя они торжественно внесли в столовую приготовленный из консервов гуляш. Нашли они и банку с маринованными огурцами и вдоволь хлеба. Больше всего я удивился, когда цыганенок Павиач притащил и поставил на стол бутылку с изящным длинным горлышком. Еще никогда я не пил такого вкусного вина. Прохладного, мягкого, с приятной кислинкой. Йошка страшно разозлился из-за того, что Денеш разрешил каждому не больше одного глотка. А тот, уже наученный вчерашним случаем, боялся, как бы кто-нибудь снова не наклюкался. Как заместитель «шефа», он строго следил за порядком. Стоило только кому-то загорланить, он сразу же осаживал крикуна, объясняя, что соседи ничегошеньки не должны знать о нашем здесь присутствии. Пришлось нам сидеть и жевать молчком. Черномазый Павиач попытался без разрешения еще разок приложиться к винной посудине. Однако Денеш поднялся и закатил ему хорошую оплеуху. Но Ферко не обиделся на него, скорчил веселую мину и снова приналег на еду. Остальные тоже. Йошка даже вспотел от усердия, а Денеш рукой по локоть залез в банку с маринованными огурцами, вылавливая оттуда последние.

Мы хохотали, цыганенок показывал свое искусство, изобретая ругательства одно заковырестей другого. Йошка, обучавшийся в торговом училище, на чем свет ругал учителя математики. Изобразил его чем-то вроде дикого кабана и даже показал, как тот говорит, как тычет пальцем, вызывая учеников к доске, как смотрит на них, будто проткнуть взглядом готов.

Словом, говорили мы о чем угодно, только не о том, зачем мы здесь и как тут оказались. Все очень хорошо понимали, что надо быть осторожнее. Невысказанная тревога царила в нашей комнате постоянно: и когда Павиач ходил колесом или стоял на голове, а мы смеялись его выкрутасам, и когда Йошка Лампа изображал своего учителя, а Денеш лил в паприкаш уксус из огуречной банки. Эта тревога неотступно ходила за нами по пятам.

Позже Денеш повел меня в самую дальнюю из комнат, задвинул в угол небольшой столик, встал на него и открыл крышку люка, ведущего на чердак. Потом он взобрался наверх и подал руку мне. Один рывок — и я уже на чердаке. Даже со смотровой вышки на горе Янош нет такого отличного обзора. Город спал, уткнувшись в тусклые сумерки, каждый

дом — сам по себе. И на улице — ни души. Редко-редко прошмыгнет одинокая автомашина. А то затопают по тротуару сапоги. Где-то вблизи Юллёйского проспекта — точно не определишь — полыхает костер. Кто-то греется возле него в эту холодную ночь? Тихо. И потому Денеш шепотом говорит мне на ухо:

— На эту ночь указаний не было. Ни нам, ни остальным. — И Денеш рукой очерчивает в воздухе полукруг.

Прежде чем спуститься в нашу замечательную квартиру, я на миг взглянул на небо. До сих пор я всматривался только в то, что на земле. Теперь я увидел высоко-высоко над нашей крышей маленькую серебристую звездочку. Она светила спокойно и ласково.

Как видно, крепкое вино начинало брать свое. Я ведь не привык к вину, да и поесть мне не довелось с самого утра. Так что на голодный желудок для меня и одного глоточка оказалось много. Теперь мне вдруг показалось все таким привычным, словно я уже давно здесь, хорошо знаю этих ребят, квартиру, книжную полку, с которой Лаци Тимко взял какую-то книгу и, улегшись на кушетку, стал читать. А верзила Йошка Лампа прямо в одежде завалился на кровать и уже храпит. Денеш сел играть с Павиачем в карты. Горит только одна неяркая лампа — для настроения.

— Ты ложись, — предлагает мне Денеш. — Можешь спать спокойно. Ночка будет не шумная.

И комната — вместе с пуфиками, с картинами по стенам и резным баром — пускается в медленное кружение. Сдвинув два кресла, я улегся в них и даже вытянулся, насколько позволяло место. Мне уже не хотелось думать ни о ком и ни о чем и было удивительно легко, приятно и весело. И едва голова моя коснулась стенки кресла, как я уже спал.

Проснувшись поутру, я не сразу сообразил, где я. Ребята еще спали, только цыганенок на миг приподнял голову. Я снова задремал и увидел во сне маму. Спорил с ней. Доказывал:

«Так надо, мама, я прямо-таки заболел, пока ты меня взаперти дома держала».

Но тут вдруг громко затрезвонил телефон. Денеш в последний раз громко всхрапнул и проснулся. Спрыгнув с кушетки, он подбежал к аппарату. Звонил «шеф», редко заглядывавший сюда, но не забывавший дать указания по телефону. Выслушав их, Денеш принялся будить

ребят, тут же отдавая приказы. Вот уж никогда не думал, что он такой хороший организатор. И в голову никому не пришло бы не выполнить его распоряжений.

В этот день он послал в город Йошку и цыганенка — расклеивать воззвания. А мы вдвоем с Тимко вылезли на крышу.

Мы лежали на краю крыши и смотрели вниз, на развороченную брусчатую мостовую, на утонувший в осеннем тумане город.

А в голове моей роились мысли, будто пчелы. И, как всегда, волнуясь, я грыз ногти. Надо бы все же разобраться, повторял я сам себе, почему я здесь?

— Но я все равно не могу стрелять в людей! — вслух сказал я сам себе и тут же испугался собственного голоса: ведь я был не один.

Лаци покачал головой.

— Больно уж ты интеллигентный, — заметил он, словно я обратил свои слова к нему. — Ничего, скоро сам поймешь, какой ты смешной. Или ты смерти боишься?

Я удивленно посмотрел на него. Он лежал рядом — тоненький, с девичьим нежным личиком, настолько хрупкий, что ему не дашь и четырнадцати. Он ответил взглядом на мой взгляд, откинул со лба прядь прямых белокурых волос и, улыбнувшись, спросил:

— Думаешь, такая уж она страшная? — И пренебрежительно махнул рукой: — Ни черта подобного!

Однако губы его, как мне почудилось, слегка подрагивали.

— Я над этим еще никогда не задумывался, — честно признался я. — Мне как-то в голову не приходило.

— А я думал. И не раз, — прошептал он и отвернулся от меня.

И голос его долго потом еще звучал у меня в ушах.

Но долго раздумывать мне над его словами не пришлось: откуда-то ударили автоматы, наверное, с соседней крыши. Сперва слева, потом справа и, наконец, с крыши напротив. И такая тут началась катавасия, что у меня чуть барабанные перепонки не полопались. Не успел я как следует осмотреться, как к нам подполз Денеш и скомандовал:

— Давай!

Солдаты, стоявшие возле танков, кто вскочил в люки, кто упал на землю. Из окружающих улиц выбежали другие, с носилками в руках. Затем сокрушительный взрыв сотряс весь наш дом. Казалось, он вот-

вот развалится. Мы ползком заспешили по крыше к дымоходной трубе, а Денеш, очутившись рядом со мной, крикнул:

— Давай! Наша очередь!

Я нажал на спусковой крючок, и вместе с ударом выстрела громче застучало сердце.

Нет, веселого в этом было мало. Все вокруг грохотало, дребезжали стекла в окнах, сыпалась штукатурка, скрипел, вздрагивая, дом. Я уже ничего не слышал и не видел, сердце билось, словно обезумев, и все внутренности будто выворачивало.

«Конец всему, — подумал я, — сейчас весь мир полетит в тартарары».

Не знаю, сколько времени весь этот ужас продолжался и сколько мы просидели, прижавшись, будто мыши, к дымоходу. Потом вдруг наступила тишина. А Денеш отдал приказ: ползком в укрытие и через люк — в квартиру.

Нет, я не перепугался. Я просто очень устал, у меня гудела голова, и я едва был в состоянии двигаться. Денеш велел нам отправиться в ванную: смывать с себя пыль, копоть, пятна известки, потому что перемазаны мы были с головы до пят. Едва держась на ногах, я поливал себя водой и дивился хрупкому Лаци, сохранявшему ледяное спокойствие, словно ничего не случилось и мы просто вернулись с воскресной прогулки. Не потерял он ни на миг самообладания и тогда, когда по коридору затопали сапоги.

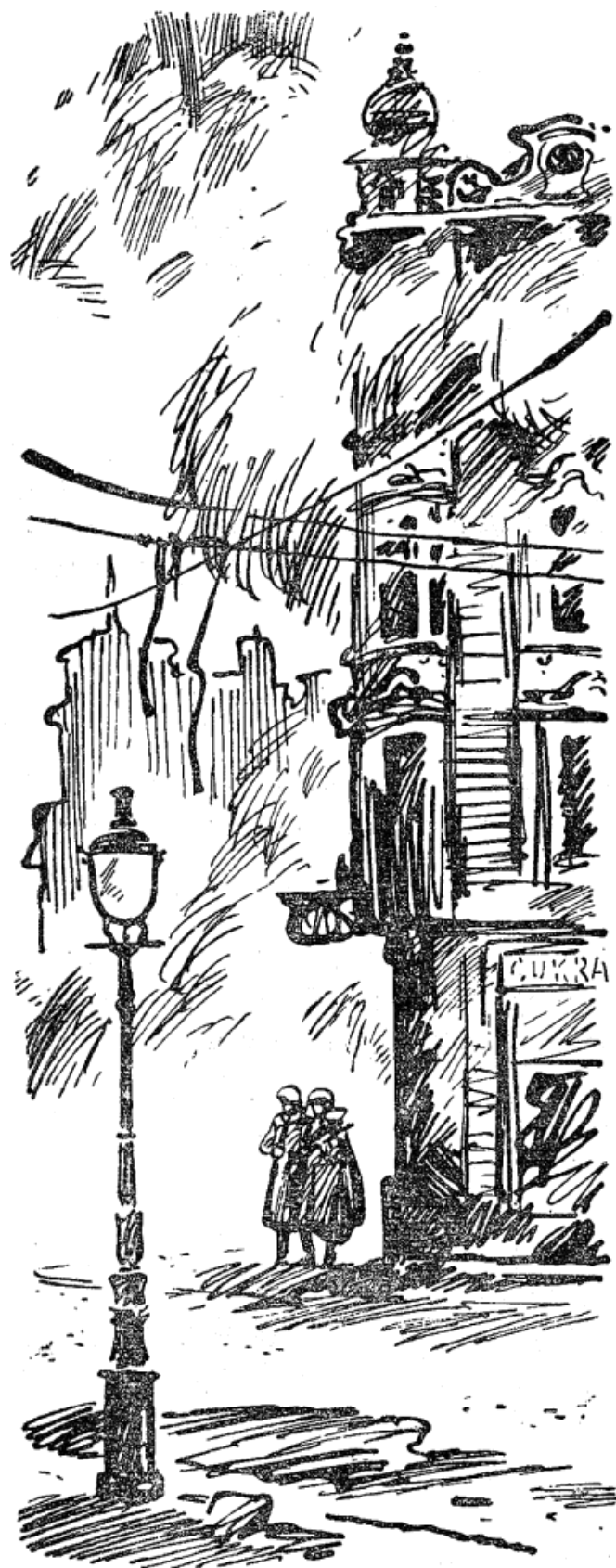
Словом, не успели мы перевести дух, как нам опять пришлось лезть на крышу. И вот мы снова сидим, прижавшись к дымоходу. В голове у меня пусто, и я — неизвестно зачем — всматриваюсь в слепые глазницы выбитых окон в домах напротив.

Наконец снизу постучали, и, откинув крышку в люке, показался Денеш. Он был взволнован.

— Давайте вниз. Только без шума. Солдаты сейчас наверняка по крышам начнут шарить. У нас считанные минуты.

Мы все взмокли, торопясь уничтожить следы. Едва успели. Миг — и по крыше уже загрохали сапоги.

— Венгерские солдатики! — зашептал Денеш. — Прочесывают дом сверху донизу. Хорошо еще, дворник болеет, лежит в больнице. А жена его не знает про этот лаз на чердаке. Его совсем недавно сделали Кубичеки. По специальному разрешению.

Над нашими головами еще некоторое время слышались шаги, потом они отгремели в коридоре и смолкли. Выглянув в окно в передней, я видел уходивших солдат. Рослые ребята с прямым, смелым взглядом. На лицах у них было разочарование: они так никого и не нашли.

«Что-то их ждет? — размышлял я. — А все же наша взяла».

Я облегченно вздохнул.

«Теперь надо бы радоваться, — думал я. — Почему же мне тогда не радостно?»

Это все было перед обедом, и Лаци только и знал, что повторял: «Есть хочется! Хорошо бы сейчас пожрать!»

И мы действительно не ели, а жрали. Жадно, торопливо. Тем временем вернулся Йошка Лампа — тоже изрядно проголодавшийся, и, хвастаясь, начал рассказывать о своих похождениях.

Улицы кишели людьми, будто в ярмарочные дни. Пойди разбери: кто твой друг, кто — враг, а кто в тебя пулю пустит.

— Боятся люди, — заметил Лаци. — Присмотрись, какие все напуганные. Боятся, и никто ни черта не понимает. Ходят, глазеют, выжидают, чем все это кончится. И помалкивают. Забавно, а?

В конце концов мы очутились вблизи моего дома. И меня вдруг охватил стыд, а сердце больно-больно заныло. Там, дома, ждет и волнуется за нас мама. А я вот болтаюсь по улицам и воображаю, будто я всех умнее. Чувство такое, словно я накануне напился пьяный и только сейчас начинаю трезветь. Больше я уже не казался себе героем Пешта. Какой-то внутренний голос шептал мне: шел бы ты, Андриш, лучше домой. Так будет лучше. Но что скажут тогда Лаци и другие ребята? Сдрейфил, к мамочке удрал, трусливый сверчок! Нет, уж коли взялся за гуж, не говори, что не дюж! Кровь из носа, а начатое нужно доводить до конца. Я достал из-за пазухи листовку и быстро-быстро нацарапал на обороте: «Дорогая мама, я — в порядке, за меня не беспокойся. Скоро вернусь».

Я сунул в руки Лаци свое послание.

— Забеги ко мне домой, брось в почтовый ящик, позвони в квартиру и смывайся. Пока дверь не успели открыть!

Уже вечерело, когда мы вернулись на улицу Пратер. В нашем «пансионе» царило теперь не слишком-то веселое настроение.

Развлекались тем, что фантазировали, кто как представляет себе свое будущее. Помню, толстомордый Йошка заявил: теперь он и на километр не подойдет к своему торговому училищу. До сих пор его силой заставляли там учиться. Но теперь с этим покончено.

Павиач, прищелкнув пальцами, сверкая глазами, воскликнул:

— Вот посмотрите, каким знаменитым музыкантом я скоро стану!

А Денеш после долгого раздумья признался, что выбирает себе политическую карьеру. И только я ничего не сказал: мне было просто стыдно. Молчал и Лаци, глядя своими синими задумчивыми глазами куда-то вдаль. Он казался старше нас всех. Кто-то сказал, что когда Лаци смотрит вот так, слегка наклонив голову набок, он напоминает настороженную серну. Тут мы сразу принялись давать друг другу звериные прозвища. Павиач стал Лисой, Денеш — Лохматым Волком, Йошка Лампа — Зубром, а я, конечно, Ежиком. Из-за своих торчащих, как щетина, волос, продолговатого лица и носа пяточком. Наконец мечтать нам тоже надоело, и мы засели за карты. Резались до поздней ночи. Прямо за столом и заснули.

А на следующее утро приехал Жаба, наш «шеф». Он привез еще новеньких: конопатого и чуточку косоглазого Аттилу Кулача и крепкого, совсем взрослого на вид Дюлу Кочиша, серьезного кареглазого парня. «Шеф» подозвал к себе и меня и вместе с новичками привел к присяге, о которой Лаци упомянул накануне.

Я наперед знал, о чем он будет говорить, и потому на меня слова присяги и его речь особого впечатления не произвели. «Шеф» смотрел на нас ледяным взглядом, а рот его казался еще шире обычного, когда он принялся, хрустя словами, выплевывать их из себя. Потом он швырнул кожаную куртку и пузатый портфель в кресло. И, плюхнувшись на кушетку, попросил накормить его.

За едой он сообщил, что у него хорошие новости для нас: всю власть правительство Имре Надя передаст в руки полковника Малетера.

— Вы даже не представляете, — хрипло рычал он, — с каким комфортом вы здесь воюете. Вы тут отсиживаетесь, как барчуки, в тепле и безопасности. Смотрите мне, не обленитесь вконец! Хотя бы честно отрабатывайте хлеб и кров, когда дело доходит до драки. Знайте: победа близка, ребята. Но нам еще осталось сделать немало для нее. А потому — проявите стойкость!

Пока он говорил, я вдруг поймал себя на мысли, что мне почему-то противно его лицо. Может, из-за двух золотых коронок в его огромном жабьем рту? Я перевел взгляд на Лаци и увидел, что он тоже старается не смотреть в лицо «шефу». Зато у Аттилы Кулача от волнения даже его веснушки позеленели. Как видно, он боялся «шефа». Глаза у мальчишки стали еще сильнее косить, а сам он постарался спрятаться за мою спину, словно здесь надеялся найти свое спасение. Позднее я узнал, что Кулачу всего четырнадцать лет. Однако он хотел казаться старше и наврал, будто учится уже в средней школе^[6]. Впрочем, вскоре Аттила сам признался в этой невинной лжи: он больше не хотел быть взрослым.

Уже в первый день у нас с ним случилась неприятная история. Едва началась стрельба, как он бросил винтовку и побежал назад к дымоходной трубе. Но «шеф» перехватил его и влепил звонкую затрецину. Аттила пополз по крыше назад, на свое место. Но когда все

закончилось, Аттила поспешно спустился в квартиру и помчался в туалет. После этого с ним долго беседовал Жаба. Он говорил с мальчонкой предельно ласково, но для Аттилы это было похуже оплеухи. Мягким, добрым голосом «шеф» сказал Кулачу, что совсем не в обиде на него, но что здесь не место грудным младенцам и потому Кулач может убираться ко всем чертям. После этого «шеф», добродушно посмеиваясь, похлопал бедного Аттилу по плечу и шутливо щелкнул по лбу. Мы, стоявшие вокруг, тоже засмеялись. А бедняга Кулач сначала что-то невнятно залепетал дрожащими губами, а потом заплакал. Вид у Аттилы был такой жалкий, что «шеф» в конце концов махнул рукой и отвернулся. Он не сказал Кулачу, мол, оставайся, но и не прогонял его.

Так Аттила остался с нами.

Другой новичок, Дюла Кочиш, быстро завоевал уважение к себе. Даже «шеф» почтительно обращался с ним и не раз отзывал его в сторонку, посоветоваться. Прежде его правой рукой, вторым после его заместителя, Денеша, считался Йошка Лампа. А теперь Кочиш даже и Денеша оттеснил на второй план, а Йошка Лампа вообще был не в счет.

Пока с нами был «шеф», работы у нас хватало. «Шеф» не любил, чтобы мы бездельничали. Когда мы собирались все вместе в квартире, он тотчас же принимался наставлять, как беспощадно мы должны ненавидеть врага.

Говорить Жаба умел зажигательно. Одно меня удивляло: он вбивал нам в голову, что все у нас жили бедно, сам же он одет с иголки. На нем была новенькая кожаная куртка, сорочка из натурального шелка, и курил он тоже самые дорогие сигареты.

Если «шеф» был в настроении, он даже шутил с нами и рассказывал смачные анекдоты. Мы тогда покатывались со смеху. Особенно доставалось в его шутках конопатому Кулачу. И хоть мне было жаль беднягу, но, что делать, я даже вынужден был принимать участие в этой потехе над ним. «Шеф» щупал у Кулача мускулы и притворно ужасался, какие они «крепкие». Потом он спрашивал, умеет ли Кулач делать стойку, кувыркаться через голову, и заставлял его подтягиваться на руках. Самое смешное было, когда Жаба предлагал Аттиле правой ногой почесать левое ухо. Аттила тужился, потел, а мы покатывались со смеху. «Шефские» шутки, как правило, заканчивались быстро и неожиданно: он вдруг обрывал разговор на полуслове, бежал

к телефону и вел с кем-то короткие и непонятные для нас беседы. В другой раз Жаба садился и, быстро настрочив какую-то бумагу, прятал ее в портфель и мчался в город. В воскресенье вечером он оставил нас одних, предупредив, что дня два будет отсутствовать и связь с нами будет поддерживать только по телефону.

Мы все облегченно вздохнули, хотя никто не решился бы вслух признаться, что Жаба нам противен и мы боимся его.

Может быть, потому, что Аттила Кулач был намного меньше меня, и в душе я считал его как бы своим младшим братишкой. С этого дня я никому больше не позволял его обижать. Один раз я даже сцепился с Йошкой Лампой из-за него, и, наверное, мы основательно поколотили бы друг друга, если бы нас не растащил Денеш.

И меня и Лаци тянуло к Дюле, но заговорить с ним мы как-то не решались: больно уж он был серьезный и рассудительный. И все, что он делал, — делал с душой, а говорил от чистого сердца, а не просто сотрясая воздух. И хотя он сказал, что ему шестнадцать, ему вполне можно было бы дать все двадцать.

С Денешем мы целый год вместе проработали на одном заводе. И здесь, на улице Пратер, всю неделю живем под одной крышей — а такие дни за целые годы считаются, — и все же коротенький разговор с Дюлой оказался для меня важнее нашей дружбы с Денешем.

Разговорились мы с ним только один раз. Я сказал тогда, как я волнуюсь за свою маму и старшую сестру. Потом рассказал, как очутился здесь: и я хотел и не хотел, будто какой-то непонятной силой меня сюда затащило.

По натуре я человек неразговорчивый и чувства свои словами выражать стыжусь. Дюла оказался первым и единственным в моей жизни человеком, освободившим меня от этой скованности, хотя не произнес при этом ни слова. Слушал и понимающе молчал.

— Моя мама тоже, наверное, дома ждет меня, — сказал он потом тихо. — Стоит у ворот и ждет. Братьев-сестер у меня нет. Отец нас бросил. Так что, кроме меня, и нет у нее никого...

Удивительно он умел рассказывать: будто все наяву перед тобой встает, о чем он говорит. Как только вспомню его рассказы о своей матери, она, как живая, передо мною стоит. Красивая женщина, темно-русые волосы с проседью. С утра и до позднего вечера все ждет, ждет своего сына.

Представьте себе наше удивление, когда к нам, к молодежи, вдруг обратил свою речь по радио австрийский наследный принц. Едва ли, подумал я тогда, принц Габсбург так сразу мог стать нашим лучшим другом. Но Денеш разъяснил мне, что теперь у нас будет такой социализм, который подходит даже и принцам. Я перевел взгляд на Дюлу: что-то он скажет на это? Но он не сказал ничего. Вместо него ответил Лаци Тимко, по обыкновению дернув плечом:

— Откуда тебе-то знать, что следует понимать под социализмом? Может, я и не знаю, но уж то, о чем накануне вечером сказал по радио кардинал Миндсенти^[7], вообще ни к какому социализму не имеет отношения. Как ни верти его слова — и так и эдак.

Уже поползли слухи, что в городе стреляют в коммунистов. У меня опять заныло под ложечкой, и я пошел к Дюле. Обсудить эти новости. Увы, с ним мне поговорить не удалось. Я его просто не узнал: каким сияющим от радости он был в среду и каким подавленным и замкнутым теперь — всего два дня спустя. По поручению «шефа» Дюла часто ходил в город на задания, и с каждым разом возвращался он все более мрачным.

Домой нас не отпустили, и радость маленького Кулача испарилась. «Шеф» позвонил Денешу по телефону, дал указание: всем оставаться на своих местах. И подкинул нам еще работенки: расклеивать воззвания, передавать дальше, по цепочке, какие-то донесения. Вечером в субботу появился и сам, собственной персоной. Голодный как волк. Мы едва успевали подавать ему на стол. Затем, основательно захмелев, ни с того ни с сего сцепился с Дюлой.

— Ничего, — твердил Жаба, — мы этим краснопузым рано или поздно всем удавочку на шею накинem. Двадцать пять партий пусть создают, не возражаю, а вот коммунистов мы снова загоним в подполье! Посидят себе в потемках, как в доброе старое время.

В лице у Дюлы — ни кровинки. Да и мы все, за исключением смуглого Павиача, стояли побледневшие.

В прищуренных глазах «шефа» снова вспыхнул недобрый огонь. Маленький Аттила вцепился в рукав моей куртки. Я почувствовал, как он дрожит всем телом. А во мне все закипело. Если сейчас «шеф» поднимет руку на Дюлу, я брошусь на «шефа». Друга в обиду не дам.

Но «шеф» лишь ощерился в улыбке до ушей, сверкнул золотыми зубами, а мне снова припомнилась его кличка: Жаба.

— Дурачок, — рассмеявшись, сказал он с притворной ласковостью. — Я же пошутил. Шуток не понимаешь?

«Шеф» сел на свое место у стола и принялся жевать хлеб с салом. Но Дюла продолжал стоять возле него. Он будто обдумывал, что делать дальше.

— Ладно, — сказал он в конце концов. — Пожалуй, лучше будет, если я отсюда уйду.

Наступило молчание. Нет, напряжение не миновало. Мы все вдруг почувствовали, что это и есть решительный момент. Если уйдет Дюла, вместе с ним уйдем и мы. И сюда больше никогда не вернемся. Все уйдем. Не только малыш Аттила, который уже весь извелся, тоскуя по дому. «Шеф» прожевал хлеб, стараясь не глядеть на Дюлу, сказал:

— Поступай, парень, как знаешь. Доложу о тебе в штаб. У других, я полагаю, есть на этот счет свое мнение. Кто не струсил, останутся со мной. А у тебя, я вижу, поджилки затряслись.

«Шеф», наверное, ожидал, что мы снова примемся смеяться, как тогда, над конопатым Аттилой. Но на этот раз никто даже не улыбнулся. Вслух мы, правда, сказать ничего не решились, но и по нашим лицам он понял, что все мы — за Дюлу. А Дюла повторил, упрямо сверкнув глазами:

— Что ж, коли так — уйду.

Жаба вдруг вскочил, достал из портфеля сложенный лист бумаги, сунул его в конверт, надписав адрес, сказал:

— Ладно, иди. Но вот это донесение ты еще отнесешь. И вернешься сюда с ответом. Дело важное, а мне некогда. В другом месте меня ждут. Иди, убедись сам, что прав был я, а не ты. Удивляюсь я тебе. Уйти именно теперь, когда мы уже победили? Думаю, что ты еще и сам об этом пожалеешь. Я же не держу здесь ни тебя, ни других. Не хотите — можете убираться. Но это последнее задание ты, надеюсь, выполнишь?

Мы все ждали затаив дыхание, что скажет в ответ Дюла.

— Ладно, задание выполню. Последнее! — сказал он медленно и неохотно.

Мы продолжали прерванный ужин, но про себя каждый из нас решил: оставаться здесь не дольше, чем Дюла.

Понемногу спало и напряжение, но Дюла был по-прежнему задумчив и молчалив. И только малыш Аттила был обеспокоен. К

своему удивлению, я заметил, что по его веснушчатым щекам катятся слезы. Он ведь еще в этот вечер рассчитывал быть дома. А то, что мы остаемся еще на день, повергло его в отчаяние.

В девять вечера Жаба — в кожанке, с неизменным портфелем в руке — удалился. На лестнице он надел себе на рукав повязку с красным крестом, вышел и сел в ожидавшую его небольшую машину — тоже замаскированную красными крестами на дверцах под санитарную.

Как видно, у малыша Аттилы нервный шок. Всю ночь его знобило, он бредил, беспокойно вертелся и плакал во сне. В конце концов Денеш уступил ему место на диване. Укутали мальчонку потеплее, я лег с ним рядом, чтобы он во сне не скатился на пол.

Я тоже плохо спал. Только задремлю, Аттилу снова начинает колотить лихорадка. К утру жар у него начал спадать. Я уже повернулся на бок и зарылся головой в подушку. Решил, что до обеда и не проснусь. Но тут вдруг отчаянно затрезвонил телефон. Денеш вскочил, снял трубку, что-то пробормотал сначала себе под нос, потом более внятно: «Ясно. Есть. Будет сделано». Положив трубку, он уселся в кресло и принялся пальцами ерошить свою гриву, чтобы окончательно проснуться. Поднялся с дивана я, начали вставать и другие, спавшие кто в креслах, кто на кровати, кто на полу. Только мой конопатый Кулач спал на диване как убитый.

— Подъем! — скомандовал усталым голосом лохматый, как барсук, Денеш.

Он уже окончательно проснулся. Но в его бесцветном голосе звучали разочарование и усталость. Да и все остальные ребята тоже сидели измотанные, вялые.

Быстрее всех привел себя в порядок Дюла. Встал, подошел к окну. Начинало светать. За окном молчала предутренняя тишина. Я подошел к Дюле и несмело положил ему на плечо руку. Он, не оборачиваясь, вполголоса, почти шепотом, сказал:

— Два дня назад, вот так же поутру, я был в Лёринце^[8]. Наши осадили здание райкома. Вдруг среди наших пронесся слух, что к осажденным подходят подкрепления. Наши на всякий случай залегли, притихли. Подходят грузовики. Один, другой, третий. С них спрыгивают венгерские солдаты. Наши по ним — из автоматов. Место открытое, все как на ладони, ну и покосили их... А кто из них живым остался, тех уже еще добивали. Выстрелами в упор. А уж потом шуток пустили: мол, это русские их. Что там было, ты себе представить не можешь... Как наши раненых венгерских солдат добивали... Там фабрика одна есть, «Атра». Или что-то в этом роде. Я на углу стоял, вдруг вижу: один из солдат к стене дома прижался, от пули прячется.

Смог как-то выбраться из-под огня и поползти до утла. Да что толку-то. Поставят его наши сейчас к этой самой стене. Гимнастерка-то на нем военная — выдает. А он меня тоже заметил. Взглянули мы друг на друга. «Парень, — просит солдат, — помоги!» В двух шагах и был-то он от меня. Подошел к нему. Набросил на него свое пальто, повел назад, к фабрике. Прошли мы с ним через ворота. Открыты были... А там, в подвале, сами рабочие еще двоих венгерских солдат укрывают. Одежду принесли им гражданскую. А гимнастерки их и ботинки солдатские спрятали...

В комнате было тихо. Медленно, неторопливо занималось утро. Слышалось только мирное, беззаботное посапывание маленького Аттилы. Что он может знать о думах Дюлы, о том, в какой мы все растерянности? Спит, наверное, и видит во сне свою мамочку. И не знает, что в этот момент она так далеко, как еще никогда в его жизни.

— Пошли на крышу. Нужно посмотреть, что там делается, — сказал Денеш.

Мы снова лежим на краю плоской крыши.

Быстро светает. И вдруг сквозь редящийся туман мы видим танки, с громоханием мчащиеся по Большому Кольцу. Их много, очень много. Я опустил винтовку и повернулся к ребятам.

— Ну, а теперь что мы будем делать?

— «Шеф» приказал держаться до последнего патрона, — пожал плечами, отвечал Денеш. — Скоро и нас будет много. Запад встанет за нас. Вот тогда и увидим: кто истинный патриот, настоящий венгр.

Слушая его, я подумал о тех венгерских солдатах, о которых мне только что рассказал Дюла.

Мы лежали и молчали. Никто из нас не знал, что делать дальше. Танки подходили все ближе, не встречая сопротивления. В них не стреляли, они тоже. А я слышал, как стучит мое сердце.

Я смотрел на Дюлу и видел, что он в нерешительности. Денеш уже в который раз пытался отдать какой-то приказ, но у него вдруг пропал голос. Что это с ним?

И вдруг снизу, из квартиры, донесся разъяренный голос «шефа»:

— А вы чего ждете, жалкие трусы?

У него было бурое, как свекла, перекошенное злобой лицо.

— Давай, ребята! — завопил и Денеш.

Мы все принялись палить. Трескотня стояла такая, словно медведь шел по лесу и крушил валежник. Вскоре мы забыли о том, что мы — люди. Мы уже превратились в некое подобие роботов. Клубился дым, смешиваясь с облаком взбитой пыли, рвались снаряды, разбрасывая вокруг тысячи осколков, ударные волны подбрасывали нас вверх. Нам казалось порой, что весь дом под нами вот-вот завалится и рухнет. Это просто удивительно, что мы все еще были целы и невредимы.

— Ползком, в укрытие! — скомандовал Денеш.

В этот момент мы заметили, что маленький Аттила тоже лежит рядом с нами на крыше дома.

— А ты как здесь очутился? — прошипел сквозь зубы я.

— Жаба пришел, — клацая от страха зубами, отвечал тот. — Он и меня тоже сюда погнал.

«Шеф» расположился в квартире. Он сидел у телефона, беспрерывно звонил, с кем-то подолгу разговаривал. По-венгерски, по-немецки и, кажется, по-французски. Точно не знаю, на каком он еще языке болтал, но заметно было, что чем-то он сильно взволнован.

Мы заявили в квартиру. Глаза, рот у всех забиты известковой пылью. Все оглохли от грохота. А он посиживает себе в кресле у телефончика, разговоры разговаривает. И беднягу Аттилу зачем-то погнал на крышу.

— Ну и подлюга ты, Жаба, — сквозь зубы процедил я себе под нос.

Но все же Лаци услышал мои слова и подтвердил:

— Это точно. Подлец!

В тот вечер и наутро у нас были ссоры. Первым начал Денеш:

— Не вижу никакого смысла продолжать!

— А ежели вы такой герой и великий венгр, пойдемте с нами, — предложил Жабе Йошка Лампа. Подойдя вплотную к «шефу», он встал перед ним, широко расставив ноги.

И вдруг в его глубоко запятанных глазках мелькнул страх. На него в упор смотрел пистолет, который быстрым движением Жаба выхватил из кармана и наставил на Йошку.

— А ну, мальчик, назад!

Йошка как-то сразу сжался, сделавшись на голову меньше ростом, и попятился. Жаба убрал пистолет в карман.

— Молокососы! — выругался он. — Трусливые щенки. Чуть их прижали, они уже в кусты. Да какое значение имеет сейчас один дом, десять домов или даже половина города? Пусть даже все улицы будут доверху завалены убитыми!

Ему хотелось сбить нас с толку, и это ему удалось. Мы в смущении стояли вокруг и поглядывали на Дюлу, выжидая, что скажет он. Но Дюла молчал. Зато «шеф» все говорил и говорил.

— Командир и хочет, да не всегда может идти в цепи. Но я обещаю быть рядом с вами. Покажу вам, как должен держаться в бою настоящий мужчина! Патронов у нас достаточно, я привез. На целую неделю хватит!

Напряженность спала. Толстяк Йошка заулыбался, подмигнул нам, как бы желая сказать: вот это другое дело! Видно было, что он хотел

загладить свою грубость по отношению к «шефу». Но тот, казалось, и не собирался сердиться. Он даже принялся хвалить нас.

После этого мы вместе с «шефом» позавтракали, послушали заграничные радиостанции, потом выбрались на крышу. На улицах опять началась кутерьма. Однако «шеф» и на этот раз не полез на крышу. Сказал, что сегодня ему некогда: много других срочных дел.

А вечером он вновь долго объяснял нам, что мы обязательно победим, если проявим героизм. Поддержка из-за границы, уверял он, обязательно придет. Потом он рассказывал о своих военных похождениях. Надо сказать, что рассказывать он умел так, что дух захватывало. За разговором выпили. Больше, чем обычно. После этого «шеф» показал нам несколько боевых приемов дзю-до на Йошке Лампе. Сперва я подумал, что он выбрал себе в «противники» толстяка Йошку, как самого сильного из нас. Но когда он несколько раз вывернул ему руку за спину, так что у бедняги от боли слезы брызнули из глаз, я начал подозревать, что Жаба все же не простил давешнюю грубость. Я заметил у «шефа» в глазах тот прежний, дьявольский огонек, и мне стало жутковато. А какой он вежливый сейчас, думал я. Как вспомнишь, что еще утром он угрожал нам пистолетом, удивишься. Вообще с того момента, когда он начал ссору с Дюлой, меня не покидало чувство, что он всех нас люто ненавидит. Поэтому, ложась спать, я шепотом спросил Ласло:

— Послушай, Лаци, ты веришь ему?

И глазами показал на «шефа».

Мой маленький белобрысый приятель неопределенно пожал плечами.

После полудня «шеф» приказал лезть на крышу. Он был бледен, и на лице было выражение отчаянной решимости.

Один за другим мы вылезли на крышу и, крадучись, поползли к ее краю.

— Давай, ребята! — командовал Денеш. — Давай!

С нетерпением мы ждали, когда рядом послышится голос «шефа», когда он сам появится на крыше, даст нам указания, какие-то советы. Но Жаба не появлялся, и никто больше и не видел его после того, как мы выбрались через люк.

Положение наше с каждой минутой ухудшалось. На какое-то время мы забыли не только о «шефе», а вообще обо всем.

Поползли назад, к дымоходной трубе. А оттуда, уже совсем потеряв голову, — к люку. Нам показалось, что дом получил прямое попадание и вот-вот рухнет: так он шатался, а с ним вместе ходила ходуном и крыша. И тут-то нас ожидал страшный сюрприз. Крышка люка была заперта изнутри, из квартиры. Как мы ни силились, как ни старались ее открыть, она не поддавалась.

— На задвижку изнутри заперта, — сказал толстый Йошка.

Мы топали по крыше люка ногами, потом бросили это бесполезное занятие и улеглись ничком на крышу, стараясь как можно плотнее прижаться к кирпичной кладке дымохода. Если бы кто-то находился в квартире, то наверняка услышал бы, что мы просим открыть люк. Услышал бы — при желании. А если нет такого желания?

«Шеф» не поднялся с нами на крышу, «шеф» остался внизу. А может быть, его уже и нет там? Уехал, а нас запер на крыше?

На улице продолжали стрелять, и мы не могли долго возиться с крышкой люка. Пришлось спрятаться за трубой, всем вместе, прижавшись друг к другу как можно теснее. Добрых полчаса мы даже шевельнуться не смели, так что время поразмыслить у нас было. Значит, бежал, бросив нас, негодяй! Предал! Мы готовы были плакать от обиды, потом кто-то вслух подумал: вдруг он нас проверяет на прочность? А может, ему спешно пришлось оставить квартиру, и он просто забыл, что запер изнутри люк на задвижку? Может, когда обстрел утихнет, мы попытаем счастья снова, и крышка откроется без всякого усилия...

У меня перед глазами прыгали, вертелись огненные круги, я чувствовал, что вот-вот потеряю сознание, и почти ничего не видел. Страшно мучила жажда. Не знаю, сколько времени это все продолжалось. Мы уже все лежали вокруг люка, но всё ждали: никто не решался притронуться к крышке первым и попытаться открыть ее. Надежда, что теперь она откроется, не покидала нас, и мы так боялись обмануться в ней. В конце концов Павиач протянул руку, робкую, дрожащую, и надавил на крышку, сперва чуть-чуть, затем сильнее и, в конце концов, яростно. Я видел, как гнев перекашивал лица ребят. Теперь все уже начинали понимать: люк закрыт и не откроется вообще.

До вечера мы лазили по всей крыше, искали хоть какой-нибудь лаз на чердак. Но все двери, ведущие с чердаков на крышу, были заперты. Изучали мы и дымоход: насколько широко его отверстие и можно ли по нему спуститься вниз. Но и этот путь, как выяснилось, не подходил для нас. Осмотрели карниз крыши: может, где есть пожарная лестница или хотя бы возможность спуститься вниз по вбитым кое-где в стену костылям, а затем незаметно пробраться в дом. Но возможность была и здесь только одна — сломать себе шею. Дом высокий: смотришь сверху — мороз по коже подирает.

Можно было бы попробовать добраться по стене до разбитых окон нашей квартиры. Но, как назло, стена была гладкая, без единого выступа. А там, где вдоль стен шла галерея, она была ниже крыши почти на три метра. Ясно было, что мы угодили в западню и у нас нет

другого выхода, как вступить в состязание с высотой. Мы смотрели один на другого, но никто не решался и не хотел уговаривать другого.

— Потерпите, ребята, — сказал Денеш. — Не надо терять голову, только и всего. Люк закрыт. Но, может, через полчаса или через час его снова откроют. А прыгать или ползти вниз — слишком рискованно. Оставим это на самый крайний случай. Вот увидите, «шеф» скоро придет. Не бросил же он нас в беде.

Упоминание о «шефе» вызвало у всех возмущение.

— Подлец! Негодяй! — слышались возгласы ребят.

А я добавил:

— Жаба!

— Это точно! Жаба и есть! — повторил Йошка Лампа. — Человеческого в нем и капли нет! Люк он нарочно запер. А сам — кто знает, где он теперь. Плевать ему на нас!

Быстро смеркалось. Будто черным пологом задернуло небо. Кое-где тускло, подслеповато заморгали уцелевшие уличные фонари.

— Есть хочется, — состроив потешную гримасу, простонал Павиач.

— Скоро уж к вечерне зазвонят. А у меня живот к спине прирос. Сегодня был для нас страстной вторник, потом среда наступит — тоже страстная, а там жди и страстного четверга.

— Да заткнись ты! — прикрикнул на него толстяк Йошка. — Ты что же вообразил, что мы тут три дня торчать будем? Найдем какой-нибудь способ слезть вниз. Это уж точно. А есть хочется — откуси краюшку неба и жуй! Другого ничего нет. Мы тоже его жуем, воздухом запиваем...

Не знаю, что имел в виду Йошка, говоря: «Найдем способ». У каждого из нас была своя фантастическая идея, казавшаяся на первый взгляд элементарно простой для осуществления. Но уже в следующее мгновение мы знали, что все они неосуществимы. И потому мы лежали возле дымохода, время от времени подползая к люку посмотреть: не поддается ли крышка? Потом уже просто по привычке толкали крышку, потеряв надежду еще сегодня попасть в квартиру. Стали устраиваться ночевать на крыше.

Сначала дул холодный ветер, а когда он утих, заморосил дождь. Мы забрались под брезент, которым раньше мы накрывали оружие. Легли, тесно прижавшись друг к другу, и поглядывали на небо. Оно

было совершенно черным. А я все искал на небе свою звезду, ту мою красивую, серебристую точку, что полюбила меня, успокоила меня в самый первый вечер на крыше. Где-то ты прячешься сейчас, скрываешься за черными тучами?

Рядом со мной лежал конопатый Аттила и так же, как я, смотрел в черное небо. По его плотно сжатым губам и очень серьезному лицу было видно, что он твердо решил не плакать, не хныкать, не жаловаться. Наверное, тот вечер, когда ему очень хотелось домой, к маме, был для него переломным. Трудности закалили его, и теперь в общей для всех нас беде он держался по-настоящему молодцом. Зато всех хуже было Йошке: он беспрестанно ворочался, стонал и гневно скрежетал зубами. У Дюлы же лицо было окаменелое, ничего не выражавшее, глаза тоже сделались большими и пустыми, а сам он упорно молчал. Мне хотелось как-нибудь утешить его, но что я мог сказать ему?

Вдруг Денет сказал:

— А что будет с нами? Допустим, отсюда мы еще выберемся. А потом? Жить в постоянном страхе? Мы же с оружием в руках... И не сдали его. Не послушались призывов. Нет, только бы мне на булыжную мостовую спуститься, а там уж я погляжу, где поближе граница. Как вы думаете, куда девался Жаба? Может быть, его «санитарная» машина уже мчится в сторону Вены? А?

Аттила, лежавший рядом со мной, повернул ко мне лицо. Словно хотел спросить: «Неужели и я так думаю? Неужели и для меня ничего не значит родина?»

Но неожиданно заговорил Лаци, лежавший тоже рядом со мной, только с другого бока:

— А я не буду спасать свою шкуру. Зачем? Вам этого не понять. Вы все здоровые. А мне врачи уже давно объявили смертный приговор. Залихорадит с утра, а я уже думаю: ну вот она, костлявая, пришла, стучится в дверь. Нет, вам это чувство не знакомо! Мама и папа мне ни в чем не отказывали, потому что знали: не жилец я на этом свете. Десять форинтов на карманные расходы мне давали. А попроси я хоть автомашину — и ту, наверное, купили бы. Какая-то опухоль у меня в голове. Вырезать — опасно. Так что остается ждать, когда я сам по себе... Это как по огненной лаве брести. Сидишь дома за уроками, ходишь в школу, круглый отличник, ешь, спишь, играешь, как все

другие дети, и вдруг новый приступ. Мама пеленает тебя в мокрое полотенце, а ты дрожишь от страха. Ничего не болит, один только страх... И сплю спокойно, и даже сны вижу. Мне хочется видеть красивые, светлые, чистые сны...

— ...Подонок ты. Вот с кем я связался! Борцы за правое дело — ты и Жаба...

Мы пытались растащить их, потому что жирный Йошка, считавший себя силачом, уже всерьез начинал задыхаться. А Дюла так разъярился, что совсем потерял рассудок. Даже когда он снова лежал на своем месте под брезентом, он все равно повторял, тяжело дыша, словно под грузной ношей: «Банда, мы и есть банда!»

— Давно уж по домам надо было нам податься! — выкрикнул вдруг лежавший подле меня Аттила, сел и, обращаясь к Дюле, затараторил: — Когда ты в субботу схватился с Жабой. Вот тогда, сразу после этого, надо было и уходить. Я так и знал: плохо для нас это дело кончится, если мы вовремя не уйдем!

Насилу удалось его успокоить. Я боялся, как бы с ним опять не начался нервный припадок. Он уже весь дрожал.

— Завтра будет полный о'кэй, — уговаривал его я. — Жаба хоть и темная личность, но просто так он нас здесь не бросит. А не вернется, ну и черт с ним! Выберемся отсюда и сами. Переползем как-нибудь на соседнюю крышу или позовем кого-нибудь из дома на помощь. Придумаем какое-то объяснение.

Я говорил, успокаивая малыша, хотя сам не верил своим словам. Просто хотел, чтобы страсти улеглись. Ребята притихли, но в голове каждый строил, наверное, самые фантастические планы. Мало-помалу успокоился и мой конопатый Аттила. В конце концов он зашептал мне на ухо:

— Домой вернемся, что делать будешь? За что примешься?

Я задумался, не зная, что ему ответить. На ум пришел наш цех, недоделанная работа, недоигранная партия в шахматы. И вдруг в моем воображении возник старый дядя Шандор и те самые слова, что он сказал мне на прощание: «Будь осторожен, сынок. Гляди не впутайся в какую-нибудь историю!»

«Как же я теперь туда вернусь? — думал я. — Как снова начну работать? Все пропало».

— Что будешь дома-то делать, как вернешься? — с ожиданием и надеждой повторил Аттила.

— Тихо-тихо буду сидеть, — в конце концов ответил я ему. — Как мышка.

Конопатый малыш не понял или не хотел понять. Он, наверное, в мыслях уже видел себя в бакалейном магазине и выбирал себе что повкуснее. Он лежал зажав глаза и шептал:

— А я буду счастливым-счастливым!

К полуночи ветер подул сильнее, холод стал покрепче пробирать нас. Мы теснее прижались друг к другу, так плотно, что слышно было, как стучат наши сердца: у соседа справа — Лаци Тимко и у соседа слева — раскосого Аттилы. Как мне было их жалко в эти часы, как я их любил! Бедные мои братья по несчастью. Наверное, и самого себя мне тоже было жалко. А ночь была такой черной и нескончаемой, и маленькая, ласковая серебряная звездочка, казалось, исчезла навсегда.

Никогда не думал, что ночь такая длинная. Я долго не мог заснуть, слышал, как ворочаются и сопят во сне ребята. На Йошку снова нашло ругательное настроение, и он принялся крыть на чем свет стоит Жабу, призывая на его голову все проклятия. Кто-то храпел. Цыганенок во сне как-то странно отрывисто порывивал, словно превратился в собачонку. А конопатый Аттила вцепился в мою руку и так и спал, не выпуская ее. Наверное, ему снилось что-нибудь страшное. В конце концов и я задремал. Проснулся, когда уже начинал брезжить рассвет. Наступила страстная среда.

Рассвет был туманным и холодным, и мы так дрожали, что зуб на зуб не попадал. Денеш пополз посмотреть, что там с люком. Мы даже не стали смотреть ему вслед. Немного погодя он приполз обратно и сказал, что крышка по-прежнему заперта.

— Я так и знал, — пробурчал Йошка.

Ферко Павиача занимала теперь только еда: он был голоден как волк. А меня беспрестанно мучила жажда. Одна надежда: как только пойдет снова дождь, открывай рот, и все в порядке.

— Андриш, — прошептал Аттила, — у меня очень голова кружится.

Я посмотрел на него. Он был очень бледный, почти зеленый. Впрочем, у остальных вид был не лучше.

— Не трусь, старик, — успокоил я его. — Сейчас что-нибудь придумаем.

Мы подползли к краю крыши посмотреть на улицу: вдруг внизу увидим кого-нибудь, кто поможет нам. Но казалось, мы были совершенно одни в целом городе: крыша напротив пуста, окна отовсюду смотрели на нас чернотой. Мы еще раз пристально осмотрели местность, подобно тому, как иной раз снова и снова выворачиваешь карманы в надежде найти запропавшую авторучку, хотя отлично знаешь, что она уже безвозвратно потеряна. Мы совещались, спорили и не приходили ни к какому решению.

— Погодите, может, еще Жаба придет, — неуверенно проговорил Денеш. — К обеду. Давайте подождем до обеда. Поспим. Все равно ночью плохо спали. По крайней мере — я. Обессилел совсем.

Это с голодухи, — объяснил Лаци. — И чем дольше будем ждать, тем больше ослабеем. Попробовать надо было сделать одно гимнастическое упражнение. Вечером нужно было, пока было темно. Но и сейчас со стороны двора еще можно попытаться. Улучить момент, когда никого на галерее не будет. Давайте, ребята, я рискну. Как-никак в классе я лучший гимнаст был. И я не боюсь. Честное слово, ни капли.

Я взглянул на него и покачал головой.

— Нет, не пойдет. Почему именно ты? Ты ничем не ловчее нас. Давайте тогда уж жребий тянуть. Кто вытянет, тому и идти. Аттила не в счет, он еще маленький. Вместо него два жребия на меня напишем!

Мы еще раз осмотрели двор. Вдоль всей стены дома тянулась галерея — балкон, но было почти невыносимо, прыгнув сверху, угодить на нее: слишком далеко она от края крыши. Такой прыжок под силу только цирковому артисту. И пробовать нечего: сломаешь голову, и только. Переползли на сторону дома, выходящую на улицу. Там мне все же удалось высмотреть один уступчик, откуда дальше вниз уже совсем было бы просто слезть.

— Видите, вон там, над чердачным окном! — сказал я. — Окно находится как раз под ним на длину человеческого роста. На уступчик можно ногами встать. Потом идет в крыше выступ — метра в полтора. Здесь можно передохнуть — и дальше. А там: отпускаешь руки, прыгаешь и оказываешься прямо на балконе. Ну, а дальше — как повезет. Рассказываешь хозяевам какую-нибудь байку, выбираешься на галерею,ходишь в нашу квартиру и открываешь снизу крышку люка.

Все с напряженным вниманием выслушали мой план, молча осмотрели стену дома. План показался всем вполне приемлемым. Начали добавлять к нему разные предложения, совершенствовать. Йошка только поставил обязательным условием: осуществлять этот план вечером, в темноте, тогда будет не так рискованно.

— Ну что, парни, давайте тянуть жребий? — слышался нетерпеливый голос Денеша.

У меня была в кармане записная книжка. Лаци нашел у себя в куртке карандаш. Писать жребии поручили конопатому Кулачу, как самому младшему. Ему и тянуть. Когда очередь дошла до моего имени, он заупрямился, не захотел писать его на двух бумажках. Я тоже не уступал и в споре так схватил его за руку, что у бедняги слезы брызнули из глаз.

Времени тянуть жребий у нас было предостаточно. Хотя мучили и голод и нетерпение. В полдень еще раз попытались открыть крышку люка. Разумеется, она и на этот раз не поддавалась. Тогда мы бросили скомканные бумажки в кепку Кулача и хорошенько потрясли ее.

— А теперь тяни! — приказал мальчонке Денеш. — Не раздумывай, первую хватай, какая в руку попадет.

Но вытащил он не мою бумажку, хотя шансов у меня на это было, понятно, больше, чем у остальных. Вытянул бумажку Йошки Лампы. Йошка дернул плечом, ухмыльнулся, хотя лицо у него теперь было бледнее, чем у Кулача, когда тот тряс бумажки в своей кепке. В его глубоко упрятанных поросячьих глазках светилось беспокойство. Но он все равно старался держаться храбрецом.

— Мне это раз плюнуть. Я бы хоть сейчас пошел, — хвастался он.

На наше счастье, начал подниматься туман, и мы надеялись сделать дело сразу же после полудня. Еще раз внимательно осмотрели место спуска, советовали. Но мы ему уже надоели этими советами. Да и не хотел он все время смотреть вниз, в бездну.

— Без вас все знаю, все у меня уже давно в голове, — сказал под конец он и отполз в затишье, к трубе, подремать.

— Сил набираться, — пояснил Денеш. — Он прав, не лезьте к нему.

Долгой показалась мне предыдущая ночь, а эта среда и того длиннее. Минуты тащились, будто калеки. Под ложечкой ныло и сосало. И в висках стучало все сильнее. Ночью мы ждали рассвета, а теперь — с еще большим нетерпением — когда, наконец, начнет смеркаться. И вот пришел вечер, и мгла начала понемногу окутывать все вокруг. Йошка похрустел суставами, позевал, давая понять, что он готов к спуску. Но тут на улице вдруг послышался выстрел. Мы укрылись за дымоходом. Вдруг страшной силы взрыв сотряс весь дом. Нас, будто лавой, обдало горячей кирпичной и известковой пылью. Когда я открыл глаза, я увидел, что дымохода как не бывало, а мы лежим на голой крыше, совсем беззащитные. Теперь прятаться больше негде. Я поискал глазами белобрысого Лаци Тимко. Ребята лежали, прикинув к кровле, не издавая ни звука. Мысленно я уже попрощался с ними. Мытарства последних дней сделали меня таким бесчувственным, что я уже никого и ничто не жалел.

Но вот наступила тишина, слышней стали чьи-то негромкие стоны. С замиранием сердца мы подняли головы. Но один из нас остался лежать недвижим возле обломков дымоходной трубы — Дюла Кочиш. Лицо у него было запорошено кирпичной пылью, глаза закрыты. Он был без памяти.

Мы не знали, что нам с ним делать, и были в полном замешательстве и тревоге. Денеш приподнял голову Дюлы, поудобнее положил его. Я пощупал пульс, он был очень слаб. Только спустя некоторое время Дюла открыл глаза. Его взгляд встретился с моим. В первое мгновение он, видно, не понял, где он, но мало-помалу его взгляд стал осмысленным.

— Не очень больно.

— Я тоже так думаю, — подхватил я поспешно. — Ты не бойся, мы сейчас врача раздобудем. Тебе не придется тут долго валяться.

— Я не боюсь, — слабеющим голосом отвечал Дюла. — И врача не обязательно. Вот увидишь, мне и так скоро полегчает.

А мы собрались вокруг него, и я видел у всех на лицах страх. Аттила дрожащим голосом зашептал мне на ухо:

— Давайте белый флаг вывешивать. Быстрее! Время нельзя терять. Кто знает, что у него там?

Тут вдруг Денеш заорал на Йошку:

— Чего ждешь? Иди!

Но Йошка уже был не тот, что четверть часа назад. На него было жалко смотреть. Глазки, и без того маленькие, совсем спрятались за пухлыми подушками щек, и голос пропал. Он долго вертел головой, прежде чем смог сказать:

— Я теперь... это самое... не смогу я, ребята...

У него и в самом деле дрожали колени.

Я выпустил из пальцев Дюлину руку и пополз на край крыши. Мне было ясно: терять время больше нельзя. Надо только действовать осторожнее. Мне никак нельзя сорваться: ведь нужно спасти товарища. Я еще не добрался до карниза, когда меня догнал Лаци, за рукав потянул назад.

— Он тебя зовет. Иди скорее. Тебя зовет, беспокойный стал.

Я вернулся. Дюла действительно все время повторял мое имя, а голос у него был такой, что мне словно кто-то сердце рукой сжал. Я присел рядом, взял Дюлу за руку.

— Хорошо, что ты здесь, — прошептал он. — Я тебя попросить хотел: побудь со мной. Побудь, держи меня за руку и рассказывай что-нибудь.

Это-то было для меня труднее всего. Что ему рассказать, я не знал, да и слезы душили меня. Кое-как взял себя в руки и сказал ему:

— Поправишься, Дюла, вернешься домой. Там тебя мама ждет. Увидит тебя — обрадуется, обнимет. И мы уже во всем разберемся.

Сказал и похолодел. Что я ему несу? Будто маленькому Аттиле сказочку рассказываю. Разве это ему нужно?

Но, взглянув на него, понял: это. Интонация моего голоса его успокаивала. Едва я замолчал, как он опять попросил: рассказывай. И я снова, взяв его за руку, повторял и повторял все одно и то же, будто слова какой-то старой-старой песни. И ребята уставились кто на меня, кто на него как завороченные и слушали, слушали.

— Вернешься домой, а там тебя мама твоя ждет. Она увидит тебя — обрадуется, обнимет. Вернешься домой, а там...

Тут снова налетел и яростно закружился ветер. Лаци прикрыл раненого Дюлу брезентом. Я же повторял свое заклинание, а сам думал:

«Что, если нам придется еще четверг здесь встретить, а Жаба так и не объявится? Мы, наверное, все здесь попросту замерзнем. У меня вон уже и руки и ноги заоченели».

Я повторял Дюле все те же слова, потом дышал на его холодные руки. Между тем, если Дюла будет и дальше просить меня оставаться с ним, наступят сумерки, и я уже не смогу спуститься с крыши, так как ничего не буду видеть дальше собственного носа.

А нам нужно обязательно выбираться отсюда. Во что бы то ни стало. Дюла горит как в огне, пот на лбу, хотя мы все заоченели. Нужно идти, а он не отпускает меня. И остальные чудаки сидят и слушают разинув рты, будто их кто заколдовал. Что же мне делать?

Но вот Дюла закрыл глаза. Наверное, задремал. Я кивком подозвал Тимко, и теперь он занял мое место, осторожно взяв руку Дюлы в свою. Подражая моему голосу, он стал повторять:

— Вернешься домой, а там...

И тогда я снова пополз к краю крыши...

Я уже столько раз мысленно представил себе, как я спускаюсь вниз по стене на балкон, что и с закрытыми глазами мог проделать все необходимые движения. С края крыши я бросил взгляд вниз и еще раз

убедился в том, что улица была пустынна. Ухватившись руками за водосточный желоб, я на миг повис в воздухе. Затем нащупал ногой первую точку опоры в кирпичной стене и, совершенно не испытывая страха, стал спускаться вниз по фронтому. До ниши чердачного окна я добрался быстро и без всякого труда. Но когда я стал продолжать спуск, меня вдруг бросило в холод и так закружилась голова, что я едва не потерял сознание. Мне пришлось собрать все силы, чтобы удержаться от желания снова вернуться в нишу чердачного окна. Так я провел несколько минут, охваченный отчаянным страхом. Эти минуты показались мне долгими часами.

Я впился пальцами в раму чердачного окна, и казалось, на целом свете нет больше другого такого надежного места. Кинув взгляд наверх, я увидел, что за мною пристально следят, свесившись с крыши, мои друзья. Напрягши все силы, я снова полз вниз по фронтому. Надо сказать, что едва я сдвинулся с места, как я снова обрел прежнюю уверенность. Вновь и вновь я нащупывал ногами и пальцами рук выступы на фронтоне, за которые можно было зацепиться, а когда наконец увидел внизу, под собой, балкон, почувствовал облегчение. Я разжал пальцы и прыгнул. Балкон вздрогнул, загудел у меня под ногами. Я угодил не в угол балкона, как рассчитывал, а на его середину, прямо перед дверью, ведущей в комнату. Я хотел быстро прикинуться к стене, но было уже поздно. Меня заметили из комнаты. Там сидел парнишка, уставившись на меня испуганными глазами. С минуту мы так и смотрели друг на друга, словно окаменев. Ждали, кто пошевелится первым. Наконец я решительно распахнул дверь и шагнул внутрь. Парнишка сидел на диване в плохо освещенной, бедно обставленной комнате. Тонкие черты, острый нос и узкие синие губы только подчеркивали бледность его лица. Но страх в его глазах меня успокоил. Я сделал еще несколько шагов в его сторону. Хотя он был укутан в одеяло, я, прикинув на глаз, смог сразу определить, что он примерно мой ровесник.

— Да ты не бойся меня, — шепотом сказал я ему. — Прошу только: не кричи и не говори громко. Лучше, если никто обо мне ничего знать не будет. Кроме тебя. Помоги мне!

Парнишка не встал с дивана.

— Ладно, — шепотом отвечал он. — Скажи, а как ты здесь очутился?

«Вот, вот, — подумал я. — Сейчас я угощу тебя одной из своих фантастических историй».

Там, на крыше, у меня было вдоволь времени напридумывать множество таких баек.

Тогда они казались мне одна лучше другой. Но сейчас я подумал:

«Ну зачем я буду врать этому парню? У него такой чистый и честный взгляд, что лучше уж я скажу ему правду». И я сказал все, как было.

— Значит, это вы? Вы стреляли там, на крыше? — с изумлением прошептал он, выслушав мой рассказ. — Как вы могли так поступить?

У меня как-то даже язык не повернулся объяснить ему. Я промолчал. А парнишка продолжал допытываться: сколько нас, как мы попали на крышу и как я смог слезть с нее? Особенно его интересовало последнее. А когда я ему рассказал, он с грустью заметил:

— Эх, завидую я тебе!

Почему, я не понял. Я, к примеру, ничего завидного в лазанье по стене не находил. И пожалуй, не пожелал бы еще раз повторить свой цирковой номер. Стоило мне вспомнить тот момент у чердачного окна, как меня сразу бросало в холодный пот. Но объяснить ему все это у меня просто не было времени.

— Как-нибудь в другой раз, если доведется увидеться, расскажу тебе со всеми подробностями. А сейчас я тороплюсь. У меня там, на крыше, лежит контуженый парень. Врача для него нужно искать. Выпусти меня, пожалуйста, в коридор, да так, чтобы никто не увидел. И пообещай, что сам не будешь за мной подглядывать. Понимаю, что я много от тебя требую. Но ты сам подумай о том парне. Представь себе его страдания. Прошу тебя, больше меня ни о чем не расспрашивай. Поверь мне и помоги!

Взгляд мой или голос, но что-то его убедило. Хорошо, что именно с ним мне довелось встретиться. С парнишкой — не со взрослым.

Взрослые — они все такие зануды. А этот парнишка, он понял меня сразу. Хотя и был потрясен тем, что мы натворили. Но все же понял: нас нужно выручать.

— Ты не бойся, дома у меня все равно никого, — сказал он. — Отец к соседям вышел. Он — слесарь. А у соседей водопровод испортился. Сейчас у него есть время. Хотя вообще-то он зол, что теперь вот приходится дома сидеть, без дела. А мамы у меня нет. Ты иди спокойно. Дверь в коридор сам откроешь. И за тобой подглядывать я не буду. Я ведь с трудом хожу. Даже не смогу проводить тебя...

Парнишка встал с дивана, сбросив с себя одеяло, и потянулся за костылями, стоявшими сзади.

Настал мой черед удивляться. У него не было одной ноги.

— Теперь видишь, почему я тебе позавидовал, когда ты рассказывал, как спускался с крыши по стене? Зря ты боялся, что я за тобой побегу подглядывать.

Мне было очень жалко его.

— Вон оно что...

— Между прочим, меня зовут Йошкой. Йожеф Петри, — помог он мне преодолеть замешательство. — Но я ловлю тебя на слове. Буду ждать, когда ты придешь и объяснишь мне, почему вы все это натворили.

— Понимаю, — понуро сказал я. — Понимаю и прошу простить нас. Тебя прошу и остальных. Ведь мы всем добра хотели. Нам, поверь, тоже не сладко пришлось. Но мне надо идти, Йошка. И еще раз, тысячу раз спасибо...

Неожиданно для себя я обнял его и крепко прижал к себе. Потом я быстро выскользнул из комнаты в переднюю, а оттуда выглянул на галерею. Улучив момент, когда на галерее никого не было, я приоткрыл дверь и тотчас же закрыл ее за собой. Ключи от квартиры Кубичеков были у меня в руке. Минуту спустя я уже был в квартире.

Она выглядела сиротливо и как-то неприветливо. Я бросился к засову, которым была заперта крышка люка, и выдернул его из петли. Едва бетонная крышка опустилась вниз, на меня сверху уставились пять пар глаз. Пять запорошенных пылью, измученных, жаждущих свободы мальчишеских лиц.

— Давай быстрее, ребята! — сказал я, хотя мог бы и не торопить их.

Один за другим спрыгивали они в комнату, но я ждал с нетерпением шестого, Дюлу.

В самом конце Денеш и Лаци Тимко осторожно спустили вниз и его. Теперь он лежал на диване с закрытыми глазами. Глядя на него, я забыл сразу обо всем: о том, как, рискуя головой, полз я по стене к Йошке Петри. Мне казалось, что я снова на крыше, и, схватив его руку, я зашептал:

— Придешь домой...

О, если бы он отозвался на мой голос, позвал меня, как там, наверху: «Андриш, Андриш!»

Но Дюла молчал, и я уже почти жалел, что ушел, оставил его.

— Нельзя терять ни минуты! — торопил Денеш. — Понесли его скорее...

— Брось ты выдумывать! — отмахнулся Йошка. — А впрочем, если хочешь, я готов. Пошли. Только дай я сперва чего-нибудь погрызу.

— В эту обитель меня больше не заманишь и калачом! — скорчил гримасу цыганенок Павиач. — Но на память я что-нибудь отсюда прихвачу.

Лаци тоже прошелся по квартире, окидывая взглядом комнаты. Прежде мне казалось, что мы долго-долго здесь жили вместе. Но теперь для меня все было здесь неприветливым и враждебным.

— Надо же! Нигде ни письма, ни записки! — закончил осмотр квартиры Лаци. — Жаба захватил все свои вещички и удалился, не попрощавшись.

— Ничего, он об этом еще пожалеет! Рассчитаемся, даст бог! — усердно набивая рот едой, погрозил отсутствующему «шефу» Йошка.

Я же посмотрел на Дюлу, бледного и едва подававшего признаки жизни, и подумал:

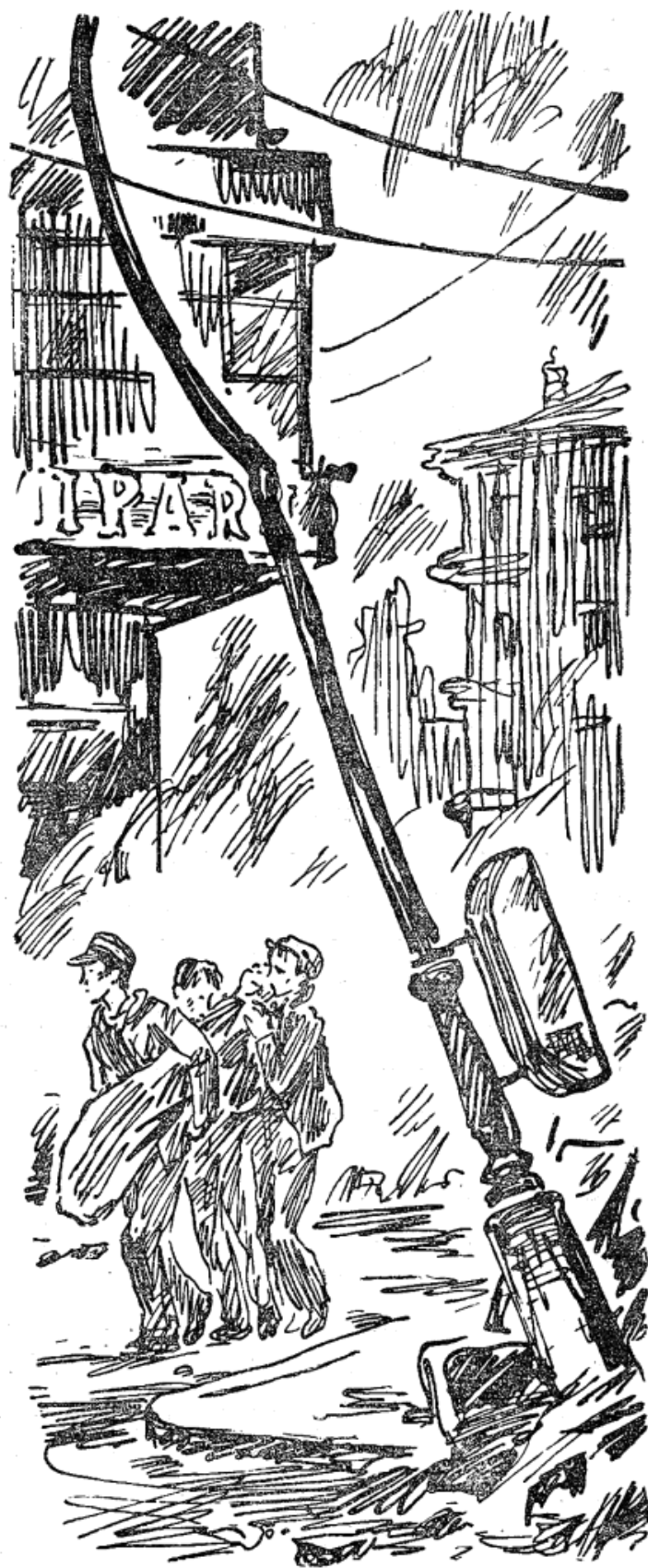
«Чем он рассчитается с нами вот за это? У Жабы всего одна жизнь, а это слишком ничтожная плата за жизнь нашего Дюлы».

Мы с Лаци завернули раненого в шерстяное одеяло, после чего Денеш и я осторожно подняли его с дивана. Окинув последним взглядом квартиру Кубичеков, мы двинулись вниз по лестнице, навстречу черному, охваченному бурей городу. Мы больше не боялись кого-нибудь встретить. Дворничиха знала Денеша как племянника Жабы. Когда она выглянула из двери своей квартиры, Денеш небрежно кивнул ей:

— Мои приятели. Пришли ко мне в гости, да вот застряли. А его вот зацепило, — кивнул он на Дюлу. — Хотели врача вызвать — телефон не работает. Попробуем сами дотащить до больницы.

Дворничиха, перепуганная, бледная, худая, сочувственно посмотрела на нас, сбегала за ключом, отперла парадное.

— Вы там поосторожнее, ребята, — сказала она. — На Большом Кольце все еще стреляют.

И вот мы уже возле переулка Корвина. Осторожно ступая среди груд кирпича, мы наконец добрались до больницы Рокуша.

— Зачем мы все-то туда пойдём? — забормотал Йошка. — Только внимание на себя обращать? Начнутся расспросы. Вы скажите: больше я вам не нужен? Тем более, что я живу тут рядышком. Заскочу-ка я лучше домой. Может, ещё встретимся. Заварушка эта долго протянется. А значит, и я пока из игры не выхожу.

Зато Лаци и маленький Аттила ни за что не хотели оставить нас. В больнице — в холле и по коридорам — повсюду койки, койки. У врачей и сестер усталые лица.

Мы стали в сторону и ждали, когда кто-нибудь подойдет к нам. Нас не очень волновало, что мы скажем, когда начнутся расспросы. Скорее бы пришел врач. Минуты нам снова казались часами, пока, наконец, появились носилки и Дюлу положили на них. Он был недвижим.

— Ничего, врачи знают, что делать. Спасут его, — надеялся и верил я.

Но вот наконец и врач. Носилки подняли, понесли в операционную. А мы стояли в углу коридора, в оконной нише, и смотрели на улицу, на густеющую темноту.

Наступала ночь. Смертельно усталые, мы едва держались на ногах, но нам и в голову не пришло поискать место, где бы присесть.

— Сейчас, наверное, его оперируют? — то и дело принимался шептать Аттила.

— Может, про нас уже и забыли? — обеспокоенно и громко спрашивал Лаци.

Время от времени из операционной кто-нибудь выходил, но у нас не хватало смелости подойти и спросить. В жарко натопленном коридоре тошнотворно пахло больницей. После стольких дней на воздухе нам было непривычно душно и жарко. Как в пекле. У Аттилы разболелась голова. А я после двух дней голода вдруг почувствовал какую-то невесомость, и все вокруг вдруг заволело откуда-то взявшимся туманом. Прислонившись к стене, мы медленно погрузились в сон. Аттила чуть даже не грохнулся на пол.

Наконец за окном забрезжил рассвет. Грязно-серый полумрак сменил черноту ночи.

Чтобы не упасть, я ухватился за подоконник. Меня качало, как на палубе корабля, в бурю.

«Вот и наступил четверг, — подумал я. Потом на миг вспомнил Жабу. — Интересно, вернется он в дом — отодвинуть засов с крышки люка?» На улице мерзкое, туманное, закопченное утро. Меня все еще качает, словно на палубе корабля, в бурю. Я взял малыша Аттилу за руку, потому что он шел еще менее уверенно, чем я, дрожал всем телом и беспрестанно всхлипывал.

«Нельзя оставлять его одного», — подумал я.
— Ты успокойся, приди в себя. А то тебя родные не узнают. Давай я провожу тебя до дому, — сказал я ему, а про себя подумал: «Вот за этого я все время боялся, опекал его. А смелого, сильного Дюлу — никогда. Дюла сам для меня примером был. Ему не нужна была моя опека».

Денеш попрощался с нами на углу Вешелени, Лаци Тимко — на площади Клаузаля. Он все еще боролся с рыданиями, и губы у него дрожали. Малыш Кулач жил на площади Ворарош. У ворот он долго пожимал мне руку.

— Приду к тебе сегодня же. Самое позднее — завтра!
«Не выпустят тебя больше на улицу», — подумал я, но говорить ему ничего не стал, только похлопал по плечу.

— Иди и больше не реви!

Он ушел, шмыгая носом, раза три обернулся на ходу, посмотрел на меня благодарным взглядом и скрылся за поворотом лестницы.

Теперь ноги сами несут меня к дому, где жил Дюла. Мне нужно поговорить с его мамой, рассказать, как все произошло. Это сейчас самое важное для меня дело.

И вот я уже на их улице, уже возле его дома. Но у самых ворот я вдруг останавливаюсь. Это тяжелее, чем лезть по стене. Тяжелее, чем проползти от слухового окна до балкона. Это тяжелее всего на свете. Я вижу перед собой его маму, красивую русоволосую женщину, такую, какой я представлял себе по его рассказам. Теперь она, наверное, уже не русая: в волосах появилось много седины.

Я вдруг круто поворачиваюсь и иду назад. Ноги тяжелые, будто свинцом налиты. Лучше я в другой раз, когда-нибудь еще, когда наберусь смелости.

Я не иду, а плетусь — медленно и устало, с тяжелой ношей на плечах. Уже совсем рассвело. Вот ты и пришел, мой четверг. Да, пришел. Самое трудное утро моей жизни.

Ровно две недели, как я ушел из дому. Две недели назад, в четверг, ушел, вместо того чтобы стоять в очереди за жирами. Но сейчас у меня было такое ощущение, будто я не был дома целый год. Вверх по лестнице я поднимался медленно-медленно; когда же пошел по галерее, у меня заколотилось сердце. Ну, а возле кухонной двери меня вообще охватил страх: кого-то я найду дома и что скажет мама? У меня даже в ногах началась дрожь. Я стоял у двери и не решался постучать. Но тут мама сама подошла к двери, словно почувствовала, что я пришел, ипустила меня.

Греется уют на газовой плите; на столе — ворох выстиранного белья. Варится суп в знакомой красной кастрюле. Как замечательно он пахнет! Кастрюля не накрыта, и от нее поднимается вверх теплый пар.

— Мама, — говорю я. — Родная! — И мне хочется добавить: «Я так хочу есть!»

Мама не обнимает меня и только вдруг бледнеет. С минуту она стоит передо мной, потом опускается на табуретку, уронив на колени руки. У нее ужасно усталый вид. Она тяжело, очень тяжело вздыхает. И закрывает на миг глаза. А потом открывает их и с укоризной смотрит на меня.

— Пришел?

Только и всего.

Но на лице ее — ни удивления, ни гнева. Как будто не две недели, а целый год не было меня. Станный, пристальный у нее взгляд и горькие морщины у рта. Да, мать, ты у меня постарела!

Я моюсь под краном, подолгу лью на себя воду, докрасна тру кожу махровым полотенцем. Потом сажусь на табуретку, а мама наливает мне супу. Я долго держу полную ложку у рта: боюсь есть, вдруг стошнит. Рука моя дрожит. Мама смотрит на меня и кивает головой, словно ей все-все известно.

— Ну, теперь доволен? — спрашивает она. — Успокоил душеньку? Вдоволь нагулялся?

Я отрицательно качаю головой и молчу. Мама тоже. Молча глотаю суп. Потом тишину снова нарушает она:

— Когда уйдешь опять?

— Больше не уйду.

Мама машет рукой.

— Не верю я тебе. — Голос ее усталый, безнадежный.

Мне стыдно, и я говорю шепотом:

— Не сердись на меня.

— Чего уж. Сама виновата, распустила вас.

Она берет мою тарелку и наливает еще супу. Потом, когда тарелка снова пустеет, еще. Суп нравится мне все больше, я уже не ем, а просто вливаю его в себя.

Когда я поднимаюсь, мне кажется, что у меня в животе груды тяжелых камней. В этот момент на кухню из комнаты входит Хенни и замирает на пороге.

— Ты дома? — вскрикиваем и я и она в один голос.

И Хенни, холодная гордячка, вдруг сама бросается ко мне, обнимает и начинает реветь:

— Андришка, милый! Где же ты так долго был? Что делал все это время?

Она засыпала меня вопросами, нет, она учинила мне настоящий допрос — не то что мама, которая, как видно, боялась услышать правду о том, что я успел за это время натворить.

Я вывертывался как мог, лепетал что-то невнятное, отвечал вопросом на вопрос.

— А ты сама-то когда объявилась? — спросил я ее. Оказалось, в тот самый день, когда сбежал я.

Они — несколько человек — собрались на квартире одного парня из «Кружка имени Петёфи» и торчали там. Строили всякие планы, в конце концов испугались и разошлись. Некоторые связались с вожакими мятежа. Писали и расклеивали листовки. А Хенни вообще ни в чем не принимала участия. Позавчера Фери — ее жених — уехал. Не простившись. Просто передал через своих дружков, что на родине он больше оставаться не сможет. Бежал в Австрию, бросив все и ее, свою дорогую Хенни.

— А ты? — спросила меня сестра, закончив рассказ.

Как переменились роли! Я как-то сразу вдруг почувствовал себя старшим и теперь уже считаю ее глупенькой, а не она меня, как прежде.

Мама же не смотрит на нас вообще; она стоит у стола и гладит белье.

«Вот с ней мне как раз и нужно поговорить, — думаю я, — только с ней».

Агнешка лежит в комнате на диване и читает. Увидев меня, она захлопывает книжку, притягивает к себе, усаживает рядом. Глаза ее — милые карие глаза — так и сверкают. Хенни тоже присаживается рядом, и теперь они уже вдвоем принимаются упрашивать меня, чтобы я рассказал. Теперь я для них — герой. Это я-то, который всегда с такой завистью взирал на них. А сейчас я глядел на них и думал: «Глупенькие вы еще девчонки!»

Досталась им работка: клещами приходилось вытягивать из меня каждое слово. Если уж чем не хотел я хвастать, так это своими «подвигами». Я даже посчитал бы справедливым, если бы мама хорошенько отхлестала меня по щекам. Ведь то, что довелось мне испытать, — ужасно. А тот, кто втянул, заманил меня, — подлец. Так как же после всего этого я могу считать свои действия правильными? Я всякого насмотрелся за эти дни! Почему это случилось? Потому лишь, что такие, как Ферко, считали, что мы «плохие венгры»? Но почему плохие? И кто мешал нам быть хорошими? Кстати, где теперь он сам, этот «великий венгр» Ферко? Чего же он испугался, если ничего дурного не сделал? Почему он тогда сбежал? Во всяком случае с Хенни он поступил по-свински: сбежал и даже не сказал ей «до свидания». А эта дуреха все равно влюблена в него по уши, как и прежде.

— Я поеду к нему, — говорит она, отводя взгляд куда-то в сторону.

— Ты рехнулась? — Я удивленно смотрю на нее.

Но тут обе сестры набрасываются на меня и начинают горячо доказывать ее правоту. Оказывается, нас с распростертыми объятиями ждут во всем мире: в Вене, Лондоне, Амстердаме. Встречают с букетами цветов.

Агнешка, словно угадав мои мысли, начинает рассказывать о делах в нашем доме:

— Наши соседи, Бергеры, уехали. Побоялись, что начнется фашистский разгул, как в сорок четвертом, еврейские погромы, геноцид. Бросили трехкомнатную квартиру и укатили. Паткаи тоже. С собой забрали только самое ценное.

— Мятежники никого в доме не тронули? — спросил я.

Агнешка вздрогнула.

— Я только про свой этаж знаю. Люди не очень откровенничают. Слышала, будто забрали Фери Олу. Хотели отца арестовать за то, что работал в Министерстве внутренних дел. Но отца дома не оказалось, так они избили сына и с собой увезли. Домой парень больше не вернулся, говорят, убили. Между прочим, единственная «вина» парня была в том, что он учился в Советском Союзе. Теперь в доме будет много новых жильцов, — вставая с дивана, сказала Агнешка. — Многие уезжают за рубеж. Граница открыта, за билет платить не надо. Поезжай куда хочешь. Хоть в Коломбо, хоть на Таити. Ты, Андриш, тоже об этом подумай.

Во мне закипал гнев. Он уже катился комком вверх, к горлу.

— Ну и уезжайте в свои Таити! — ору я исступленно. — Катитесь! Там всегда голубое небо и светит солнышко. Будете целыми днями петь и танцевать...

Аги тоже взрывается, лицо ее багровеет.

— Да, голубое!

— Словом, вы уехали бы? Хотите уехать?

— Да! Только вот мама! Она и слышать об этом не хочет. По крайней мере, пока не было тебя. А теперь ты вернулся и должен поговорить с ней. Раньше она с нами соглашалась, а тут вдруг на дыбы встала.

— А я и не подумаю с ней об этом говорить.

— Между тем у тебя-то как раз есть все причины опасаться. Думаешь, если дознаются, они будут с тобой церемониться? — Хенни, строго сдвинув брови, смотрит на меня. — Подумай об этом. И о нас подумай. Из-за тебя и нас могут к ответу притянуть.

— Хорошо, — махнул я головой. — Не бойся, вас не подведу. Подумаю, как мне быть. Только не сейчас. Сейчас у меня и так голова, как барабан, гудит. Пойду к себе выплюсь сперва. И не будите меня. Если только что то очень важное. Просплю до завтра, до утра.

Я забрался в свою кровать, в маленькой комнатушке. Старая, скрипучая — далеко не царское ложе. За границей, вот там, наверное, у меня была бы царская постель. Там ведь все удивительное! Нет, пусть дураки таким байкам верят. А девчонки явно свихнулись.

Я проснулся. С трудом открыл глаза. В комнате светло, у постели стоит Хенни и трясет меня за плечо.

— Андриш, вставай и, пожалуйста, не стони так ужасно!

Я с укором посмотрел на нее.

— Я же просил не будить меня до утра.

— Да какое утро? Уже обед. Я решила, что ты заболел и не можешь прийти в себя. Мечешься в постели, стонешь. А вообще тут к тебе пришли. Молодой человек. Говорит, вы с ним на одном заводе работаете. Хочет поговорить с тобой. Потому и разбудила.

Я поднялся, пошатываясь вышел из комнаты и вижу: передо мной — Денеш.

Выспавшийся, отмывшийся, причесанный, свеженький. Прислонившись к притолоке, он тихо, почти шепотом, поясняет, с чем пришел:

— Андриш, я не хотел исчезнуть, не попрощавшись. Встретился с ребятами, и мы уже обо всем договорились: послезавтра исчезнем. Я не хочу ждать, пока меня к ответу притянут. Давай, брат, удирать. Если, конечно, хочешь с нами...

В это время вышла из своей комнаты мама. Подошла к нам, ждет, пока я ей представлю Денеша. Потом взяла стул, села недалеко, всем видом давая понять, что тоже желает слышать наш разговор.

— Ты как считаешь, когда можно будет снова начать работать? — подмигнув, спросил меня Денеш.

— Хорошо бы прямо завтра, — искренне ответил я.

— Надоело бездельничать. А что ты делал на прошлой неделе?

— Дома торчал. Отсыпался. Что еще можно делать?

— Я тоже. Очень скучаю. Ну, тогда бывай!

Я проводил его, у двери он мне шепнул, прощаясь:

— В воскресенье в десять будем возле вашего дома. Я загляну во двор, посвищу. Подумай и поступай как знаешь, — и ушел.

На другой день утром мне никак не хотелось вставать. Хотя проснулся я чуть свет, но снова и снова зажмуривал глаза, пока опять не задремал. Да и зачем вставать? Что делать-то? Все серо и безнадежно. Заснул снова, да лучше бы уж и не засыпал. Приснился Денеш. Мы с ним отправились в путешествие на корабле — не то в Канаду, не то в Австралию.

«Дурак, кто не поедет с нами, — размахивал руками, горячился Денеш. — Величайший дурак. Никогда не было и не будет больше такого шанса. Весь мир объедем вокруг. Посмотрим, какое море, волны какие! А ты возвращайся домой, Андриш. Знаю, что у тебя на уме. Поворачивай оглобли. Ты всегда был глуповат, знать, таким и остался. Жаба смылся, значит, теперь тебе за него отдуваться. Нужно же кому-то ответ держать. Оставайся дома, тут тебе лучше будет».

Наконец я встал, вымылся с ног до головы, чтобы окончательно прийти в себя, но плохое настроение мне смыть так и не удалось. Мама больше уже не боялась, что я снова пропаду. В бакалейном меня встретили, как родного сына. Продавщица, толстая как бочка, тетушка Котас, даже обняла меня. Она, видно, слышала, что меня долго не было дома, и сделала свои выводы. Насилу вырвался из ее могучих объятий, от стыда и смущения красный, как вареный рак. И тут вижу перед собой стоящую в очереди Жужу Ола — с неподвижным лицом и крепко сжатыми губами. В маленьких косичках — красные ленточки, на лицо вроде немного похудела. Мы с ней хорошо знакомы. Их школа рядом с нашим цехом. А раньше, когда еще были маленькими, вместе играли на галерее нашего этажа.

Но теперь она смотрела на меня так, будто впервые в жизни видела. Я хотел поздороваться с ней, но она не подала мне руки. Я думал, как сказать ей: «Жужика, я знаю о твоём большом горе и сочувствую тебе от всего сердца», но не знал, как начать. И тогда она первой заговорила. Почти враждебно:

— Ты держись подальше от меня. Нас теперь сторонятся.

Я и вовсе побагровел.

— Очень мне нужно знать, что делают другие и почему.

Она попятилась от меня и посмотрела опять холодным взглядом.

— Это тебе-то не нужно, «героическому юноше»? — и ушла.

А я остался в полном замешательстве. Меня не утешило даже то, что тетушка Котас насыпала мне с верхом кулек фасоли, щедро отвесила картошки.

Домой я вернулся в отвратительном настроении. Как раз в тот момент, когда какая-то медсестра из «Красного Креста» принесла Хенни письмо от ее Ферко. Хенни трижды прочитала его вслух, каждому из нас в отдельности, хотя там и читать-то было нечего — так, одна пустая болтовня. Ферко еще жил в лагере для перемещенных лиц, но надежды у него были самые радужные. Собирается уехать в Нью-Йорк и ждет Хенни. Скоро у него будет разрешение на въезд в США, и можно в путь...

Письмо Фери вызвало новые споры. Нужно ехать, и немедленно.

— Решайся, если не ради меня, то хотя бы ради Андриша.

— Я не поеду, — заявил я и захлопнул за собой дверь. Выскочил на улицу. Куда, зачем я иду, я не знал. Скорее всего, просто проветриться да обдумать, что же делать дальше? И где я найду свое место?

Вдруг я вспомнил дядю Шандора. Будто молнией озарила эта мысль мое сознание. Хватит того, что я натворил кучу глупостей за прошлые две недели. Больше я не хочу ничего делать, не подумав, не посоветовавшись. А с кем еще посоветоваться, как не с дядей Шандором?

И я отправился в путь. Все ноги отбил, пока к нему добрался. Но его не оказалось дома, и соседи тоже не могли ничего определенного сказать, когда он будет. Дня три уже не видно старика.

Домой шел, будто в воду опущенный. Это очень плохо, что я не застал дядю Шандора. Чувство такое, что я вконец один остался. Нет больше никого, кто бы меня за руку взял, поддержал.

«Неужели и старик махнул за границу? — думал я. — Нет, не верится, хотя кто его знает. Много за последнее время неожиданного для меня случилось».

Так я бродил по городу, рассуждая, споря сам с собой, прикидывая, что делать дальше, пока вдруг не заметил, что я стою перед тем самым домом на улице Пратер.

Подобно злодею, которого приводит к месту содеянного им преступления его собственная совесть. Я завернул под арку.

«Загляну-ка я к Йошке Петри, — подумал я. — Ведь обещал же я ему еще раз навестить и объяснить ему все. Объяснить, как будто это так просто! Но если не зайти сейчас, завтра меня может здесь уже и не быть. Слово не сдержу...»

Как он обрадовался мне! А во мне всколыхнулась, поднялась волна горечи.

— Что дальше собираешься делать? — спросил он. — За что примешься?

— Хотел бы работать пойти, — тихо проговорил я. — А вообще все надо бы основательно обдумать, прежде чем решать. Но выхода никакого не вижу. Как знать, что будет здесь завтра. Один дружок, например, советует мне за границу бежать. Очень зовет с собой. А я вот не знаю, как и поступить.

Йошка испуганно посмотрел на меня.

— Когда уезжает твой приятель?

— Завтра в десять зайдет за мной. Но до тех пор мне нужно уже на что-то решиться. А это — нелегкое дело.

Йошка надолго замолчал, потом почти выкрикнул с упреком:

— А я-то думал: ты другом мне станешь! Часто приходите ко мне будешь. Я ведь такой одинокий!

Чувствую, что у него сердце надрывается. И глаза как-то подозрительно блестят.

Потом он спросил, где я живу, и, вздохнув, сказал:

— Совсем близко от меня!

Я пришел домой, сел на кухне, где мама стряпала ужин. Мы долго молчали, потом она сказала:

— Сладу нет с девчонками. Что будем делать, Андриш?

Я не ответил. Не знал я, что ей ответить.

— Мне-то уж все одно, — махнув рукой, призналась мама. — Меня нет больше, есть только вы. А я об одном пекусь, как сделать, чтобы вам было хорошо. Знать бы вот наперед, как оно лучше-то! А у кого узнаешь, кого спросишь?

Помолчали еще немного, и она снова принялась жаловаться:

— Для матери ее ребенок — это всё. Она за него что угодно сделать согласна. Вон бедняжка Ола совсем извелась, как сыночка потеряла. Муж, он и дома почти не бывал. А теперь она и вовсе одна с

дочкой осталась. Таскает ее за собой повсюду, бегают как безумная по городу, все среди непохороненных сына своего ищет. А мне девчурку жалко, мрачная какая-то сразу стала. Смотрит испуганно, будто зверек загнанный.

— Знаю. Видел ее, — сказал я, а в горле у меня запершило. — А где же их отец? Он что, тоже погиб?

— Нет, я думаю, в войсках он теперь. В этих, как их, во внутренних, что ли.

Мы поговорили еще немного, потом я поужинал и пошел спать. Ничего не хотелось мне делать, только спать. Уснуть, чтобы не знать забот.

Проснулся я глубокой ночью. Потом до рассвета вертелся в постели, но так и не уснул больше. Зато принял решение: никуда я не поеду, останусь на родине. Я здесь жить хочу. Как это хорошо, что в конце концов я на что-то решился. Я встал, вымылся с ног до головы холодной водой и поел с аппетитом. Больше меня не томили ни собственная подавленность, ни жалобное выражение на лице Хенни, ни мамина нерешительность, ни Агнешкины намеки, что, мол, мы упускаем великий шанс.

«Ничего, сейчас я скажу маме, что нам делать, — думал я про себя. — Она меня послушает, а не девчонок».

И вдруг звонок в дверь. Открываю, на душе весело. И кого я вижу? Йошка Петри собственной персоной! Раскрасневшийся как маков цвет, пот на лбу. Стоит, на костыль свой опирается.

Думаю, что даже он не был так удивлен, увидев меня тогда на своем балконе, как теперь я при его появлении.

— Проходи, садись. Наверное, очень устал?

Йошка только кивнул. На костылях проковылял в комнату и буквально рухнул на кровать. Заговорил, когда я поплотнее прикрыл дверь в комнату. У него был очень смущенный вид, и он старался смотреть не на меня, а куда-то вниз.

— Знаешь, Андриш, чего я пришел? Если за границу поедешь, возьми и меня с собой.

Вот тебе на! Будто потолок на меня обвалился. Да он что, спятил, что ли, этот Йошка?

Наверное, я с таким испугом посмотрел на него, что он принялся объяснять мне свою просьбу:

— Мне протез нужен. Знаешь, такой протез, чтобы от настоящей ноги не отличить.

Слушаю я его, а что ответить — не знаю. Вот он сидит передо мною, бедняга. По неделям не выходит из комнаты, людей почти не видит. А и ему известно, что там, за рубежом, — рай земной. Интересно, это ему та самая тетя Мари в уши напела или родной отец?

— Отец мой, — продолжал сыпать как из пулемета Йошка, — возражать не станет. Ну, может, немного удивится, немного испугается, но потом ничего — смирится. Да, если по чести, я ему только в тягость. Он и так все норовит бежать из дому. Не будь меня, он бы снова женился. А так, когда я есть, трудно. Кто ж за него пойдет? Из-за меня. А когда там, на Западе, я на собственные ноги встану...

— Ты уверен, — в замешательстве решил я задать вопрос, — что там и врачи лучше, и ногу тебе искусственную сделают, и все в порядке будет?

— Уверен, — подтвердил Йошка. — Это и тетя Мари говорила, и соседка одна, она иногда ко мне посидеть приходит. Сидит возле меня, что-нибудь вяжет и рассказывает. Это у меня последняя надежда! — добавил он.

И снова во мне все перевернулось. Всю мою уверенность как будто ветром сдуло. Ведь этот парнишка для меня великое добро сделал.

Я сидел и молча смотрел на него, думая о том, как я обманул бы его сейчас, его надежду, если бы отказал ему.

Но я все же попытался успокоить, отговорить его, переубедить.

— Ну как же ты решился на такой долгий путь? Ведь ты даже вот сюда добирался с каким трудом?

— Потому что я один шел. Никто не поддерживал меня. А если, скажем, ты будешь хоть немножко мне помогать, все знаешь как пойдет? Как по маслу! Соберу все силы. Ради этого стоит...

«Все что угодно попроси, сделаю, — думал я, — только не это. Немыслимо... А вдруг мы уедем отсюда, а там, за границей, совсем все не так, как ты себе вообразил?»

Сначала мы спорили, потом умолкли и стали ждать. Особенно он ждал, когда же придет Денеш. Будто чуда какого-то.

Точно в десять внизу под аркой раздался свист. Я не пошевелился. Йошка же вспыхнул густым румянцем.

— Андриш, ты не поедешь? Из-за меня остаешься?

— Я вообще не собирался ехать, — заверил я его. — Нет у меня никакого желания.

— Даже на галерею не выйдешь? Помаши ему хотя бы рукой. На прощание.

— Нет. Лишнее это.

И мы снова умолкли. Йошка сидел разочарованный, потупив голову. Вдруг под окном, на галерее, послышались чьи-то шаги, потом стук — сначала в окно на кухне, чуть позже — в дверь моей комнаты. Я распахнул дверь — на пороге стоял Денеш.

— Ты что, не слышал, как я свистел?

— Нет, слышал, — не глядя на него, сказал я. — Слышал, но я решил остаться.

Денеш посмотрел на меня с таким удивлением, что я даже покраснел.

— Ты — великий осел, — покачав головой, сказал он. — Величайший. А я пошел. На углу меня ждет грузовик.

— Грузовик? — вскричал я и даже подпрыгнул. — Где вы достали грузовик?

— Не твоя забота, — повел плечом Денеш. — Есть, и всё. Папаша одного моего дружка везет нас.

Мы с Йошкой переглянулись. У него во взгляде снова загорелась надежда. Взгляд его был — сама мольба. Денеш посмотрел на Йошку и мгновенно понял, чего тот хочет.

— Он тоже поехал бы?

— Да, — ответил я. — Хотел бы. Найдется для него еще одно место?

Денеш кивнул:

— Найдется.

— Только ему помогать придется, — заметил я. — Сам видишь, у него только одна нога...

— Да брось ты придумывать, — нетерпеливо оборвал меня Денеш. — О чем речь, поможем!

Я вышел на кухню и сказал маме, что проеду до границы. Возможно, к вечеру уже вернусь или, самое позднее, завтра утром.

Мама была так всем перепугана, что и не удерживала меня. Просила только быть осторожнее и обязательно возвращаться.

Я набросил на плечи пальто и сказал Денешу:

— Пошли. Этот парень — Йошка Петри. Считай, что это он помог нам выбраться тогда с крыши. Если бы не он, загорали бы мы там и по сей день. Так что теперь и ты ему помоги.

Денеш рот разинул от удивления. Даже его мясистый нос, казалось, выражал это удивление и почтительность к Йошке.

— Ежели понадобится — сам на руках понесу!

Мы подхватили Йошку под руки и осторожно зашагали с ним по галерее. С нашей помощью он передвигался совсем легко и быстро. А на кухне, у окна, стояла мама и отчаянным, полным тревоги взглядом смотрела нам вслед.

Когда я вспоминаю этот путь, он и по сей день кажется мне каким-то странным и запутанным сном. События перепутались в моей памяти.

Когда мы взобрались в кузов, грузовик уже был порядком набит. Но и потом, пока добрались до Венского шоссе, к нам все время еще кто-нибудь подсаживался. Водитель, не долго торгуясь, совал в карман плату за провоз и велел очередному пассажиру лезть наверх.

На шоссе царило оживление. Мчались «собственники», «санитарки» с красными крестами, просто грузовики. А кое-где и пешеходы отважно шагали в сторону границы. Очень быстро наша колымага обрела вид пештского трамвая — «шестерки» в часы «пик»: представители довольно пестрого общества сидели так тесно, что буквально яблоку негде было упасть; несколько горластых ребятишек, которых пытались утихомирить их предки; двое старичков-супругов, беспрестанно успокаивавших друг друга, что нечего, мол, бояться; молоденькие девчонки с рюкзаками, ну и парни моего возраста. Слушая их разговоры, я понял, что пассажиров грузовика в основном движет на Запад страх. Страх всевозможного рода: больше всего перед мятежниками, а у самих мятежников — перед грядущим возмездием, евреи боялись погромов, остальные — просто новых беспорядков. Те, что помоложе, беззаботно болтали, беспрестанно курили и делали вид, что эта поездка для них не больше, чем обычная загородная прогулка. Засунув руки в карманы, они равнодушно поглядывали на проносящиеся мимо нас села, и в их взгляде чувствовалась какая-то заносчивая самоуверенность: а ну, посмотрим, чего стоит этот хваленый большой свет?

Грузовик подпрыгивал на ухабах, швыряя друг на друга пассажиров. Те визжали, смеялись, вопили, родители то и дело принимались утешать своих сонливых, хнычущих чад, а старушке вдруг отчего-то стало так плохо, что пришлось из-за нее остановиться. Шофер ругался и уже хотел ссадить супругов в следующей же деревне, но старик уговорил его не делать этого, так как им обязательно нужно в Австрию, куда, по слухам, бежала их единственная дочь. А им так нужно найти ее!

Километров за восемь до границы грузовик остановился.

В общем-то, до границы было рукой подать, но нам посоветовали кругной путь, по тайным тропам и рассеченным оврагами склонам холмов, через лес и через речку. Йошка собрал все свои силы, но он уже больше просто не мог. Поначалу ребята помогали нам, потом один за другим исчезли. Бросил нас и Денеш, позабыв уже о своем обещании. Вскоре нас обогнали и старики и многодетные родители. Начало смеркаться.

Я попытался нести Йошку на спине, но чуть не упал под такой ношей и оставил эту затею. Мы отдохнули, прошли еще немного, снова присели передохнуть. Я все время успокаивал, подбадривал его: не к спеху, за нами же никто не гонится, часом раньше, часом позже, но придем! На наше счастье, вблизи какого-то хутора мы повстречали одну старушку крестьянку, она сжалась над нами. Нашла нам какую-то не то тележку, не то старую детскую коляску, она и сама уж не помнит, что это было раньше. Колеса у этого сооружения страшно скрипели, и одно то и дело слетало. Но в конце концов я его укрепил.

Я усадил в тележку Йошку и потащил ее по непролазной ноябрьской грязи. А тут еще дождь зарядил; пока мы до Рабцы добрались, промокли до нитки. По пояс вброд переправлялись через речку. Холодно, но я порядком вспотел. А когда мы решили, что вконец заблудились, оказалось, что мы уже давно за границей.

Своих спутников встретили: они сидели на поляне, сушили одежду, приводили себя в порядок.

Было уже около полуночи. Мы промерзли. Чтобы согреться, развели костер. Трепетало пламя, мерцали огоньки сигарет, и ярко-ярко блестели Йошкины глаза, полные благодарности и надежды. Йошка ничего не говорил, только сжимал мою руку.

Я обвел взглядом этот промокший, продрогший, притихший кочевой табор, собиравшийся отправиться навстречу новой жизни. Малыши спали на руках у матерей, супруги-старички, понутив головы, смотрели на огонь костра, молодежь тихо перешептывалась: ни визга девчонок, ни мужских грубоватых анекдотов. Даже Денеш помалкивал.

Было очень тихо, над головами небо — без звезд. Мне припомнилась одна старинная песня, ее иногда напевала мама: «Покинул край родимый...»^[9]

Но сейчас ни мне, ни кому другому и в голову не пришло бы запеть, даже потихоньку, себе под нос. Странное, гнетущее состояние. Но вот кто-то встал и подал сигнал отправляться дальше. Потушили костер, все стали собираться. Я подошел к Денешу и попросил его присмотреть за Йошкой, но не так, как до сих пор, а по-честному и благородному. Я бы сам помог ему, но мне ведь нужно возвращаться.

Денеш растроганно обнял меня, похлопал по плечу и пообещал сделать все. Но я хоть и знал, что обещание его вполне искреннее, все равно не очень верил в него. Поэтому у меня сердце заныло, когда я простился с Йошкой и они двинулись снова в путь. Маленькую тележку они бросили: Йошка божился, что теперь-то уж, отдохнув, он и сам одолеет дорогу пешком. Некоторое время я еще видел их, но вскоре они потонули во мгле, и последний звук их голосов растворился в ночи. Это был голос Йошки, крикнувшего мне напоследок:

— Прощай, Андриш...

Но вот я повернулся и зашагал — в свою сторону, на Будапешт. Почти целый день ушел у меня на это. Вернулся домой по уши в грязи, измученный, как пес.

— Завтра едем, — сказал я маме. — Через границу пройдем запросто. Опасности никакой. Собирайтесь! — и лег спать.

Но на другой день мы еще не поехали.

— Нельзя же все так вот бросить, — сказала мама. — Да и ехать мы не можем с пустыми руками, как нищие. Кое-что нужно продать, остальное — как следует упаковать.

Тщетно я доказывал ей, что это не путешествие в вагоне первого класса и что, мол, я видел ребят с тремя яблоками и куском хлеба в кармане. Она отмахивалась и говорила: сама знаю, не маленькая. Прежде она со всеми соглашалась, а теперь вдруг с невиданной решительностью принялась продавать все ценное. Может, это был только способ подольше оттянуть отъезд, но она стояла на своем.

— Не согласна я, — говорила мать, — ни за что ни про что размотать добро, что целую жизнь своим горбом наживала.

Девчонки ссорились с ней, торопили. Я тоже уже начинал нервничать: меня мучила совесть из-за Йошки, которого я бросил одного там, на чужбине.

«Помочь надо ему, — думал я, — может, ему сейчас очень трудно».

Но все было напрасно: мама никак не могла собраться. Проходили дни, недели. Уже весь дом знал о наших сборах; одни поглядывали на нас сочувственно, другие косились. Хотя, может, это я сам вбил себе в голову, потому что мне было как-то очень уж стыдно людей. Однажды я повстречал на лестнице Жужу Ола и на этот раз сам поспешил отвести взгляд в сторону — она, наверное, тоже слышала и теперь думает обо мне: бежишь, «национальный герой»! В конце концов я совсем перестал выходить из квартиры, бездельничал, валялся на диване. У меня было одно желание: поспать. Когда спишь, все хорошо. А проснулся — нервы, кажется, вот-вот лопнут от напряжения. В середине декабря мы все же двинулись.

Надо сказать, что это, второе, путешествие было еще труднее первого. В дороге после всех треволнений заболела мама. Пришлось остановиться в городе Дьёре, три дня ждать, пока она поправится. Но и после этих трех дней вид у нее был такой, что жалко было смотреть. Руки дрожат, на щеке нервный тик, исхудала — одним словом, едва на ногах держится. Проводника мы нанимать не стали: я сам хорошо помнил дорогу. Но зря мы пробирались через лес по горам и долам — в конце пришлось нам рысью бежать обратно. Потому что у реки я заметил пограничный патруль.

Дул ледяной ветер. К тому времени уже ударили морозы. Мама спотыкалась, падала, а под конец опустилась на землю и сказала, что не сделает больше ни шагу. Когда же она снова согласилась идти, мы заблудились и чуть не угодили в руки солдат.

Страшная это была ночь. В отчаянии искал я какую-нибудь заброшенную, но верную тропу к границе и ругал себя, что сбился с пути. А в общем, я понял: обстановка сильно изменилась.

Перед рассветом мы сделали последнюю попытку. Промерзшие до костей, измученные вконец, двинулись мы по новой тропе. Маму почти без сознания перетащили мы через ручей, и тут, когда было уже рукой подать до цели, нас остановили пограничники.

Ответ за все я взял на себя, сказал, что это я уговорил семью бежать за границу. Их усадили в машину и отправили назад, а мне дали пару затрецин и посадили под стражу. С недельку продержали в КПЗ на границе, потом отослали в Будапешт.

Вот как все это было. Думал: не переживу позора. Домой плелся — не смотрел ни направо, ни налево. Мимо табачного киоска и

бакалейной лавки тетушки Котас я пулей промчался, даже глаза закрыл, чтобы случайно не увидеть кого-нибудь из знакомых. Дома забился как суслик в нору и дня два даже в коридор носа не высовывал.

Спал, валялся в постели, снова спал. Дверь своей комнаты не открывал. Иногда в полусне сквозь тонкую стенку слышал, как на галерее беседуют тетушка Луци с торговкой из табачного киоска, с которой они уже успели подружиться. Иногда приходила мама, пыталась меня разбудить, но я просил оставить меня в покое: кажется, я заболел.

В конце недели я все же поднялся. Выбрался на кухню, сел на табуретку и, к своему удивлению, отметил, что мама как ни в чем не бывало хлопочет, занятая своими делами.

И девчонки ведут себя так, словно ничего не случилось и мы никуда и не уезжали.

В этот день я рискнул выйти на улицу и убедился, что ни в нашем доме, ни по соседству никому до нас и дела нет. Может, и не знают о наших похождениях, а если и знали, то всё давно забыли. Не сговариваясь, мы и у себя дома не заводили никогда об этом разговора, будто никуда и не двигались с места.

Сидеть дома было не вмоготу, и я отправился побродить по улицам.

Страсти поулеглись, все меньше людей бродило без дела, и во всем чувствовалось больше порядка. Заработали заводы, учреждения, начали торговать магазины.

И в один прекрасный день я почувствовал, что бездельничать больше не могу. Пошел к себе в цех. Уже близко был от завода. Но возле мастерской сапожника Дюриша остановился, решил сначала осмотреться. Дюриш увидел меня в окно, позвал к себе, стал расспрашивать. Он говорил так, словно я уже давно снова работал и выскочил из мастерской на улицу всего на несколько минут. Здесь, на окраине, приятно пахло деревней, вдоль грунтовой дороги стояли маленькие домишки, росли деревья. Словно город был где-то далеко-далеко отсюда и здесь всегда царил мир и покой.

Сапожник чинил старый ботинок, а из кухни в его мастерскую тянуло вкусным картофельным паприкашем. Это тетушка Дюриш стряпала обед. А мы с ее мужем беседовали: вот уже скоро и снег

выпадет — вон какие тучи нависли, и туман стоит, и как хорошо, что нет морозов, не вымерзнут озимые. И ни одним словом о том, что было.

Сапожник, видно, намеренно избегал этой темы, но он и не догадывался, как хорошо он поступает. Работал он быстро. Закончив, поднял ботинок, показал с гордостью:

— Будет как новенький!

А меня эти его слова в сердце кольнули, как укор: ведь я-то все еще нигде не работаю!

Еще ниже опустился к земле туман, и полдень уж отзвонили на колокольнях, а в воздухе закружились первые снежинки, когда я наконец набрался смелости заглянуть на свой заводской двор, погладить лохматую шею Мохнача. Пес сразу же признал меня и стал тереться о мое колено, как старый приятель.

Шаг за шагом я приближался к зданию цеха, и вот я уже стоял у окна. Пол завален стружкой, грохочут станки, гигант Балигач трудится над какой-то деталью. Рядом с ним незнакомый мне парнишка, помогает ему. А в углу старый дядюшка Шандор хлопочет у своего верстака. Взглянул я на них, почувствовал свежий запах древесной стружки и вдруг все на свете забыл.

Я снова был у себя дома, по рукам пробежала приятная дрожь, ладони зачесались: руки просили работы.

И я постучал в окно. Гигант Балигач прищурился, подошел к окну и, узнав меня, развел руками и басовито гаркнул, так что я и через стекло услышал:

— Смотрите-ка. Снеговик!

А я действительно сделался похожим на снеговика: снег валил уже хлопьями и, пока я глазел в окно, вырядил меня в новое, белое одеяние.

Внутри цеха от тепла «буржуйки» снег быстро сбежал с меня ручейками. Новый ученик очень удивился, когда я, подойдя к старому мастеру, набравшись духу, спросил:

— Дядя Шандор, можно мне будет опять работать?

Старик сдвинул на лоб очки, оглядел меня с ног до головы и, насупив брови, спросил:

— А пораньше это тебе не пришло в голову?

— Пришло, — возразил я. — Я к вам домой заходил, в начале ноября. А сосед ваш сказал, что вас уже третий день не видно. «Может, говорит, за границу уехал».

Дядя Шандор кивнул, вроде даже усмехнулся:

— Ну, а ты? Отощал, будто борзая. Где скитался-то так долго?

Что таиться? Все равно однажды придется рассказать. Стараясь не глядеть в глаза старому мастеру, я сказал:

— Много, где побывал. Под конец — на австрийской границе. Оттуда пограничники домой отправили.

Дядя Шандор вернулся к своему верстаку, оставив меня одного. Молчали и Балигач и новенький ученик. Я постоял немного и вышел за дверь. На дворе снег уже все нарядил в белое: землю, крыши, деревья.

— Вот и зима. Хорошо, еще не было больших холодов, — сказал я и вспомнил брошенную где-то на поле тележку, на которой я вез через границу хромого Йошку. Наверное, ее совсем уже запорошило теперь снегом.

Возле сапожной мастерской дяди Дюриша меня нагнал новенький ученик. Хлопнул по плечу, схватил за рукав:

— Вернись! Дядя Шандор зовет. Говорит: «Куда этот лопух девался? Я, говорит, и не заметил, как он улизнул». Давай побыстрее. Завод наш заказ большой получил. Надо теперь поскорее транспортеры выпускать.

И снова для меня зима на лето повернулась. Право, мне так показалось, что опять солнце выглянуло.

— Ладно, — сказал я. — Бежим.

И мы оба побежали к цеху.

Послесловие

Сильно переменялся Балигач. Я даже удивился. Гигант, раньше такой безразличный ко всему, всегда со всем согласный, стал запальчивым, горячим. У него был любимый племянник, молоденький парнишка. В октябре убили его. С той поры — как подменили Балигача.

Я уже третий день работал в мастерских, как вдруг врываются к нам двое с автоматами и приказывают бросать работу и идти на демонстрацию. Завод, к которому вы относитесь, говорят, уже остановили. Никто не должен работать! И вдруг старый дядя Шандор вытаскивает из кармана револьвер, наставляет его на одного из этих, с автоматами, и говорит:

— Если сейчас же не уберетесь отсюда, буду стрелять!

Конечно, только один дядя Шандор мог так сказать — уверенным и спокойным голосом.

— Смотрите, гранату в окно бросим, если будете работать! — пригрозил один из мятежников.

— Мы позаботимся, чтобы она не взорвалась! — заверил их дядя Шандор. — А теперь вон отсюда!

Автоматчики убрались, грозя и ругаясь. Балигач, как телохранитель, стоявший все это время возле старика, сказал:

— Гранаты их я не боюсь. А вот отомстить, из-за угла пальнуть, это они могут!

И с этого часа не оставлял дядю Шандора нигде одного: ни в цеху, ни на заводе. Даже до дому его провожал.

И все же как-то утром те два молокососа, что на заводской двор приходили, подстерегли дядю Шандора. Из-под арки дома напротив выстрелили в него. К счастью, пуля только слегка оцарапала плечо. Новый ученик об этом мне позднее рассказал. А Балигач очень жалел, что не был при этом, не помог дяде Шандору разделаться с теми двумя подонками. Не беда, помогли другие. Какой-то парень шел в это время по улице. Вот они с дядей Шандором вдвоем и кинулись на террористов. Один из мятежников, правда, успел драпануть, но второго они все же скрутили, в милицию доставили.

До чего же мне не везет! — сокрушался потом Балигач.

В обеденный перерыв достал из бумажника фотографию, показал мне.

— Вот он, мой племяш. Хороший мальчонка был, правда? Полтора года назад как в армию призвали. Еще полгода бы, и демобилизовался. Жениться собирался. Невеста у него была. Красавица. В тот день он в наряде был. Пост его у оружейного склада был. Мятежники пришли, стали требовать, чтобы он их на склад пропустил. А племяш им: «Я — солдат, присягу принимал». Ну, мятежники после этого ворота взорвали, на территорию склада ворвались... Очередь из автомата по мальчику выпустили... — Балигач провел по круглому лицу ладонью, вытирая слезы. — Моего сына единственного война забрала. Одна радость и осталась у нас с женой — этот парнишка. Его мы растили, любовались, как он, будто тополек, кверху тянется, взрослеет. Пока его родители в город не переехали, он у нас все время воспитывался. Какой же я был дурак! — стукнув по столу огромным кулачищем, простонал гигант и заскрежетал зубами. — Думал, если голову в песок спрячу, будто страус, то меня все беды минуют. Так вот я и жил, со всеми и во всем соглашался. Я никого не трогал, меня никто не задевал. Стыдно вспомнить. Отец мой весь свой век прожил, в земле копаясь. Всю жизнь в нее вложил, а чего добился? Ничего. А теперь вон у моих

родственников, которые в кооперативе, какие дома в деревне стоят! Любо посмотреть! Да и мы здесь, в городе, разве плохо жили при новом-то строе? Мальчишка — он все это хорошо понимал. А я... Трус я был — одно слово. А теперь стыд и совесть меня гложут. Племянник куда больше меня понимал...

Я очень сочувствовал Балигачу. Мне он нравился. Мы с ним теперь частенько разговаривали. Это он, между прочим, шепнул мне по секрету, что старик очень расстроен. Другого он от меня ожидал, не думал, что засосет меня эта пучина. На таких дурачках, как я, говорил ему старик, и пытаются въехать в рай всякие негодяи, которые нашей кровью торгуют. А сами «наездники» собственную шкуру всегда успевают спасти. Они все уже давно стрекача задали и думать забыли о своих «лошадках».

Я видел, что дядя Шандор хорошо, по-отечески, ко мне относится, жалеет меня, но все же не так, как прежде. Не доверяет, что ли? А мне очень обидно. Между прочим, от Балигача я узнал, что старик, в то время как я его дома искал, находился в отряде рабочей гвардии, во внутренних войсках.

«Отличный дядька!» — часто повторял гигант.

А вообще дядя Шандор мало изменился. Остался, каким был: немногословным, серьезным, ловким в работе. Если я что напорчу в работе — отругает. Но после смены подзовет к себе, вместе со мной домой идет. До сих пор не могу простить себе: и как это я мог подумать, что он за границу сбежал?

По дороге домой он иногда рассказывал нам о себе, о своем детстве. Жил он тогда на окраине, в большом, черном от копоти доме. Жили тут особенно бедно: целый день гвалт стоял, пьяных полно, крик, ссоры. В детстве любил он, бывало, по лесу летом бродить, деревьями любоваться, птах по голосам узнавать. А вот зимой тяжелая пора наступала: одежки, обуви не было, а школа — далеко...

Слушали мы его рассказы — дивились. Какое, оказывается, у людей детство трудное было. В семнадцатом в русском плену побывал, революцию увидел, боевого духа хлебнул...

О минувших событиях в Будапеште мы хоть и редко, но иногда вспоминали. Дядя Шандор этих разговоров никогда не заводил. Но и самим хотелось бы разобраться во многих непонятных нам вещах. Объяснял он немногословно, зато доходчиво. Что в октябре на площади

перед парламентом огонь открыли с крыш домов по демонстрантам провокаторы вроде нашего Жабы. И достигли своей цели: подбили кое-кого «мстить за погибших товарищей». Точно такую же провокацию учинили эти молодчики и возле Дома радио. А теперь, когда пришло время ответ держать, истинные преступники, спровоцировавшие мятеж, первыми открывшие стрельбу, уже давно сбежали на Запад.

Дядя Шандор объяснял, а перед глазами у меня вставала картина того первого дня: колонна, идущая от парламента, паренек с повязкой на голове, за которым я шел будто загипнотизированный.

— Обманули ребят, — говорил дядя Шандор. — Гнусно обманули. Эх, скольким из них это стоило жизни!

Я покраснел: ведь это и обо мне он говорил, меня имел в виду.

С теплыми ветрами пришел март.

Готовясь к празднованию Дня пятнадцатого марта, город нарядился в торжественное убранство.

Однажды, возвращаясь с завода, я повстречался на площади Мате Залки с Жужей Ола. Она тоже шла домой из школы. Подошел к ней, вижу: она вся в слезах. Но, заметив меня, она быстро вытерла глаза, гордо вскинула потупленную голову.

— Что случилось? — спросил я. — Кто-нибудь обидел?

Жужа покачала головой: нет. На шее у нее был красный галстук. Да, многие отдали жизнь за красное знамя. В том числе и ее брат...

Некоторое время мы шли молча.

Я, право, не знал, приятно ли ей мое общество. Я решил спросить:
— Тебе что-нибудь обо мне рассказывали?

— Хорошего — мало, — честно призналась она. — Бакалейщица Котас тогда всем уши прожужжала: «Андришем Йовольтом гордиться надо!»

Снова помолчали, шагая рядом.

— Теперь это трудно объяснить, как все получилось, — покраснев, начал я. — Меня и не было среди тех, кто твоему брату зло причинил. Да и не сделал бы я ему зла никогда. Никогда!

Жужа посмотрела на меня своими жгучими глазами с косым татарским разрезом.

— Понимаю, — кивнула она. — Отец мне это все объяснил. Многие ребята просто не понимали, в какую гадкую историю их втягивают. Он сказал, что когда-нибудь, может быть через сто лет,

напишут, каким трудным путем шло человечество к социализму. Через множество препятствий, рвов и ухабов. Бывало и так, напишут, что люди против своих же собственных интересов выступали. Например, во время событий в октябре пятьдесят шестого года в Венгрии... Я эти папины слова хорошо запомнила...

И я тоже их хорошо запомнил. И ни на минуту не сомневаюсь в их справедливости.

— Между прочим, если тебя кто хоть одним словом заденет, мне скажи. Ясно? Я с ним потолкую!

Я был счастлив, что иду рядом с ней. Наверное, и ей было хорошо со мной. Мы шли, разглядывали витрины магазинов, разговаривали, купили карамелек, потом букет подснежников.

— Ты на меня не сердишься? — спросил я ее уже в парадном.

— В детстве мы ведь дружили. А теперь я тебя мало знаю, — сказала она.

— Узнаешь, — пообещал я. — Я хотел бы, чтобы ты все знала обо мне. Приходи посмотреть на наши мастерские. Познакомлю тебя с Балигачем, с дядей Шандором. Потом Мохнач — такая ласковая собака. Приходи: наши мастерские ведь совсем рядом с твоей школой. Будешь мимо проходить и загляни. Вместе домой пойдем...

Она засмеялась, а я весь вспыхнул от радости. Какие у нее красивые белые зубы и ямочки на щеках, когда она смеется!

Но она не пришла. Ни на следующий день, ни на третий. Я уж подумал: «Чудак я какой-то, про Мохнача зачем-то начал ей говорить». Но ведь в мастерских я действительно чувствовал себя как дома, очень уж мне там нравилось.

С приходом весны работы прибавилось. Вместо лысого Бенкё в мастерскую пришел новый подмастерье. Говорили, что нам еще добавят людей. Заказов привалило столько, что домой я возвращался только поздно вечером. Так незаметно подкатило и лето.

Вот тогда-то в один из июньских вечеров возле кинотеатра «Бастион» я и повстречал Денеша. От моего дружка, прежнего Денеша, которого я когда-то действительно любил, не осталось ничего.

Теперь передо мной стоял здоровенный верзила и все же какой-то пустой, будто воздушный шарик. Я говорил с ним и с каждым его словом ощущал, как он уходит от меня все дальше. Дальше, чем когда-то увезли его от меня поезд, пароход.

Да он и сам это чувствовал. Он, правда, приглашал меня к себе, в школу танцев. Но, прощаясь, мы уже оба знали, что больше никогда не встретимся.

Нет, я не завидовал Денешу. Он сказал, что хочет быть сам себе хозяин. А стал сорванным с дерева листом, который несет, швыряет из стороны в сторону шальной ветер. И стоит мне только о нем вспомнить, как тут же в памяти встает бедняга Йошка, его полный укора взгляд. Под этим взглядом Денеш сразу бледнеет, будто съеживается. А в моем воображении остается один Йошка. Может, я еще узнаю что-нибудь о нем? Попрошу дядю Шандора помочь мне разыскать его.

Старик пообещал и уже справлялся в сотне мест. Денеша я потерял, это точно, но, может быть, однажды все же отыщу Йошку?

Лето. Сверкает на солнце гладь Дуная, зеленеют леса на Будайских горах. Вчера я подумал, что понемногу все приходит в порядок. Вот уже и у всех моих домашних рождаются какие-то планы. Каждый ведь чего-то хочет: ради того мы и трудимся, чтобы исполнялись наши желания.

Мама готовится поменять квартиру, и кажется, в следующем месяце это ей уже удастся сделать. Агнешка вообще наверху блаженства: получила аттестат зрелости и завоевала серебряную медаль на городском первенстве по настольному теннису. Надеется попасть в сборную страны.

Хенни долго тосковала по своему Ферко; он прислал ей всего два письма из Европы, а третье — уже из-за океана. Целую неделю сестра изучала карту Канады, расспрашивала всех об этой стране, куда укатил ее дружок и теперь вкалывал где-то на лесоповале.

— Жаль, не успел он тут окончить институт. Теперь ему никогда не стать инженером, — печалилась Хенни и слала ему одно за другим письма.

Но Ферко не отвечал на них, и в конце концов Хенни тоже перестала писать. И она сделала вид, что ее ничуть и не огорчает такая потеря. Больше мы не слышали от нее даже упоминания о Ферко.

А может, она действительно переболела этой любовью. Теперь она встречается с другим парнем. Он уже заканчивает институт. Спокойный, тихий молодой человек, носит роговые очки и трезво взирает на окружающий мир. Говорят, способный физик, и ему уже предлагают место в научно-исследовательском институте.

А сама Хенни сейчас что-то там переводит с иностранного и хорошо зарабатывает. В общем, у них дело идет к женитьбе. Как видно, сестрица пришла к выводу, что и у себя на родине она может «устроить свою жизнь» и «достичь, чего хочет». Еще лучше, чем в далекой Канаде, возле Ферко, которому теперь уж никогда не стать инженером.

Мои собственные планы? Есть таковые и у меня. Жду, пока старик снова начнет верить в меня, как когда-то. Хорошо, если бы он однажды подмигнул мне, как бывало, и по-приятельски приветливо сказал: «Ну, Андриш, как? Сразимся?»

Не в шахматах, конечно, теперь дело. Важен сам факт: доверие.

«Знаю, Андриш, что теперь ты все понял, продумал и станешь отныне совершать только честные поступки. И будешь на этом стоять всегда, до последнего вздоха, до последнего патрона, если придется».

Этого мига я жду.

И может быть, однажды летом, в один прекрасный день, все же придет к нам в мастерские Жужа Ола. Или, может, осенью, когда снова начнутся занятия в школе.

В золотистом воздухе сентября в это время плывет смолистый запах стружки, а солнце красит в разные цвета листву. Жужа придет, потреплет рукой лохматую шубу Мохнача, заглянет в наш цех, а потом мы вместе с ней пойдем домой. И я отдам ей эти свои записки об осенних днях прошлого года.

Она же хотела лучше узнать меня. Пусть узнает и поймет, как нелегко мне все это досталось. Трудная была осень. Трудная, это уж точно.

По утрам, когда я иду на завод, над городом стоит густой туман. Потом сквозь его пелену неторопливо и постепенно начинают проступать дома, сверкающие освещенными окнами, вершины гор и блестящая гладь реки. Это самые красивые минуты наступающего утра, и тогда я думаю, что однажды так вот, из туманного сумрака, навстречу мне выйдет мое будущее — путь, по которому предстоит мне идти.

Ведь пока этот мой путь все еще в тумане. И я волнуюсь и тревожусь: не сбиться бы, не угодить бы на неверную дорогу.

Нет ничего прекрасней свежего рассвета, когда полумрак неведения сменяется светом.

В эти минуты во мне снова и снова рождается надежда, я начинаю верить в себя и, весело насвистывая, иду по дороге к заводу. В густых

кронах деревьев мне откликаются птицы, над мастерской сапожника тянется дымок из трубы, и с кухни пахнет свежим кофе. А мастер Дюриш стоит в дверях своей мастерской и приветливо отвечает на мое «доброе утро»:

— Доброго утра и тебе, Андриш! — и взглядом подбадривает меня.

Примечания

1. В Венгрии полное среднее образование складывается из 8-ми лет школы и 4-х лет гимназии.
2. Издательство «Детская литература», М., 1976 год.
3. Журнал «Детская литература», № 4 за 1973 год, статья Ж. Кантор «Взаимовлияние советской и венгерской детских литератур».
4. Остров Маргит — любимое место отдыха жителей венгерской столицы.
5. «Иродалми уйшаг» — «Литературная газета», еженедельник.
6. В Венгрии в среднюю школу поступают после окончания восьми классов начальной.
7. Миндсенти Йожеф — глава венгерской католической церкви, кардинал, представитель крайне реакционных клерикальных кругов. В 1947 году активно участвовал в заговоре против народно-демократического строя, за что был осужден народным судом. В октябре 1956 года был выпущен на свободу мятежниками и сразу же выступил за восстановление помещичье-капиталистического строя в Венгрии.
8. Район Будапешта.
9. Слова песни Шандора Петёфи «Покинул край родимый...»

СОДЕРЖАНИЕ

О. В. Громов. Предисловие	3
Кантор Ж. Парад «пингвинов» Перевод с венгерского Г. Лейбутина . . .	10
Замок в тетради Перевод с венгерского С. Фадеева . . .	41
Улица Пратер Перевод с венгерского Г. Лейбутина . . .	92

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Жужа Кантор

УЛИЦА ПРАТЕР

Повести

ИБ № 1393

Ответственный редактор Н. С. Дроздова. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор И. Я. Кслюдная. Корректоры Н. А. Сафронова и Н. Г. Худякова. Сдано в набор 17/V 1977 г. Подписано к печати 26/X 1977 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 12. Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 9,17. Тираж 75 000 экз. Заказ № 774. Цена 45 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К читателям

*Издательство просит отзывы
об этой книге
присылать по адресу:
125047. Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Кантор Жужа

К 19 Улица Пратер. Повести. Пер. с венгр. Г. Лейбутина и С. Фадеева. Худ. Л. Хайлов. М., «Дет. лит.», 1977.

191 с. с ил.

В книгу современной венгерской писательницы входят три повести: «Парад «пингвинов», «Замок в тетради», «Улица Пратер» — о школьниках, о делах пионерских, о судьбах подростков.

К $\frac{70802-531}{M101(03)77}$ 387—77

И(Венгр)

Цена 45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“